

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПОЛЯРИС»**

WORLDS OF POUL ANDERSON

Volume ten

HROLF KRAKI'S SAGA

«POLARIS» PUBLISHERS
1996

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

Том десятый

**САГА
О ХРОЛЬФЕ ЖЕРДИНКЕ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1996

Миры Пола Андерсона. Т. 10 / Пер. с англ. — Рига: Полярис, 1996. — 302 с.

Мастер фантастики возвращает современному читателю полузабытую сагу о датском короле Артуре, герос и объединителе своей страны — «Сагу о Хрольфе Жердинкс».

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом об авторском праве. Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

Hrolf Kraki's Saga
Copyright © 1973 by Poul Anderson

© Издательство «Полярис»,
перевод, оформление, 1996

© Издательство «Полярис»,
составление, название серии, 1995

ISBN 5-88132-187-1

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

собрание фантастических произведений
в тридцати томах

ТОМ ДЕСЯТЫЙ

Уважаемые читатели!

Издательство «Полярис» благодарит вас
за интерес к нашим книгам
и поздравляет с удачным вложением денег.
В каждом томе «Миров Пола Андерсона»
(кроме последнего)
вы найдете аналогичный призовой купон.
Мы рекомендуем сохранить эти купоны
до окончания выхода в свет всего собрания
фантастических произведений Пола Андерсона.

**Потому что...
Внимание!!!**

Потому что читатели, которые вышлют нам
29 разных купонов (по одному из каждого тома),
получат последний том «Миров Пола Андерсона»

БЕСПЛАТНО!

Каждому, кто соберет и вышлет
в адрес издательства 29 призовых купонов,
мы гарантируем получение по почте бесплатно
последнего тома «Миров Пола Андерсона».

НАШ АДРЕС:

Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

«МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА»

собрание фантастических произведений
в тридцати томах

1	«Зима над миром» «Огненная пора»	Терранская империя — 3 Рассказы и повести	16
2	«Победить на трех мирах» «Тау — ноль» «Полет навсего»	Терранская империя — 4 «День, когда они возвратились» «Рисков, призраков и теней»	17
3	«Орион ожидает»		
4	«Мелн на миллион лет»	Терранская империя — 5 «Игра империи» «Камень в небесах»	18
5	«Враждебные звезды» «После сурового дня» «Ущелье»	«Ночной лик» «Орбита не ограничена» Рассказы	19
6	«Планета, с которой не возвращаются» «Война двух миров» «Мир без звезд» «Самодельная ракета»	«Звездные нивы»	20
		«Звезды тоже из огня»	21
7	«Волна мозга» «Сумеречный мир»	«Патруль времени» — 1	22
8	«Операция «Халс»» «Танцовщица из Атлантиды»	«Патруль времени» — 2	23
9	«Три сердца» «Буря в ледяном море»	«Штат времени»	24
10	«Сага о Хольмесе Кердиге»	«Психотехническая лига» — 1 «Психотехническая лига» «Снега Ганимеда»	25
11	«Торгово-техническая лига» — 1 Рассказы и повести	«Психотехническая лига» — 2 «Бескрылатый лобстер» «Звездный репутит»	26
12	«Торгово-техническая лига» — 2 «Сатанинские игры» «Обитель страха»	«Психотехническая лига» — 3 «Звездолет» «Планета девственниц»	27
13	«Торгово-техническая лига» — 3 Рассказы и повести		
14	«Терранская империя» — 1 «Дети из трапа» «Миссия Колонды»	«Аватар»	28
		Рассказы	29
15	«Терранская империя» — 2 «Воскресший сага» «Восставшие миры»	Рассказы	30

*В содержании отдельных томов после двадцатого
возможны незначительные изменения.*

От издательства

Составляющий десятый том собрания сочинений Пола Андерсона роман «Сага о Хрольфе Жердинке» (1973) открывает читателям новую, неожиданную сторону в творчестве известнейшего американского фантаста.

Любовь писателя к наследию своих предков-скандинавов проявляется во многих его произведениях, особенно в романах «фэнтези». Не случайно именно на скандинавском фольклоре основывается первый его «взрослый» роман — «Сломанный меч» (1954). И хотя Пол Андерсон получил большую известность как автор «жесткой» научной фантастики, а не фэнтези, позднее он еще не раз возвращался к северной теме. В том или ином виде Скандинавия, и в особенности Дания, присутствует в большинстве произведений писателя — даже в тех, где им, казалось бы, нет места; не случайно так гордится своим датским происхождением главный герой цикла о Торгово-технической Лиге Николас ван Рийн. Однако в «Саге о Хрольфе» Андерсон преследовал иную цель — не введение любимых им скандинавских элементов в научную фантастику, не создание самостоятельного романа на фольклорной основе, а переложение средневековых сказаний на современный язык, с тем чтобы сделать их понятными нынешнему читателю.

Историю как самой саги, так и создания романа автор достаточно подробно описывает в предисловии. Обращает на себя внимание элемент случайности, оказавший такое большое влияние на судьбу этого героического эпоса. Если английский вариант одной из ветвей саги — «Беовульф» — вошел в золотой фонд литературы, то Сага о Хрольфе Жердинке, датском короле Артуре, объединителе и защитнике страны, оказалась почти забыта, и только усилиями Пола Андерсона была извлечена из забвения.

В рамки фэнтези «Сага о Хрольфе» укладывается лишь с-очень большой натяжкой, хотя в ней присутствуют и

конунг-колдун Адильс (чье чародейство, впрочем, не слишком действенно), и финские чародеи, и разного рода нечисть, а также прочие атрибуты жанра — волшебные мечи, доблестные герои и обитатели Волшебного мира. Как и во многих скандинавских сказаниях, центральную роль в ней играют не люди, а судьбы, решения всемогущих норн. Каждое решение, каждое действие героев может стать тем камешком, который сдвинет с места лавину возмездия.

Но пока лавина не обрушилась, герои саги пытаются создать своими усилиями лучший мир, в котором не будет места междоусобицам, насилию и бессмысленной вражде. И хотя все созданное ими рассыпается в прах и на датскую землю вновь ложится ночь варварства, память о мудром конунге Хрольфе переживает века.

САГА О ХРОЛЬФЕ ЖЕРДИНКЕ

ИСТОРИЯ «САГИ О ХРОЛЬФЕ ЖЕРДИНКЕ»

Книге пристало рассказывать о себе самой. Но поскольку это все-таки не современный роман в жанре «фэнтези», постольку читатель вправе получить сведения о ее источниках.

В отличие от «Саги о Вельсунгах», ядро которой сложилось на берегах Рейна, эпический цикл о Хрольфе Жердинке и его воинах имеет чисто северное происхождение. Когда-то этот эпос, чьи корни уходят глубоко в душу народа — в его песни, был широко известен. Но повезло ему гораздо меньше, чем сказаниям о Сигмунде, Сигурде Убийце Фафнира, Брюнхильд и Гудрун. Он так и не отлился в яркое прозаическое повествование, не стал источником поэм, которые бы дошли до наших дней целиком: поэтому теперь он почти забыт, а между тем вполне заслуживает того, чтобы о нем вспомнили вновь.

Зарождение этого эпоса по времени близко зарождению «Песни о Нибелунгах». Он — современник «Беовульфа». Собственно говоря, эти два эпических цикла — «Сага о Хрольфе Жердинке» и «Беовульф» — способны при сопоставлении многое прояснить друг в друге. Ведь в них зачастую действуют одни и те же персонажи. Наиболее ярким примером может служить конунг Хротгар, из чьих палат Беовульф изгнал чудищ. В датском эпосе этот конунг фигурирует как дядя главного героя, Хрольфа, под именем Хроар. Проведенный учеными сравнительный анализ не оставляет сомнений в том, что речь идет об одном и том же лице.

Все это позволяет достаточно точно датировать события, легшие в основу нашего эпоса. Григорий Турский в своей «Истории франков» упоминает Хохлаикуса — датского (несколько более поздние хроники называют его гаутским) ко-

роля, погибшего во время набега на Голландию. Это именно тот вождь, который в «Беовульфе» назван именем Хигелак, а в «Саге о Хрольфе Жердинке» (и еще в нескольких скандинавских сказаниях, дошедших до нас в отрывках) — Хуглейк. На этом основании мы с уверенностью можем говорить о том, что он был гаутом. Нам, правда, не известно достоверно, жило ли это племя в Ютландии или в той части Швеции, которая теперь называется Гетланд, а в те времена была независимым королевством. Полагаю, что второй вариант более вероятен. В любом случае, коль скоро этот вождь существовал на самом деле, нет сомнений в том, что должны были существовать и другие герои, обрисованные в эпосе гораздо ярче, в том числе сами Беовульф и Хрольф.

Хуглейк умер между 512 и 520 годами, Хрольф же появился на исторической арене двумя или тремя десятилетиями позже. Это была эпоха Великого переселения народов — эпоха гибели Римской империи, когда германские племена начали кочевать по Европе, и вряд ли мир переживал когда-либо более мрачные времена. Памятуя об этом, можно понять, почему Хрольф Жердинка оставил по себе столь славную память, почему сказители из поколения в поколение отправляли любого героя к его двору, хотя из-за этого все меньшая часть цикла оказывалась посвященной самому Хрольфу. Царствование Хрольфа осталось в памяти как относительно затишье среди бури, разбушевавшейся на столетия. Он был для Северных стран тем же, чем король Артур — для Англии, чем впоследствии стал для Франции Карл Великий. Спустя пять столетий, далеко к северу от Дании, в Норвегии, накануне битвы при Стикластадире люди конунга Олафа Святого были разбужены скальдом, громко певшим древнюю песнь о Бьярки, ту самую, в которой он созывает дружинников датского конунга-язычника Хрольфа на последнюю битву.

До нас дошли фрагменты этой песни. Кроме того, известна еще одна песнь о Бьярки, представляющая собой другую, более позднюю версию этого сюжета. Еще одну песнь, вернее, ее длинное латинское переложение, приводит Саксон Грамматик (1150—1206) в своей хронике — своде датских легенд и исторических преданий, но на ее основе мы можем только попытаться реконструировать оригинал. (Примером такой реконструкции может служить глава 1 в «Сказании о Скульд». Некоторые другие части этой песни вошли в главы 2 и 3 нашего пересказа.) Сочинение Саксона Грамматика, которое, между прочим, содержит самую старую из дошед-

ших до нас версий предания о принце Гамлете, повествует прежде всего о Хрольфе. Кроме того, упоминания о нем есть в книгах Снорри Стурлусона «Круг Земной» и «Младшая Эдда», в краткой записи «Саги о Скьёльдунгах» и в других источниках. Важнейший же источник — несколько исландских рукописей, целиком посвященных преданию о Хрольфе. К сожалению, ни одна из дошедших до нас копий не была создана ранее 1650 года, и как стиль, так и логика изложения в них зачастую оставляют желать лучшего.

Все они противоречат друг другу, а иногда и самим себе. Более того, материал в этих рукописях так разбросан, что современный читатель, если только он не специалист по истории Скандинавии, вряд ли сумеет в них разобраться. Я уже давно мечтал реконструировать этот эпос: свести воедино лучшие версии и заполнить лакуны, используя там, где это необходимо, архаическую лексику или подыскивая там, где это возможно, точные словесные эквиваленты. И я очень благодарен Яну и Бетти Бэлэнтайн, а также Лину Картеру, чья помощь дала мне такую возможность.

Многие из моих решений и предположений окажутся, должно быть, спорными и совершенно произвольными. Что ж, предоставим ученым на досуге копаться в деталях. Для меня важнее всего было сделать мое повествование занимательным, не нарушив в нем духа подлинности.

Например, на мой — и, несомненно, на ваш — взгляд, слишком много имен в этой книге начинается на «Х» и даже на «Хр», но здесь я ничего не мог поделать, разве что в тех случаях, когда один из источников предлагал альтернативу. Из тех же соображений я старался употреблять современные топонимы, за исключением названий стран (типа «Свитьод»), которые уже перестали существовать на карте.

Величайшую сложность представляет собой сам духовный мир саги. Это ведь не «Властелин колец» — сочинение цивилизованного писателя-христианина, хотя саги, вероятно, послужили Толкиену одним из источников. Время жизни Хрольфа Жердинки — полночь Темных Веков. Убийства, рабство, разбой, умыкание женщин, кровавые и непотребные языческие обряды — все это было частью повседневности. Финны в особенности могут вспомнить, жертвой каких жестокости и суеверий становился их мирный народ*. Любовь,

---

* Когда в сагах заходит речь о финнах, на самом деле чаще всего имются в виду саамы. (Примеч. авт.)

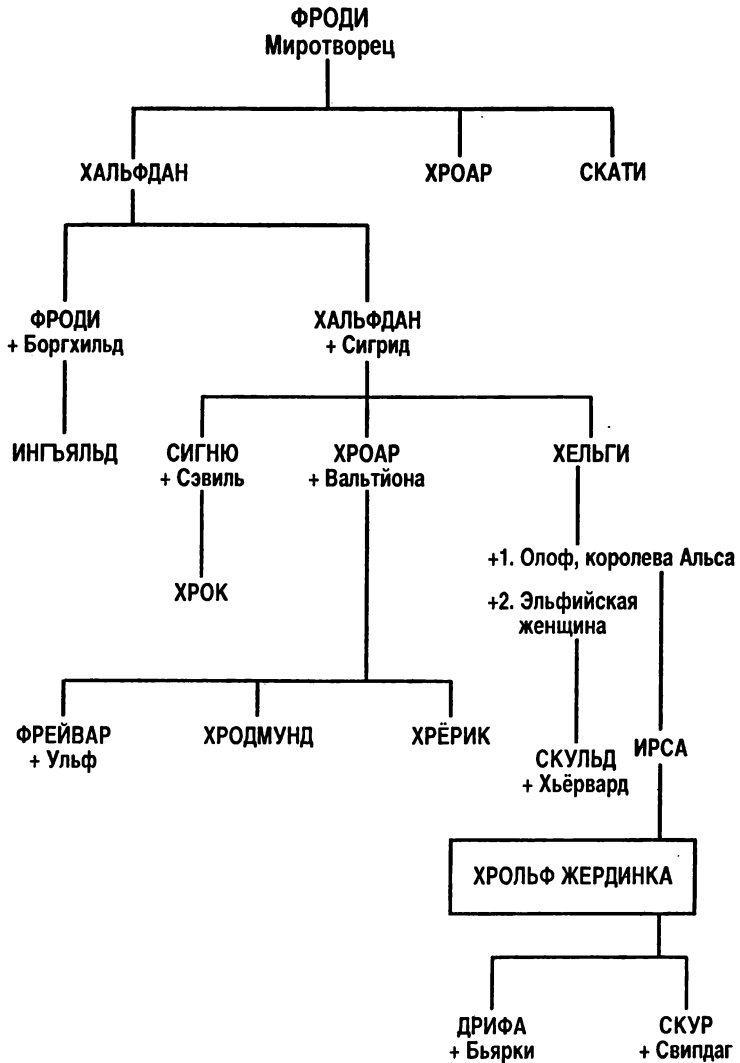
преданность, честь были тем, чем человек той эпохи пренебрегал в первую очередь, сохраняя их только для родителей, вождя и ближайших друзей. Все остальное человечество представлялось ему только скопищем врагов или жертв. И часто гнев или вероломство напрочь разрывали все связывающие людей узы.

Адам Эленшлегер, как писатель романтической эпохи, мог позволить себе идеализировать Хельги, Хроара или Хрольфа. Я этого делать не стал. Помимо всего прочего, нам сегодня полезно снова вспомнить: наша цивилизация отнюдь не что-то само собой разумеющееся. Я надеюсь, что вы сумеете справиться со всеми этими трудностями, а также с некоторой тяжеловесностью повествования, присущей эпосу, и с тем, что сегодня выглядит как отсутствие в нем психологической глубины. Это последнее качество является только отражением самосознания людей той эпохи. Нам их поведение кажется безумно эгоистичным, а между тем каждый из них ощущал себя в первую очередь частью своего рода и лишь во вторую — в зависимости от того, насколько он жаждал богатства и славы, — самим собой. Так, главный герой этой книги чувствует себя, как и многие другие персонажи, в первую очередь потомком Скьёльда.

Я считал своим долгом дать некоторое представление о том, по каким законам жили эти люди и это общество, но при этом ориентировался скорее на правду мифа, чем на гипотетическую историческую правду, а потому вложил свое повествование в уста женщины, жившей в Англии в десятом веке, когда этот эпический цикл достиг своего расцвета. Полагаю, что женщина скорее, чем мужчина, отступила бы от сухого языка саги. Конечно, в ее рассказе множество анахронизмов: Скандинавия в ее описании предстает такой, какой она могла ее знать.

Пол Андерсон

СКЪЁЛЬДУНГИ

*Жить после жизни, прожитой как должно,
Память способна, и прах забвенья
До Сумерек Света имя не скроет,
Громкое славой имя героя.*

Песнь о Бьярки

О ТОМ, КАК БЫЛА РАССКАЗАНА ЭТА САГА

Жил во времена короля Этельстана в Англии, в землях, называемых Датским Владением, человек по имени Эйвинд Рыжий. Его отец Свейн сын Кольбейна переселился когда-то в Англию из Дании, но продолжал часто навещать родину по торговым делам. Возмужав, Эйвинд сначала стал помогать отцу в торговле, но как был он нравом беспокойней Свейна и искал себе чести, то в конце концов пошел служить королю. За несколько лет Эйвинд сумел возвыситься при дворе, а в битве при Бруннбурге так храбро сражался во главе своего отряда, что король Этельстан обещал ему свою нерушимую дружбу и пожелал, чтобы тот всегда находился при нем в королевских покоях. Но не уверен был Эйвинд, стоит ли ему до конца своих дней жить при королевском дворе, а потому испросил королевского дозволения съездить сперва в свою отчизну.

Дома он застал своего отца Свейна готовым к очередному плаванью в Данию и отправился вместе с ним. В Дании их радушно принял вождь Сигурд сын Харальда. У него была дочь-красавица Гуннвор, и Эйвинд вскоре к ней посватался. Старики решили, что если Эйвинд и Гуннвор поженятся, то этот брак будет полезен обоим семействам, а потому Эйвинд, возвращаясь в Англию, взял с собой Гуннвор как свою невесту.

Ту зиму король проводил, разъезжая по стране, а Эйвинд должен был ему сопутствовать. Гуннвор отправилась вместе с ним. Вскоре она расположила к себе всех придворных дам тем, что могла немало поведать о чужих странах и дальних дорогах. Король Этельстан был холост, но все же прознал о Гуннвор, а главное, о ее сагах, в которых говорилось о давно

прошедших днях. Призвал король Гуннвор в ту палату, где сидел со своими людьми, и упрекнул шутя:

— Ночи темны и долги, что же ты веселишь женщин, а меня не потешишь?

— Я только рассказываю им всякие истории, государь, — ответила Гуннвор.

— И те, слухи о которых дошли до меня, судя по всему, неплохи.

Гуннвор смутилась. Тут уж Эйвинду пришлось прийти ей на помощь:

— Государь, некоторые из этих историй знаю и я. Но, сдастся мне, не пристало их рассказывать в этом обществе. — Он покосился на епископа, который сидел подле короля. — Это ведь языческие сказания.

Эйвинд не упомянул о том, что и сам он до сих пор оставляет приношения эльфам.

— Что с того, — сказал король Этельстан, — уж если среди моих друзей такой человек, как Эгиль сын Грима Лысого...

— Нет греха в том, чтобы слушать саги о наших предках, должно только помнить, что они жили во мраке заблуждения, — откликнулся епископ. — Кроме того, такие истории помогут нам лучше понять тех, кто до сих пор коснеет в язычестве, и тем привести их к истинной вере. — Помолчав, он задумчиво добавил: — Должен сознаться, юность свою я провел, обучаясь в чужих краях, так что знаю о вас, датчанах, меньше, чем другие жители Англии. Я был бы благодарен леди Гуннвор, если бы она согласилась кратко повторить то, о чем она уже поведала, прежде чем повести свой рассказ дальше.

Так в ту зиму Гуннвор провела множество вечеров, рассказывая двору короля Этельстана сагу о Хрольфе Жердинке.

СКАЗАНИЕ О ФРОДИ

1

В те далекие времена Датская держава была меньше, чем в наши дни — только остров Зеландия и несколько небольших островов вокруг. Кроме меловых утесов острова Мен на юге, Дания — равнинная страна, и ее холмы так же пологи, как покойно течение ее рек. К востоку от Датских земель, за проливом Зунд, лежит полуостров Сконе. В самой узкой части пролива — здесь его и ребенок переплывет — берега необыкновенно похожи друг на друга; говорят, это богиня Гефьон отпахала остров Зеландию от материка для себя самой и своего мужа Скъёльда сына Одина. Но далее к северу, у Каттегата, берег Сконе постепенно повышается, превращаясь в гряды красноватых холмов.

Датские земли плодородны; воды, омывающие их берега, кишат рыбой, тюленями и китами; когда стаи дичи взлетают с датских болот, кажется, что это поднялась черная туча, и, точно гром, гремит хлопанье тысяч крыльев: деревья датских лесов далеко разошлись по свету мачтами прекрасных кораблей. Такими же мачтовыми деревьями еще полны почти не тронутые леса Дании, леса, что до сих пор служат убежищем оленю и лосю, туру и зубру, волку и медведю. В стародавние времена эти пуши были еще более дремучими, чем ныне, отделяя непроходимой чащобой одно человеческое жилище от другого и укрывая под своим пологом не только разбойников, но и эльфов, троллей и прочую нежить.

К северу от Сконе лежит земля гетов, которых в Англии называют гаутами. В те времена, о которых идет речь, это была независимая страна. Еще севернее — земля Свитьод, страна шведов, в те времена — самая большая и сильная из

Северных стран. К западу от нее, за горами, расположено королевство Норвегия, но в те времена оно делилось на множество враждующих друг с другом мелких княжеств и племен. Между норвежцами и шведами живут финны. В основном это бродячие охотники и оленье пастухи, а их язык совсем не похож ни на один из наших языков. Земли их богаты мехами, поэтому датчане, норвежцы и шведы то и дело нападают на финнов, стремясь обложить данью, несмотря на то что народ этот насчитывает множество колдунов.

Ежели теперь снова повернуть на юг, то к западу от Зеландии, за водами Большого Бельта, лежит остров Фюн. За Фюном — пролив Малый Бельт, который отделяет этот остров от полуострова Ютландия. Ютландские земли холмистей и суровей других земель, составляющих ныне Датскую державу. С севера на юг, от продутых ветрами побережий мыса Скаген до трясин, по которым человек ходит на ходулях точно журавель, до самого устья могучей реки Эльбы, простирается земля, давшая жизнь всем тем народам, что потом далеко разбрелись по свету — всяческим кимврам, тевтонам, вандалам, герулам, англам (по ним теперь зовется Англия), ютам, саксам и многим, многим другим.

Датские конунги, которые поначалу владели только Зеландией и Сконе, стремились покорить все эти буйные народы, не только затем, чтобы снискать могущество, богатство и славу, но и чтобы прекратить бесконечные набеги и войны. Иногда им случалось одержать победу в сражении, тогда та или иная земля признавала их верховенство. Но вскоре мечи вновь покидали ножны, и кто-нибудь снова пускал красного петуха под кровли усадеб тех ярлов, которых конунг посадил управлять недавно завоеванными землями.

Кроме того, война рано или поздно начиналась из-за того, что братья королевской крови начинали враждовать между собой. Уж таковы они были, эти потомки Скьёльда и Гефьон. В Англии говорят, что Скьёльд — здесь его называют Скильд — попал в Данию так:

Однажды волны пригнали к берегу лодку без весел. Она была до краев полна оружием, а кроме того, там, положив голову на пшеничный сноп, спал мальчик. Датчане сделали его своим конунгом, и когда он вырос, то стал истинно великим мужем, стал тем, кто дал стране мир и закон. Когда же он умер, опечаленный народ уложил его тело в богато нагруженную ладью и пустил ее по воле волн, чтобы Скьёльд

мог вернуться к тем неведомым берегам, от которых он когда-то пришел в Данию. Люди верили, что отцом Скьёльда был Один. И, правду сказать, кровь Одноглазого Бога то и дело давала себя знать в потомках Скьёльда, но каждый раз по-разному, так что иные из Скьёльдунгов были мудрыми и терпеливыми вождями, иные — необузданными и алчными воинами, иные же слишком внимательно всматривались в тайны, на которые человеку лучше и вовсе не обращать взора.

Но еще больше, чем датские конунги, были привержены тайноведенью конунги земли Свитьод. Они происходили из рода Инглингов, потомков Фрейра, а ведь Фрейр — бог земли, а не неба, бог плодородия, которое вызывают из всепожирающей земной утробы теми же тайными обрядами, что и мертвецов. В Упсале, где был стол шведских конунгов, многие из них поклонялись зверям и чертили волшебные руны. Но в то же время в роду Инглингов было немало доблестных воинов, так что, когда Ивар Широкие Объятья прогнал их из Свитьод (это случилось не в те времена, о которых сейчас речь, а гораздо позже), один из мужей этого рода стал предком Харальда Прекрасноволосого, того самого, который объединил всю Норвегию под своей властью.

Между Скьёльдунгами и Инглингами никогда не было дружбы, зато немало крови пролилось между ними. А еще лежала между ними земля гетов. Более малочисленные, чем их соседи, геты стремились быть в мире и с теми и с другими или, на худой конец, вести двойную игру. Но сами по себе гетские воины были далеко не самыми слабыми. Из их народа происходит тот славный муж, которого в Англии называют Беовульфом.

Так обстояли дела в те времена, когда Фроди Миротворец стал конунгом Дании. Множество разных историй рассказывают о нем и о том, как он, действуя то силой, то хитростью, достиг престола и затем установил такие законы, что мир воцарился по всей стране, да такой прочный, что, говорят, юная дева с полной торбой золота могла без страха пересечь всю Данию из конца в конец. Но и во Фроди была та же жадность, что и во всех Скьёльдунгах, жадность, за которую изгнали некогда Хермода, его предка, с высокого престола в Лейдре в лесные дебри. Много есть преданий о гибели конунга Фроди, но скальдам больше всего нравится такое:

Пришел корабль из Норвегии, привез на продажу невольников, горцев, захваченных в плен. Среди рабов выбрал для

себя конунг Фроди двух юных дев огромного роста. Волосы были у них длинные, черные и спутанные, скулы — высокие, рот и нос — широкие, глаза — раскосые, а одеты они были в гнилые шкуры. Сами себя они называли — а голос у них был что твой гром — Фенья и Менья. Купцы рассказали Фроди, сколько людей погубили эти девы, прежде чем удалось их связать, рассказали и о том, что природа их не человечесья, а происходят они из рода великанов-ётунов. Мудрец пытался предостеречь конунга, говорил ему, что никогда бы не удалось схватить великанш, если бы на то не было воли Норн. Но не послушал конунг своего мудреца.

Была у конунга Фроди ручная мельница, звалась она Гротти. Откуда взялась та мельница, никто не знал — может, из одного из тех огромных дольменов, что стоят по всей Датской земле. (Кто сложил те дольмены — неизвестно, и самое имя тех людей давно забыто.) Некогда одна колдунья сказала конунгу, что эта мельница способна намолоть все, что ни пожелаешь, да только никому не под силу было сдвинуть верхний жернов с помощью дубовой рукояти. Вот и подумал конунг: может, девы-великанши справятся с этой работой.

И правда, хватило им на это сил. Запер их конунг Фроди в темном амбаре, где стояла чудесная мельница. Вот как поется в древней песне о том, что случилось дальше:

Вот появились
в палатах конунга
веющие девы
Фенья и Менья.
Фроди они,
Фридлейва сыну,
сильные девы,
отданы в рабство.
К мельнице их
подвели обеих,
жернов вращать
велели тяжелый.
Не дал им Фроди
на миг передышки,
пока они песню
ему не запели.
Начали песню,
прервали молчанье:*

---

* Младшая Эдда, перевод О. А. Смирницкой.

*«Поставим-ка жернов,
камни поднимем!»
Дальше молотъ
повелел он девам.
Пели, швыряя
вертящийся камень,
спали в тот час
челядинцы Фроди;
молвила Меня,
молотъ продолжая:
«Намелем для Фроди
богатства немало,
сокровищ намелем
на жернове счастья:
в довольстве сидеть ему,
спать на пуху,
просыпаться счастливым:
славно мы мелем!
Никто здесь не должен
зло замышлять,
вред учинять
иль убийство готовить;
рубить не пристало
острым мечом
даже брата убийцу,
в узах лежащего!»
Он им сказал:
«Срок вам для сна —
пока куковать
не кончит кукушка
иль, замолчав,
опять не начнет!»
«Фроди, ты не был
достаточно мудр,
приязненный к людям,
рабынь покупая:
ты выбрал по силе,
судил по обличью,
да не проведал,
кто они родом.
Хрунгнир с отцом
храбрейшими были,
но Тьяцци мог с ними
в силе тягаться;
Иди и Аурнир
родичи наши,
ётунов братья,
мы их продолжение.
Гротти не вышла б*

из серого камня,
камень бы твердый
земли не покинул,
так не мололи бы
великаниши,
когда б волшебства
не было в мельнице.
Мы девять зим,
подруги могучие,
в царстве подземном
росли и трудились:
нелегкое дело
девам досталось —
утесы и скалы
мы с места сдвигали.
Камни вздымали
на стену турсов
так, что вокруг
содрогалась земля,
так мы швырнули
вертящийся камень,
что впору мужам лишь
было схватить его.
За этим вослед мы,
вещие девы,
в Швеции вместе
вступали в сраженья:
рубили кольчуги,
щиты рассекали,
путь через войско
себе пробивая.
Конунга свергли,
сражаясь за Готторма,
смелому князю
помочь мы смогли:
не было мира
до гибели Кнуи.
Так, дни за днями
мы доблестно бились,
что слава пошла
о сраженьях наших:
мы копьями там
кровь проливали,
мечи обагряли
вражеской кровью.
Вот мы пришли
к палатам конунга,
мы обездолены,
отданы в рабство:

холод нас мучит
и ноги ест грязь,
мы жернов вращаем,
нам плохо у Фроди!
Рукам дать покой бы,
жернов не двигать,
смолола я больше,
чем было мне сказано!
Нельзя дать покой
рукам, пока вдоволь
помола для Фроди
мы не намелем!
В руки бы дали
крепкие древки,
мечи обагренные!
Фроди, проснись!
Фроди, проснись,
если хочешь ты слышать
старые песни
и древние саги!
От палат на восток
вижу я пламя,
то весть о войне,
знак это вещей;
войско сюда
скоро приблизится,
князя палаты
пламя охватит.
Ты потеряешь
Лейдры престол,
червонные кольца
и камень волшебный.
Девы, беритесь
за рычаги!
Нам здесь не согреться
кровью сраженных.
Сильно молоть
я постаралась,
видя грядущую
гибель для многих;
прочь с основания,
в ободьях железных,
сброшена мельница,
мелем мы снова!
Мелем мы снова:
сын Ирсы мстью
Фроди ответил
за гибель Хальфдана;
братом ее

*назван он будет
и сыном ее;
мы это знаем».*
*Девы мололи,
меряясь силами,
юные были,
как ётуны в гневе;
балки тряслись,
основа слетела,
надвое жернов
тяжелый расколот.*
*Слово сказала
тогда исполинша:
«Мы Фроди смололи
славный помол;
вдосталь над жерновом
девы стояли».*

В гневе Фенья и Менья накликали викингский набег на крепость конунга: так погиб конунг Фроди. По-разному рассказывают о том, что случилось дальше с этими великанами, но все сходятся на том, что с этого времени пало на Скъёльдунгов роковое проклятье.

После Фроди осталось трое сыновей: Хальфдан, Хроар и Скати. Разгорелась между братьями борьба из-за главенства. Конунги, как называют королей тех стран, что лежат за Северным морем, нередко имеют множество сыновей, и это стало настоящим проклятьем для их земель, ибо ни один сын не считает себя ниже другого, кем бы он ни был рожден: королевой ли, наложницей ли, рабыней ли; даже если он просто плод случайной встречи — все равно он всегда сумеет поднять людей, которые полагают, что они не останутся внакладе, если тот, кого они поддерживали, победит.

В той распре удача сопутствовала Хальфдану. Он хоть и не успел состариться, но умер в своей постели. После него осталось двое сыновей. Старшего по деду называли Фроди. Младший, родившийся после смерти Хальфдана, получил отцовское имя.

Я уже упоминала о ярлах. Ярлы — это совсем не то же самое, что эрлы, то есть графы, здесь, в Англии, хотя сам титул и звучит похоже. Нет, ярл — независимый вождь, уступающий властью только конунгу. Иногда конунг сажает его управлять какой-либо частью своей страны, иногда он сам становится независимым конунгом во всем, кроме титула. Именно так и случилось, когда Фроди и Хальфдан были еще

малы. Эйнар, ярл земель, лежащих вокруг королевской столицы Лейдры, стал их опекуном.

Эйнар был муж благоразумный и вовсе не хотел, чтобы Датскую державу снова рвали на части в междоусобьях. Чтобы избежать этого, он заставил свободных землевладельцев-бондов, собравшихся на народное вече, называемое тингом, признать конунгами обоих братьев. Но править они стали порознь: Хальфдан — Зеландией, Фроди — Сконе.

Когда мальчики подросли, Эйнар ярл женил их. Хальфдан взял в жены Сигрид, дочь мелкого конунга с острова Фюн. Она родила ему троих детей, и все трое выжили. Старшей была дочь Сигню, которую, когда она вошла в должный возраст, выдали за Сэвиля, сына и наследника Эйнара. Сын Хроар был младше ее на пять лет, а второй сын, Хельги, — младше Хроара еще на два года.

В те времена был обычай отдавать отпрысков знатной семьи на воспитание в дома людей попроще. Там они могли обрести те умения, которые приличествуют юноше или деве; там они обзаводились друзьями. Хроара и Хельги взял на воспитание Регин сын Эрлинга, наместник того округа, в который входила столица датских конунгов Лейдра. Он полюбил своих воспитанников, точно это были его родные дети.

Хальфдан был добрый и веселый конунг, и народ любил его за щедрость и справедливость.

Зато его брат конунг Фроди был человеком суровым и алчным. Он женился на Боргхильд, дочери конунга саксов, которые жили на юге Ютландии. Так он приобрел союзников, которые, стоило им переплыть Балтийское море, навели такой страх на шведов, что тем становилось не до нападений на его владенья. Боргхильд родила Фроди сына Ингьяльда, но сама умерла родами. Фроди, отослав сына на воспитание к своему тестю, продолжал править Сконе, но лелеял мечты о большем.

К тому времени как Эйнар ярл умер от старости, дела в Датской державе обстояли так: в Зеландии, на престоле в Лейдре, сидел конунг Хальфдан со своей королевой Сигрид. Народ его почитал, но так как сам он был не охотник до бранных трудов, то и не было при его дворе большой дружины, ведь рядом с миролюбивым конунгом не выпадет случай отличиться тем беспокойным молодцам, что ищут за морем добычи и славы. Его дочь Сигню была замужем за

ярлом Сэвилем сыном Эйнара, а сыновья Хроар и Хельги, в ту пору еще совсем дети, жили у наместника Регина примерно в двадцати лигах от королевской столицы.

Тем временем в Сконе конунг Фроди готовил вторжение в Зеландию. Он вступил в тайный сговор со всеми недовольными в Дании, а также с вождями шведов, гаутов и ютов, так что вскоре мог выставить на поле боя огромное войско.

И так однажды его корабли внезапно пересекли Зунд, он развернул свое знамя и приказал трубить в боевые рога. Воины стекались к нему отовсюду. Слишком поздно пустил конунг Хальфдан боевую стрелу от хутора к хутору, собирая тех, кто хотел бы сразиться за него. Грабя и сжигая все на своем пути, Фроди шел от победы к победе. Вскоре он напал на войско Хальфдана и, опрокинув в полуденном бою его полки, собственноручно зарубил своего брата.

После этой победы Фроди созвал датских вождей на тинг и заставил их присягнуть ему. Среди тех, кто, спасая свою жизнь, положил руку на золотой венец конунгов и поклялся Ньердом, Фрейром и всемогущим Тором в вечной верности новому конунгу, был и Сэвиль ярл, муж Сигню дочери Хальфдана.

После тинга Фроди окончательно упрочил свое положение, женившись на вдове своего брата, Сигрид. Ей не оставалось ничего другого, как покориться завоевателю, но с горестным лицом взошла она к нему на ложе. После свадьбы Фроди послал за сыновьями Хальфдана. Он объявил, что желает позаботиться об их судьбе. Большинство полагало, что новый конунг позаботится о том, чтобы мальчикам перерезали горло, дабы они, выросши, не отомстили за своего отца.

2

Регина-наместника не было на этом тинге. Когда войско Хальфдана было разбито, он с немногими оставшимися в живых дружинниками пустился во весь опор к своей усадьбе. Регин понимал, что у него всего несколько дней, чтобы опередить Фроди.

— Нам не устоять против него, — сказал Регин, — а ведь я поклялся позаботиться о сыновьях Хальфдана.

— Что ты собираешься делать? — спросил в ответ один из воинов. Регин сумрачно усмехнулся:

— Не то чтобы я не доверял тебе, парень, но, однако ж, тебе вовсе незачем знать об этом.

Регин был муж рослый, от многих непогод побурело его лицо и выщвели глаза, поседели борода и волосы, и хотя стал он с годами весьма дороден, но был все еще силен и ловок. Дети, которых ему родила его жена Аста, давно выросли и обзавелись своими семьями, так что они с женой были рады взять в свой дом Хроара и Хельги не только из чести воспитывать королевских сыновей.

Усадьба Регина стояла на берегу Исе-фьорда. Исе-фьорд — широкий, укрытый от моря залив, его берега зелены до самой кромки прибоя, а над водой не стихают крики уток, казарок, лебедей, чашек, куликов и прочей водяной дичи. Лес на его побережье уже и тогда почти весь свели, только к южному берегу залива подступала чаща. Но ближе к жилью еще оставались рощицы, в которых раздолье было мальчишкам да белкам. Среди полей виднелись обшитые тесом хутора под дерновыми кровлями, из дымников вился дымок, уносимый свежим морским ветром. Хороша была эта земля в тот летний день, когда под ярким солнцем и высокими облаками на ее нивах приветно колыхались колосья поспевающей ржи и пшеницы, ячменя и льна.

Хотя палаты Регина и не могли равняться с палатами конунга, все же их вычерненная стена целиком составляла одну из сторон мощеного двора усадьбы. Три другие стороны замыкали амбар, хлев, конюшня, мастерская и другие, меньшие по размерам, надворные постройки. На концах кровельных балок были вырезаны драконьи головы, отпугивающие по поверью злых троллей. К востоку от усадьбы зеленела роща, в которой вся округа с Регином во главе устраивала жертвоприношения богам.

Дорога от дома спускалась к ладейному сараю на берегу. По глади залива было разбросано несколько островов. На ближайшем к берегу, небольшом, густо поросшем лесом острове жил в одиночестве, если не считать двух большущих собак, старик по имени Вифиль.

Большинство местных жителей избегало его, ведь он был чужаком, молчуном и, как поговаривали, колдуном. Но Регин издавна был в дружбе со стариком.

— Если он действительно умеет завязать попутный ветер в мешок, почему бы мне не пользоваться его помощью? —

посмеиваясь, бывало, говорил наместник. — Или, может быть, кто-то любит грести против ветра?

Кроме того, стоило людям заспорить о конунге Хальфдане, Вифиль всегда брал его сторону, особенно если молодежь начинала ворчать из-за того, что конунг, дескать, совсем обленился. Время от времени Регин приглашал старика в гости, посылая за ним на лодке Хроара и Хельги.

Невеселым было на этот раз возвращение Регина в свою усадьбу. Мальчики, заслышав знакомый стук копыт, бросились было ему навстречу: крики, вопросы, похвальба так и рвались у них с языка. Но едва они взглянули на своего приемного отца, возгласы точно ножом отрезало. Вслед за мальчиками, в окружении челяди, из дому вышла Аста. Она только посмотрела на мужа, но ничего не сказала. Тишина наполнила долгие летние сумерки.

Наконец заскрипело седло, загремело железо — наместник спешился. Он стоял ссутулясь, пустые руки беспомощно повисли вдоль тела. Подоспевший батрак молча увел расседливать его коня. Вдруг Хроар сжал кулаки и вскрикнул:

— Наш отец погиб! Неужели он погиб?

— Да, — Регин тяжело вздохнул. — Я видел, как был повержен его стяг. Фроди напал на наш лагерь врасплох, мы пытались сплотиться у костров, потом я бежал...

— Я бы не бросил отца в беде, — проговорил Хельги, давясь слезами, которые он не сумел сдержать.

— Мы ничего не могли поделать, — ответил ему Регин, — кроме того, я должен был подумать о вас, его сыновьях. На рассвете мы стали искать друг друга, мы, люди с Исе-фьорда. Один из наших раненых, который лежал на поле боя, а потом собрался с силами и уполз, рассказал нам, как Фроди убил связанного Хальфдана. — Помолчав, наместник добавил: — Сперва они разговаривали. Потом Фроди сказал, что ему придется сделать это, чтобы объединить королевство и восстановить его в тех границах, какие были во дни Фроди Миротворца, в честь которого он назван. Хальфдан ответил ему как должно. Надеюсь, и вы когда-нибудь встретите смерть не хуже.

Аста мяла в руках полотенце.

— Детки! — зарыдала она.

Регин тяжело кивнул. Ветер ерошил его взмокшие от пота волосы. Над головой с криком кружила чайка.

— Не думаю, чтобы Фроди, затравив рысь, оставил рысят в логове, — сказал он и пристально посмотрел на мальчиков.

Хроару минуло двенадцать зим. Хельги — десять. Тем не менее младший брат был выше ростом и шире в плечах, чем невысокий и хрупкий старший. У обоих выгоревшие на солнце волосы копной падали на плечи, на загорелых лицах уже проступала общая всем Скъёльдунгам суровость, а большие глаза светились голубизной. Оба были одеты в кожаные куртки поверх серых домотканых рубаш и суконные штаны. Хроар держал в руке палку, на которой только что вырезал руны, стараясь получше затвердить их, а у Хельги на поясе висели праща, кошель с камнями и охотничий нож.

— Я хотел бы... я мог бы лучше узнать отца, — прошептал Хроар.

— А я бы лучше отомстил за него, — проговорил Хельги, глотая слезы, но в его голосе прозвучало что-то недетское.

— Для этого вы должны выжить, — сказал Регин. — Мне не сберечь вас. Попытайся я оставить вас в этом доме, и мы все вместе сгорим в нем, после того как сюда придут люди Фроди. Лучше уж, чтобы мы, ваши друзья, выжили, потому что настанет день, когда мы вам пригодимся.

— Не могут же они прятаться по лесам как... как разбойники, — запричитала Аста.

Хельги вскинул голову:

— Мы прекрасно смогли бы жить и среди волков, приемная матушка.

— Может, и так. У волков, по крайней мере, нет мечей, — ответил Регин. — Ладно, я кое-что придумал, но об этом мы поговорим потом. — Он подошел к жене. — Дай-ка нам чего-нибудь поесть и глоток пива, а потом — спать. Боги всемогущие, как я хочу спать!

Ужин прошел в молчании.

Назавтра Регин встал до зари. Он подошел к постели, на которой братья спали вдвоем, разбудил их и знаком велел молчать. Мальчики тихо оделись и, выйдя из дому, спустились вслед за приемным отцом к берегу залива. Дело было в середине лета: под бледным небом, на котором слабо мерцало несколько звезд, морская гладь застыла как щит. Стараясь грести как можно тише, не громче плеска зыби, Регин медленно повез мальчиков на остров Вифиля.

Старик жил среди густой чащи, в крытой дерном землянке на северном краю острова. Едва они причалили, как из

лесу, точно две черные тени, вылетели с устрашающим лаем охотничьи псы хозяина острова — Хопп и Хо, но, признав гостей, завиляли хвостами и принялись лизать им руки.

Недавно проснувшийся, Вифиль растапливал очаг посреди своей землянки. В ней было дымно и душно, в сумраке едва можно было различить небогатый скарб хозяина: нож, топор, сеть, костяные крючки для рыбной ловли, грубый стол из сланца, котел и, кроме того, дощечки с рунами и веревки, на которых были вывязаны непонятные узлы — с помощью этих дощечек и веревок Вифиль, по слухам, занимался колдовством. Старик выглядел куда как зловеще: высок ростом, седая долгая борода, поверх ветхой шерстяной одежды плащ, подбитый барсучьим мехом. Но глаза из-под мохнатых бровей смотрели по-доброму.

Регин поведал Вифилю обо всем, что произошло. Тот только согласно кивал, точно ему все было заранее известно.

— Надеюсь, ты сможешь укрыть мальчиков, — закончил наместник. — Я ума не приложу, как их иначе спасти.

Вифиль в задумчивости разгладил усы.

— Опасное это дело — идти супротив Фроди, — пробормотал он, но все же согласился помочь.

Регин на прощание обнял старика, сказал порывисто:

— Да будет с тобой удача!

— Сдается мне, что норны, стоявшие у колыбели этих мальчишек, напели им необычную судьбу, — ответил Вифиль.

Заря еще только занималась, а Регин уже торопливо возвращался домой. Весь этот день он объезжал берега Исефьорда, так чтобы все в округе могли его видеть. Пусть люди знают: Хроара и Хельги больше нет в его доме, он увез их, а куда — неизвестно.

Прежде чем спрятать детей в чаше, Вифиль накормил их хлебом, сыром и вяленой треской. В лесу у него был схорон, нечто вроде ямы, прикрытой ветвями и дерном, где он хранил мясо и молоко — было у него маленькое стадо. Лестницей служил наклонный еловый ствол, и по сучкам, как по ступенькам, можно было забраться в схорон. Старик вместе с мальчиками натаскал свежих ветвей, чтобы они полностью скрыли присутствие человека.

— Люди нового конунга станут, верно, обыскивать этот остров, — сказал Вифиль. — Этот Фроди — он не дурак, дознается, поди, что мы с вашим приемным отцом — старин-

ные друзья. Может, конечно, и не найдут, коли вы будете хорониться, потому нельзя, чтобы кто-нибудь увидел вас на острове. Ну и я тоже... попробую сделать, что смогу.

Но что именно делал Вифиль в своей землянке и около дольмена, укрывшегося под сенью узловатых сосен, осталось для мальчиков тайной.

Вскоре Хельги и Хроар почти оправились от пережитого потрясения. Дети не умеют долго печалиться, а эти, кроме того, никогда не знали близко своего отца. Жизнь на острове пришлась мальчикам по душе. Пища, правда, была грубовата, но ведь молодым желудкам все нипочем; а спать на голой земле им доводилось во время охоты и прежде. Им нравилось даже то, что Вифиль почти всегда молчал, и они могли болтать друг с другом сколько душе угодно. Пока солнце стояло высоко, дети укрывались в чаще, рыская по ней вместе с псами старика, Хоппом и Хо, в поисках дичи и птичьих гнезд. Но после заката, белыми ночами им удавалось поплавать и даже порыбачить во фьорде. Иногда, когда они смотрели на усадьбу Регина на другом берегу пролива, им начинало казаться, что все их недавнее прошлое было лишь зыбким сном, который вот-вот растает.

Но спокойная жизнь продолжалась недолго. Когда попытки найти королевских сыновей во владениях Регина окончились ничем, конунг Фроди приказал своим воинам прочесать все королевство. В дальние земли и в ближние, на все стороны света — повсюду он разослал соглядатаев, посулив богатую награду за любое известие о своих племянниках и страшные казни тому, кто посмеет их укрывать. Но никто не сумел донести Фроди правду, только глаза королевы Сигрид все ярче блестели холодной насмешкой.

В конце концов Фроди решил, что дело нечисто, и послал за теми, кто сведущ в обращении с силами мрака.

3

Вскоре в королевских палатах Лейдры стали один за другим появляться гадалки и ведуны. Фроди приказал, чтобы они силой своей волшбы прочесали всю Данию до последнего островка, до последней шхеры. Но ведунам ничего не открылось.

Тогда Фроди сумел найти трех настоящих колдунов, таких, что не только владеют кое-какими заклинаниями да видят вещие сны, а таких, у которых волшебные зелья день

и ночь кипят в ведьмином котле, таких, о которых в народе говорят: им по силам и ночной вихрь оседлать, им и мертвецы подвластны, и всякие твари еще пострашней мертвецов. Чаше всего такие колдуны были неприкаянными бродягами, от которых добрые люди старались держаться подальше. Едва колдуны появились во дворце, как слуги и рабы, зачуравшись, попрятались по углам, а самых смелых дружинников бросило в дрожь.

Но когда эта грозная троица вошла в королевскую палату, Фроди принял их очень радушно: усадил у очага напротив себя и приказал королеве собственноручно подать им мяса и пива.

— Прошли те дни, когда я служила за своим столом конунгам и витязям, — печально сказала королева (а была она женщиной рослой, и косы ее отливали медью). — Думала ли я тогда, что придется мне принимать как хозяйке тех, кто пришел вынюхивать, где укрылись мои сыновья, моя плоть и кровь.

Конунг холодно посмотрел на свою новую жену.

— Да, моя Сигрид, тебе придется им услужить, — только и сказал он ей в ответ, и королева покорилась.

Среди челяди, которой иной раз удавалось подслушать под дверьми королевской опочивальни, поговаривали, что Фроди смирил королеву не побоями, которые только бы разоггли ее упорство, а силой воли и искусством страсти. Фроди был настоящий Скьёльдунг — крепкий, легкий на ногу, и, как ни опасен бывал в его руках меч, опасней меча было коварство конунга. Его лицо обрамляли прямые каштановые волосы и подстриженная борода, нос у него был с горбинкой, глаза смотрели неприветливо. Одевался конунг нарядно: в тот вечер на нем был зеленый, отделанный куньим мехом кафтан и красные штаны, заправленные в белые сафьяновые сапоги.

Фроди, убив предыдущего конунга датчан, поступил с Сигрид по закону: заплатил ей виру за убийство Хальфдана и, женившись, преподнес ей богатый брачный дар. Королева, которая со дня новой свадьбы все больше молчала и совсем перестала смеяться, все же надеялась постепенно смягчить своего сурового мужа. Датчанам новый конунг пришелся не по душе: он обложил их тяжкими податями, а судил так, что всякий приговор клонился к королевской выгоде. Но выхода не было — других Скьёльдунгов, кроме

Фроди, не осталось, и кто бы посмел гневить Одина, возведя на престол человека не из его рода?

Лица колдунов, этих нечесаных страшилищ в драных черных плащах, выдавали их финское происхождение. Когда трапеза наконец закончилась, они, повесив свои котелки над огнем, принялись чертить руны и выкрикивать бессвязные заклинания перед королевским тронем, стоящим меж двух деревянных столбов. На правом был вырезан Один, отец всякого ведовства, на левом — Тор, но фигура Молотобойца почти потонула во мраке. Почудилось, где-то завыл волк, завизжал дикий кот, хотя никто давно не видал этих зверей у стен Лейдры. Колдуны без сил рухнули на лавки. Фроди продолжал бесстрастно ждать ответа.

Наконец самый седой и морщинистый колдун нарушил молчание:

— Государь, мы смогли понять только то, что мальчишки находятся не на материке и все же недалеко отсюда.

Король, поглаживая бороду, сказал задумчиво:

— Мы искали их вблизи и вдали. Что-то не верится мне, чтоб они были где-то неподалеку. Правда, теперь я припоминаю островки около того побережья, на котором стоит дом их приемного отца.

— Тогда прежде всего вели обыскать ближайший к берегу из этих островов, — посоветовал старший колдун. — На нем не живет никто, кроме одного бедняка, но над этим островом стоит такой туман, что мы так и не сумели заглянуть в его лачугу. И сдается нам, что он, этот бедняк, совсем не так прост, как кажется.

— Что ж, попробуем поискать, — ответил король. — Чудно, если станется, что мальчишек посмел укрыть от меня нищий рыбак.

В ту ночь под Исе-фьордом действительно поднялся густой туман. Вифиль проснулся до зари и сказал своим приемным:

— Чужая мощь рыщет в округе, она уже приближается к нам. Я чувствовал ее в ночном мраке, я чувствую ее и теперь, в предрассветной мгле. Эй, вставайте, Хроар и Хельги, сыновья Хальфдана, и схоронитесь на этот день в моем лесу!

И дети поспешили исполнить его приказ.

Ополдень на морском берегу появился отряд королевской стражи и приказал Регину дать им лодки для переправы. Туман уже поднялся, солнце играло на шлемах и наконечниках

копий. Неприветливо встретил Вифиль незваных гостей. И таким же угрюмым он оставался, пока стражники общаривали остров. Воины так ничего и не нашли, хотя потратили на поиски не один час. На ночь Регину пришлось оставить их у себя. Но нельзя сказать, чтоб это был радушный прием.

Назавтра стражники возвратились в Лейдру и поведали конунгу о своей неудаче.

— За смертью вас посылать! — рявкнул Фроди. — Тот старик — ведьмак. Возвращайтесь и попробуйте застигнуть его врасплох.

Люди конунга снова нагрянули на остров. Вифиль показал им все, что они потребовали, и все равно стражникам пришлось убраться несолоно хлебавши, так и не напав на след своей дичи.

Тем временем колдуны поведали Фроди о том, что некая тайна сокрыта на том острове, недаром его окутала завеса, непроницаемая для их глаз. Когда же вдобавок к этому он выслушал рассказ вождя своей дружины, то сперва побледнел, потом побагровел, а потом, стукнув кулаком, зарорал:

— Хватит мне терпеть шутки этой деревенщины! Завтра с утра я сам с ним разберусь!

В то утро Вифиль рано пробудился от тяжелого сна. Тревожно было у него на душе, когда он, подозревая к себе Хроара и Хельги, сказал им:

— Дело плохо, чую я, что сюда плывет ваш дядя Фроди, чтобы любой ценой добыть ваши головы. А я не уверен, удастся ли мне спасти вас и на этот раз. — Вифиль тяжело задумался, запустив пятерню в бороду. — Если вы, как прежде, все время будете сидеть в схороне, он, пожалуй, найдет вас. Сегодня вам лучше укрыться в лесу да почаще перебегать с места на место. А как начнут прочесывать лес, тут уж бегите в схорон... Главное, будьте невдалеке от дома, чтобы слышать меня. Услышите, что я кличу собак — значит, вам пора хорониться.

Хроар угрюмо кивнул, на лбу у него выступили капли пота, Хельги улыбнулся: для него все это было только игрой в прятки.

Конунг пожаловал не верхом, а приплыл морем со стороны залива, который мы нынче зовем Роскильде-фьордом. На одной королевской ладье помещалось гораздо больше

воинов, чем могли перевезти зараз все лодки Регина. Причалив, сошли дружинники на берег. Под сенью едва начавших желтеть деревьев стоял, опираясь на посох, Вифиль.

Пронзительный, холодный ветер вздымал плащи. Сверкали шлемы, звенели кольчуги.

— Взять его! — рявкнул Фроди. И тут же сильные воины скрутили старого рыбака и подвели его к конунгу.

Конунг, гневно взглянув на него, проговорил:

— Только не вздумай лгать, старый дурень! Говори живо, где мои племянники. Ибо мне ведомо, что ты их прячешь!

Вифиль пожал плечами:

— Привет тебе, государь. Где уж мне оправдаться от такого навета, коли теперь, когда твои люди схватили меня, мне даже свое стадо малое не уберечь от волков.

Едва дружинники рассыпались по небольшой просеке, ведущей к лесу, как Вифиль вдруг заорал что есть мочи:

— Эй, Хопп и Хо, на помощь!

— Кого ты кличешь? — спросил Фроди.

— Своих собачек, — смиренно ответил Вифиль. — Иши, пока не наскучит. Только навряд ли ты найдешь здесь каких-нибудь королевичей. Правду сказать, не пойму я, с чего ты взял, что эдакий старый рыбак, как я, станет что-нибудь от тебя прятать.

Фроди приказал одному из своих воинов стеречь старика, а сам возглавил поиски. На этот раз им удалось найти схорон. Однако мальчики уже улизнули из него и укрылись на дереве.

На закате воины вернулись к рыбацкой хижине. Вифиль спокойно поджидал их.

Конунг, дрожа от гнева, сказал ему:

— Ты солгал мне, и я велю казнить тебя!

Рыбак спокойно встретил королевский взгляд и ответил:

— Сил тебе на это хватит, а правда тебе не нужна. Добудешь мою голову — значит, не зря ходил в поход. А иначе придется тебе возвращаться с пустыми руками.

Фроди сжал кулаки и оглянулся на воинов у себя за спиной. То, как он зарубил связанного Хальфдана, еще не изгладилось из их памяти. Прикажи он сейчас без видимых причин казнить беспомощного старика, и молва, справедливо заклеив его жестокость, сделает сомнительной преданность в бою многих его новых подданных.

— Мне не за что казнить тебя, — проговорил Фроди сквозь зубы, — но, полагаю, оставляя тебя в живых, я совершаю ошибку.

Он круто развернулся и взошел на борт своей ладьи.

Королевская дружина причалила к другому берегу пролива возле усадьбы Регина и осталась в ней на ночь. Конунг потребовал, чтобы Регин принес ему присягу, подобно тому как это уже сделали другие датские вожди.

— Выбирать не приходится, — сказал Регин, — кроме моих владений я должен позаботиться о жене, детях, внуках. Так что будь по-твоему. Что же до твоего невысказанного вопроса, скажу тебе, как уже говорил твоим людям, я и в самом деле не знаю, где сыновья Хальфдана.

— Да уж, — усмехнулся конунг, — все так, где ж тебе знать, находятся ли они в сажени отсюда или чуть подальше.

Но больше он об этом разговоров не заводил. Фроди не хотел раздражать тамошний люд, который привык смотреть на Регина как на своего вождя.

Вифиль, увидев, куда направилась королевская ладья, сразу то ли понял, то ли почувствовал, что будет происходить дальше. Он позвал мальчиков и сказал им:

— Здесь вам больше оставаться нельзя. За этими местами будут следить особенно пристально, ведь здешний люд еще не отчаялся свергнуть Фроди. Сегодня ночью я перевезу вас через пролив. Идите не останавливаясь до тех пор, пока не покинете наши края.

— Куда ж нам идти? — спросил Хроар.

— Скажу, — ответил Вифиль. — Слышал я, что Сэвиль ярл приходится вам зятем. Его челядь так велика, что никто не обратит внимания на новых людей в усадьбе. Но теперь он тоже присягнул новому конунгу, так что не веряйтесь ему полностью, да и никому не веряйтесь. Рысята всегда должны быть начеку.

4

Сэвиль и Сигню жили неподалеку от Хавена. Каждый год, когда начинался ход сельди, эта деревушка наполнялась рыбаками, теми, что шли Каттегатом на юг, и теми, что двигались на север из Балтики, следом за рыбаками устремлялись купцы, и скоро покрытый рыбацкими станвями берег уже гудел как улей. Кроме того, в Хавене круглый год стоял отряд береговой стражи, который выставлял дозоры по

побережью, чтобы уберечь его от опустошительных набегов викингов. Так что велика была сила Сэвиля, и не тот он был человек, чтобы Фроди могло прийти в голову в чем-нибудь ущемить его или обидеть. Кроме того, конунг был теперь женат на матери Сигню и надеялся, что этот брак свяжет с ним ярла побережья прочными узами.

Когда англы впервые пришли в эту страну, которая теперь зовется Англией, их вожди, несомненно, стали строить свои палаты по образу тех, что были в Северных Землях. Теперь так уже не строят. Поэтому я сперва поведаю о том, как выглядели эти дома. Это были длинные деревянные сооружения, крытые дерном или соломой. Концы балок, поддерживавших кровлю, украшала причудливая резьба. Если палата была в два света, то по обводу стен устраивали галерею. Окна затягивали пергаментом, а кроме того, в непогоду закрывали ставнями. Вход в палату был через сени, в которых счищали грязь с сапог и оставляли верхнее платье. Если хозяин не страдал особой подозрительностью и не заставлял гостей оставлять оружие в тех же сенях, они брали его с собой и развешивали по стенам, так что блеск металла и яркая раскраска щитов помогали рассеивать сумрак, царивший в палате.

Пол был земляной, плотно утоптаный, его застилали камышом, можжевельновыми ветками или другой зеленью, и этот зеленый ковер часто меняли. Посреди палаты были выкопаны рвы для костров, их могло быть от одного до трех, и слуги все время поддерживали огонь, разнося хворост по всей палате. Вдоль стен стояли в два ряда большие деревянные колонны, поддерживающие галерею или, если ее не было, потолочные балки. Эти колонны были раскрашены и покрыты резьбой, изображающей богов, героев, чудищ и сплетенные лозы. Подле обшитых деревом стен стояли на земляных возвышениях — выше пола на локоть или два — скамьи. У одной из стен, чаще всего северной, посередине, между двумя меньшими по размеру столбами, почитаемыми за особую святыню, стояли троны вождя и его жены. Напротив входа помещалось сравнительно невысокое сиденье для самого почетного гостя. За скамьями на покрытых резьбой стенах висели, кроме оружия, шкуры и рога, освещаемые неверным светом факелов или сальных свечей.

Перед трапезой женщины и слуги расставляли перед скамьями козлы и накрывали их столешницами. Затем на эти

столы разносили мясо и пиво. Их, боясь пожара, чаще всего варили в отдельной поварне. После трапезы столы убирали, и мужчины, выпив вдоволь, растягивались прямо в палате: знатные — на скамьях, простые дружинники — вокруг на полу.

На другом конце палаты были устроены постели для хозяина, хозяйки и самых почетных гостей, но они могли быть и в верхних горницах, и в особой светлице, которую строили поодаль от главной палаты. Это было небольшое одно- или двухэтажное здание: днем женщины собирались туда пряхать и ткать, а ночью оно служило опочивальней для самых знатных, избавляя их как от храпа спящих, так и от подслушивания бодрствующих.

Двор вождя был окружен другими постройками, в том числе хижинами слуг, хлевами и мастерскими. Главная палата и службы, окруженные частоколом, образовывали что-то вроде маленького городка, по которому туда и сюда сновали мужчины, женщины, дети, бродила скотина, и все было полно болтовней, песнями, криками, звоном кузницы, шумом в пекарне и поварне, играми, плачем, смехом и всеми теми звуками, которые раздаются там, где живут люди.

В такой усадьбе, кроме ее хозяина, хозяйки и их детей, жили дружинники, принадлежащие к роду вождя, земледельцы, ремесленники, наемники, рабы, а кроме того, естественно, всякий пришлый люд. Заходили окрестные люди: купить или продать, поболтать или обсудить важные дела. Заезжали гости, приглашенные издалека на свадьбу или Йоль*. Останавливались мимоидущие странники. Такой бродяга, то ли обнищавший, то ли нищий с рождения, всегда мог рассчитывать на кусок хлеба и место на сеновале ради доброго имени владельца усадьбы, а равно и ради вестей из далеких краев.

Именно такой и была усадьба, в которую отправились Хроар и Хельги. Вифиль дал им вволю припасов на дорогу, а пили они из то и дело встречавшихся ручьев. Но все же это был трудный и опасный путь. Недаром кроме пищи Вифиль снабдил их двумя плащами с капюшонами и подробными наставлениями.

Никто не обратил внимания на мальчиков в усадьбе Сэвиля, когда они добрались до нее и попросились переночевать.

---

* Праздник солнцесворота, день зимнего равноденствия. (Примеч. ред.)

В тот год было немало бродяг из числа тех, кого дружинники Фроди повыгнали из дому, забирая себе в награду их наделы. Мальчики забились в самый темный угол, а с утра остались в усадьбе, помогая кормить коров и чистить хлева. Они хорошо помнили слова, что не раз повторял им Вифиль:

— Придет ваше время! Сперва подрастите, потом отомстите!

Через неделю старший пастух сказал, что ежели они хотят и дальше оставаться в усадьбе, то надо просить об этом самого ярла. В тот же вечер мальчики, дождавшись, когда ярл выпьет несколько рогов пива и придет в доброе расположение духа, подошли к нему. Они поплотней закутались в плащи, а капюшоны надвинули на глаза. В неверном свете костра ни Сэвиль, ни их вечно хлопочущая по хозяйству сестра Сигню не признали мальчиков. Да и немудрено, ведь им не доводилось видеть братьев с тех пор, как Регин взял их к себе. Так что ярл пожал плечами и сказал:

— Большого толку от вас, поди, не будет, но без куска хлеба я вас не оставляю.

Хельги вспыхнул и хотел было ответить ярлу, но Хроар вовремя успел сжать его руку. Они пробормотали слова благодарности, низко поклонились и ушли восвояси.

Так на три года братья остались в усадьбе Сэвиля.

Нечасто им пришлось видеть за эти три года ярла и его жену, разве только на троне или верхом на коне. Большую часть дня мальчики были заняты на самых грязных работах при стаде, в хлеву или на поле, так что даже спать им приходилось не в доме, а на сеновале или на лугу. Они по-прежнему хранили тайну своего происхождения. Хроар стал называть себя Хра́ни, а Хельги — Хам, а о себе они если и рассказывали, то без большой охоты: дескать, после того как их отец, бедный хуторянин, погиб в сражении, им пришлось покинуть родные места. Стоило им попасться кому-нибудь на глаза, как они сразу поплотней запахивали плащи.

Из-за этой привычки иные из батраков принимались, бывало, дразнить их: дескать, башка у вас кривая или грудь как у бабы, но мальчики молчали и терпеливо сносили насмешки. Только оставшись наедине, они могли поговорить о том, кем они когда-нибудь станут, или, гоняясь за дичью, остудить свою ярость, а если выпадал свободный час, братья учились владеть оружием, упражняясь с самодельными щитами из досок и палками вместо мечей.

За три года Хельги, которому к тому времени исполнилось тринадцать, сильно вытянулся. Пятнадцатилетний Хроар, худощавый и легкий на ногу, был меньше ростом, чем его младший брат, но гораздо разумней.

Все эти годы конунг Фроди мирно правил своей державой и почти избавился от опасений. Однажды он послал гонца к Сэвилю и Сигню, приглашая их на пир в честь середины зимы.

— Хроар, мы тоже отправимся туда, — сказал, прослышав об этом, Хельги и топнул ногой.

Хроар же не только не сумел отговорить его, но и сам, загоровшись от речей Хельги, принялся строить планы мести.

5

Сэвиль с женой отправились в дорогу в сопровождении двух десятков своих людей. Дворовые мальчишки, Хам и Храни, вцепились было ему в рукава и принялись умолять, чтобы он взял их с собой, но ярл, расхохотавшись, сказал:

— Конечно, не возьму.

Начался небольшой снегопад. Все застыло от холода под низким и серым, точно вытесанным из сланца, небом. Поля и деревья обнажились: крестьяне давно убрали урожай. Над голыми полями с глумливым карканьем кружилось воронье. Копыта и колеса гремели по промерзшей дороге. Единственным ярким пятном была дружина ярла. На всех его воинах посверкивали шлемы, а на многих и кольчуги, за плечами развевались плащи: у кого синий, у кого зеленый, у кого желтый, у кого красный. Это были все больше молодые здоровяки, и пар веселыми клубами вырывался у них изо рта. Их косматые лошадки резво бежали вперед.

Сигню ехала в расписном возке, украшенном резьбой, серебром и золотом, который тащила четверка коней крупной южной породы. Возком, в котором, кроме нее самой, было две служанки, припасы в дорогу и подарки, правил возница. Сигню была рослой женщиной, и ее красивое, как у всех Скьёльдунгов, лицо украшали две янтарные косы. Она была одета в расшитое яркими узорами платье, а поверх него — в меховую шубу. Но глаза Сигню смотрели печально.

Медленно переезжая через древесные корни, возок Сигню плелся в конце поезда, и неудивительно, что она раньше, чем ее муж или кто-нибудь из его людей, услышала сзади

какой-то шум. Оглянувшись, она увидела две странные фигуры, закутанные в драные, грязные плащи.

Поскольку из усадьбы забрали всех подходящих лошадей, Хаму и Храни пришлось поймать на выгоне двух необъезженных жеребят. Вздрузданные веревкой, погоняемые терновой веткой, они, брыкаясь и бросаясь из стороны в сторону, кое-как везли мальчиков. Хам, погонявший своего коня криком, выглядел особенно забавно. Храни держался уверенней, но вдруг его лошадь сделала такой скачок, что капюшон слетел с головы наездника. Белокурые кудри рассыпались вокруг изможденного лица, на котором сквозь въевшуюся грязь и неопрятный юношеский пух перед Сигнью вдруг проступили черты ее отца. Она вспомнила свои подзрения, бессознательно зародившиеся еще три года назад.

— Хроар! — Сигнью вскрикнула, точно пораженная в грудь. — Но... но тогда другой — Хельги!

Хроар наконец справился со своим конем. Он снова накинул капюшон и обернулся к брату. Сигнью, зарывав, уронила голову.

По отряду пронеслась весть: что-то случилось с Сигнью. Сэвиль, развернув коня, рысью поскакал назад. Это был смуглый, вилородный человек, что называется, себе на уме. В возке, среди перепуганных служанок, рыдала его жена. Подскавав, он сразу спросил ее о том, что же произошло. Нет надобности обращаться к позднейшим пересказам, чтобы узнать ответ Сигнью. В те времена знать всегда умела выразить свою мысль стихом, а Сигнью к тому же унаследовала от предков скальдический дар. Она сказала такую вису:

*Настигла смерть
Отпрыска Скьёльдунгов.
Рухнул дуб,
Ветви остались,
Без седел скачут
Братья любезные
За Сэвиля ратью,
На пир поспешающей.*

Ярл на мгновение замер в седле, затем, уже тронув коня, сурово сказал, обращаясь к вознице и служанкам:

— Негоже, чтобы об этом великом известии узнали посторонние.

И ярл поскакал навстречу мальчикам. Они спешили к почтению к хозяину.

— Ступайте домой, шенки! — заревел он. — Следовало бы вас повесить! Нечего вам делать в свите благородного человека.

Ярл повернул коня и галопом понесся обратно.

— Если он думает... — разозлившись, начал Хельги.

Хроар прервал брата:

— Если ты подумаешь, братец, то сообразишь, что он просто хочет скрыть нас от своих спутников. Это не угроза, а предупреждение. Видишь, наша сестрица плачет, должно быть, она признала меня и сказала о том мужу. Вот он и не хочет, чтобы еще кто-нибудь узнал, кто мы такие.

— Хорошо, — согласился с братом Хельги, — но что нам теперь делать?

Правду сказать, у них с самого начала не было никакого определенного плана. Они просто надеялись пробраться ко двору своего врага и высмотреть там, что к чему. Вот если бы им только удалось подобраться к конунгу Фроди так, чтобы достать его ножом, до того как стража их опознает и убьет... но Хроар полагал, что все это пустые бредни.

— Давай спешимся, — предложил он младшему брату. — За наше неповиновение Сэвилю придется наказать нас, а не накажет, так чужим это сразу бросится в глаза. Все равно с этими клячами слишком много хлопот. Бросим их у ближайшей усадьбы и пойдем дальше пешком.

Так они и сделали. Когда наступили ранние зимние сумерки, Сэвил и Сигню воспользовались гостеприимством одного из поселян. Их свита устроилась на ночлег в теплых спальных мешках. А Хроару и Хельги пришлось всю ночь дрожать от холода в лесной чаще.

Зато назавтра их ждал недалний путь. В тот год Фроди справлял Йоль не в Лейдре, а в одной из своих небольших усадеб к северу от Хавена. В те времена у конунгов было в обычае проводить часть года в разъездах по своим владениям, чтобы, собирая слухи, выслушивая жалобы и творя суд, укреплять тем свою власть. Кроме того, их главные палаты нужно было время от времени приводить в порядок.

Та часть Зеландии, о которой сейчас идет речь, — мало-заселенный, продутый всеми ветрами край верещаников и песчаных дюн. Усадьба конунга стояла в пустынном месте: к северу простиралась серая по зиме вересковая пустошь, к югу — чернел голыми ветвями лес. Это было едва ли не

единственное жилье на много миль вокруг. Большую часть года усадьба пустовала, если не считать нескольких слуг, которые должны были ее стеречь, а кроме того, пасти скот и, забив его к празднику, солить и коптить мясо к приезду гостей. Главная палата была одноэтажной с одним входом, а с другой стороны к ней примыкал сруб колодца.

Фроди Миротворец выбрал это место для усадьбы из-за того, что оно находилось посередине той земли, что была населена рыбаками с недалекого побережья, пахарями с вересковых пустошей, охотниками и углежогами из дремучих лесов; к тому же неподалеку росла роща, чьи дубы были выше всех деревьев в округе, а потому там всегда приносили жертвы богам. Это соседство освящало усадьбу, и когда ее владелец появлялся в ней, то возглавлял жертвоприношения.

Вот и Фроди, внук основателя усадьбы, решил на этот раз справить в ней Йоль. Этот праздник посвящен в первую очередь Тору, который защищает наш мир от великанов из страны вечного холода и мрака. Люди верят, что накануне Йоля тролли и злые духи получают власть над миром, но уже завтра, после зимнего солнцестояния, день начинает прибывать и надежда возрождается.

Справляя Йоль, конунг рассчитывал потолковать с местными вождями, узнать их мысли и, хотя в душе он был человеком жадным, расположить их к себе щедростью. И вот заскрипели телеги: везут припасы, везут бочки меда и пива, везут дары для гостей — золотые запястья, оружие, меха, дорогое платье, упряжь и отделанные серебром рога для питья, стеклянные кубки и чеканную монету с далекого Юга. Загоны наполнились коровами, овцами и лошадьми, предназначенными для жертв и трапез. Наконец прибыл сам конунг с женой и со своими дружинниками.

Так как Фроди созвал на Йоль местных вождей с их людьми, то ему пришлось взять с собой меньше воинов, чем обычно. Кроме слуг с ним прибыли его берсерки и кое-кто из сыновей знати, состоявших у него на службе. Он выбрал тех, чье платье и повадка были попримяжней, а прочих распустил на праздник по домам. Как уже говорилось, к тому времени Фроди почувствовал себя на троне уверенней.

Вскоре стали съезжаться гости, и в усадьбе все закипело. Но так как она была невелика, многие из жителей той

окургн все же остались дома — кому охота проводить ночь накануне Йоля в шалаше.

Без приглашения явилось только несколько бродяг, которые так оголодали, что готовы были померзнуть ради куска мяса и кружки пива. Среди этих побирušек была и колдунья по имени Хейд. Когда Фроди услышал о ней, то приказал привести ее в палату.

6

Хроар и Хельги добрались до места после полудня, на час или два позже, чем отряд Сэвиля ярла. Они легко затерлись среди людей, толпившихся во дворе усадьбы. Из бочек уже вышибли дно; хлеб, сыр и окорока разложили так, чтобы каждый мог их отведать; в поварне целиком запекали быков — в холодном воздухе далеко разносился аромат жаркого. Мужчины хохотали и похвалялись друг перед другом; женщины сплетничали, внимательно разглядывая, кто во что одет; дети носились по двору; собаки лаяли.

Братья держались деревенскими дурачками, отчасти с непривычки к многолюдству и потому, что выпили кружку-другую пива на голодный желудок, а больше — чтобы скрыть, что они такие и что им тут нужно. Они скакали, кувыркались, ходили на руках, болтая ногами в воздухе, — словом, откалывали шутки одна глупее другой, стараясь вести себя как можно нелепее и шумливее, так что народ, глядя на них, веселился от души.

День, а в это время года это всего лишь сумерки между тьмой и тьмой, подходил к концу.

Гости устремились в палату. Фроди распорядился, чтобы оружие оставляли в сенях. В оправдание этой предосторожности конунг заявил, что на Йоль всегда много пьют, так что если бы вдруг вспыхнула ссора, а клинки оказались под рукой, то дело может легко кончиться кровью. На самом деле Фроди просто не доверял гостям, но, чтобы не нанести им смертельного оскорбления, он был вынужден разоружить и собственных воинов. Правда, люди, вооруженные только ножами, вряд ли отважились бы напасть на его дружинников, даже превосходя их числом, — слишком опытными те были бойцами.

Сени сразу наполнились мерцанием стали. В самой же зале, несмотря на огонь, горевший в очагах, царил сумрак.

Дымники были не полностью открыты, так что синий дым, сгушаясь под потолком, ел глаза и теснил дыхание.

Замешавшись в толпу гостей, мальчики внезапно замерли. Им бросился в глаза человек, сидевший рядом с Сигнью на скамье для почетных гостей. Рослый, седой, просто одетый, он, должно быть, все время находился в палате.

— Регин! — радостно вскрикнул Хельги. — Приемный отец!

И он бросился к наместнику, но Хроар успел схватить его за полу.

— Стой, полоумный, — шепнул он брату. — Хочешь, чтобы нас убили?

Хельги сдался, но все же, не удержавшись, заплясал и запрыгал по зале. Хроару пришлось последовать за братом. Пробираясь среди толпившихся гостей, он поглядел на высокий помост, что едва виднелся в дыму, застилавшем залу, и увидел дядю и мать. Конунг наклонился вперед, о чем-то серьезно беседуя с нищей старухой, опиравшейся на крючковатый посох. Казалось, ничто, кроме этой беседы, не занимает его. Напротив конунга сидела Сигнью, но ее муж еще не вышел к гостям. В кострах взметнулось пламя, разбрасывая разноцветные искры и разливая волны тепла. И тотчас среди горбатых теней золотом блеснули украшения на шее, в волосах и на руках Сигнью. Она знаками подозвала к себе братьев.

Хроар подвел к ней Хельги. Они, пряча лица под капюшонами, остановились перед сестрой. Сигнью пригнулась к ним и прошептала:

— Уходите отсюда! Уходите! На что вы рассчитываете?

Хельги хотел ответить, но Хроар оттолкнул его. Незачем посторонним видеть, как жена ярла побережий о чем-то умоляет двух оборванцев-скоморохов. Братья пробрались на дальний конец залы и присели на корточки среди бродяг и псов, ожидавших подачки от конунга и его приближенных.

Праздник шел своим чередом. Еда и питье были хороши и обильны: столы ломились от мяса, лепешек и хлебов, от мисок с маслом и творогом; снующие слуги то и дело подливали в рога пиво и мед. Но веселья не было. Разговоры текли скучно и вяло. Только несколько юнцов, разойдясь, пригласили девиц испить с ними меду из одной чаши. Придворный скальд запел было свои висы, старые и новые, в честь конунга Фроди, но его голос, казалось, потерялся в

дыму. Только огонь в кострах гудел, треща и воя над раскаленными добела углями.

Общее уныние, судя по всему, заразило и хозяина. Он сидел молчаливый, погруженный в себя, от него так и веяло ледяным холодом. Королева Сигрид в тоске ломала дрожащие пальцы.

В конце концов столы убрали. Конунг поднялся и начертил знак молота над большой серебряной чашей, перед тем как осушить ее одним духом. Затем настал черед поклониться богу плодородия Фрейру. В его честь в палату должны были внести золотого вепря, чтобы каждый, кто хочет, мог возложить на него руки и принести обеты.

Вместо этого Фроди тихо, почти не разжимая губ, сказал:

— Среди нас сейчас те, кто лжет и кто жаждет убийства. Если мы не покончим с ними, боги разгневаются, и в наступающем году нас ждут голод и беды.

Фроди умолк на мгновение, его глаза блеснули. Гости зашумели.

— Колдунья сказала мне, — продолжал он, — что чувствует близкую опасность и опасаться следует людей из моего рода. Вам ведомо, сколь долго я искал моих племянников. Я хотел погасить раздор, я хотел вернуть мир королевскому дому. Но они скрылись от меня. Зачем, если только не для мятежа и убийств? И кто еще здесь может желать мне зла, кроме этих двоих?

Я богато награжу любого, я прошу все, что делалось или замышлялось против меня, всякому, кто скажет мне, где скрываются Хроар и Хельги, сыновья Хальфдана.

Королева Сигрид пыталась сдержать слезы. Конунг Фроди оглядел залу, точно пытаясь различить что-то невидимое сквозь спустившийся мрак. Регин и Сэвиль ярл продолжали сидеть напротив него с ничего не выражающими, холодными лицами.

— Подойди ко мне, Хейд, — приказал конунг, — и скажи, что тебе нужно, чтобы открыть истину.

Старуха заковыляла к конунгу и, опершись на посох, прошептала что-то ему на ухо. Тени по стенам колыхались вослед ее лохмотьям, отсветы пламени играли на нечесаных космах.

Хроар и Хельги, притаившись среди зловонных нищих, сжимали черенки ножей. Собаки почуяли покрывшую их испарину и заворчали.

По приказу Фроди перепутанные рабы притащили треножник для ведовства. Это было высокое березовое сиденье на трех ногах из ясеня, вяза и боярышника. Хейд, установив треножник, взгромодилась на него, как ворона на ветку, взмахнула иссохшими руками и забормотала.

Между тронном конунга и почетным местом напротив него было ямы для очага. Фроди искоса взглянул на Сигню и Сэвиля. Ярл был неподвижной резных столбов, которые, казалось, колышутся в мерцанье огня, но его жена тяжело дышала, взор ее блуждал. Хейд умолкла.

— Ну, что ты увидела? — крикнул Фроди. — Я знаю, многое открыто тебе, и верю в твою удачу. Отвечай, колдунья!

Колдунья начала хватать воздух ртом, затем, точно очнувшись, провешала:

*Я двоим
не доверяю
среди сидящих
у огня.*

Конунг вздрогнул. Его рука сжала рукоять ножа.

— Ты говоришь о мальчишках или о тех, кто их укрывает? — спросил он.

Колдунья продолжала:

*Я — о тех,
кто жил у Вифиля;
их он кликал
точно псов:
Хопп и Хо.*

Тут заговорила Сигню:

— Хорошо сказано, вещунья! Ты уже поведала больше, чем кто-либо ждал от тебя.

И, сняв с руки тяжелое золотое запястье, она кинула его в подол Хейд.

Старуха схватила золото.

— О ком это ты? — резко спросил Фроди.

Хейд перевела взгляд с Сигню на конунга:

— Прошу прощения, государь! Что за чушь я тут городила! Весь день сегодня сама не знаю, что говорю.

Сигню, измученная, дрожащая, встала, глотая слезы, чтобы покинуть пир. Фроди тоже вскочил со своего места и, грозя колдунье кулаком, крикнул:

— Не скажешь своей волей, так заговоришь под пыткой! Я так и не узнал, о ком это ты говорила. И куда вдруг отправилась Сигню? Сдается мне, что в этой зале волки сговорились с лисами.

— Позволь... позволь мне уйти, — запинаясь, пробормотала племянница конунга. — Я угорела от дыма.

Фроди пристально взглянул на Сигню. Сэвиль снова усадил жену подле себя.

— Я думаю, что она выпьет рог меда и почувствует себя лучше, — спокойно сказал ярл.

Он подозвал служанку, которая, стуча от страха зубами, торопливо наполнила рог. Сигню сделала большой глоток. В это мгновение Сэвиль, наклонившись к жене, притянул ее к себе и шепнул:

— Успокойся. Оставайся на месте. Многое может случиться, если этим мальчикам суждено спастись. Что бы ты ни делала, не показывай, о чем думаешь на самом деле. Пока мы все равно ничем не можем им помочь.

Между тем Фроди почти визжал:

— Говори правду, колдунья, или я растяну тебя на дыбе, а потом сожгу заживо.

Хейд сжалась от страха. Наконец, справившись с собой, она заговорила:

*Здесь сидят
сыны Хальфдана,
Хроар и Хельги,
в добром здравье.
Фроди мстит
они решились,*

— и добавила про себя: — Если какой-нибудь дурень не поторопится их остановить.

Затем, вскочив со скамьи, колдунья закудахтала дальше:

*Смотрят грозно
Хам и Храни.
Возмужали
сыны конунга.*

Среди людей Сэвиля поднялся шум и суматоха.

— Хам и Храни? — повторил Фроди. — Кто такие? Где они?

Но, назвав имена, колдунья тем самым предупредила братьев. Они, растолкав бродяг, пробрались к дверям и, среди общей сумятицы выскочив наружу, устремились к лесу.

— Кто-то убежал отсюда! — завопил один из попрошайек.

И следом сразу же раздался крик конунга:

— Догнать их!

Фроди и его воины бросились к выходу из палаты. Регин приподнялся со своего места и, хватаясь за стену, точно пьяный, сшиб с нее несколько факелов. Факелы упали и погасли. Вслед за ним то же стали делать и его люди. В палате сразу сгустился мрак. В темноте люди Регина стали наткаться на людей Фроди, и к тому времени когда порядок был восстановлен, мальчиков простыл и след. За стенами усадьбы простиралась морозная пустота.

Возвращаясь в палату, Фроди в бешенстве грыз усы. Сигрид и Сигню рыдали друг у друга в объятиях. Колдунья Хейд уже успела удрать, прихватив золотое запястье. Конунг точно не замечал всего, что происходит вокруг. Как только факелы разгорелись вновь, он заговорил, обращаясь к гостям, и сурово зазвучал его голос:

— Я снова их упустил. Здесь немало тех, кто связан с ними, но придет час, и я жестоко накажу предателей. А пока — пируйте и веселитесь, ведь вы же все рады тому, что мальчикам опять удалось удрать.

— Государь, — начал Регин, громко икая, — ты не понял нас. Может, завтра нам повезет больше. А сегодня будем пить... как друзья... ибо кто знает, как долго норны позволят каждому из нас оставаться здесь?

И он закричал, чтобы скорее тащили пива. Потрясенные всем случившимся, воины конунга и большинство гостей налегли что было сил на хмельное. Но Регин, а за ним Сэвиль, которому Регин что-то шепнул, успели тайно приказать своим людям:

— Не напиваться с прочими. Быть начеку. Здесь, у чужих, всякое может случиться, а мы далеко от дома.

Шум и крики становились все громче, и хотя в них не было радости, они в конце концов побороли ночную тишину. Попойка продолжалась до тех пор, пока и воины и гости не повалились наземь, уснув один подле другого. Затем, едва Фроди с Сигрид отправились спать, Регин и Сэвиль, вместо того чтобы уложить своих людей на отведенное им

место, вывели их из палаты в амбар, который хозяева застелили соломой и шкурами в ожидании гостей. А в палате слышался только звероподобный храп и треск гаснувших костров.

7

Тем временем ветер разогнал облака. Прижавшись друг к другу, дрожа от холода на лесной опушке, Хроар и Хельги глядели, как разгорается в небе Большая Медведица, как на хвосте Малой Медведицы дрожит Веретено Фрейи, которое мы называем Полярной звездой, как звезды заливают мир мертвенным, холодным светом, в котором четко чернеет усадьба конунга.

— Ничего нам не удалось, — сказал Хроар.

— Неправда, удалось, — возразил Хельги. — Теперь людям ведомо, что сыновья Хальфдана живы. Смотри! Смотри, вон там!

Какой-то человек, выехав верхом из стойла, пересекал пустошь, лежавшую между лесом и жильем. Сперва это была только точка на снегу, только доносившийся издали стук копыт. Но когда всадник подскочил ближе, братья узнали его.

— Регин! — вскрикнул Хельги.

Он бросился ему навстречу, Хроар устремился следом, крича:

— Приемный отец, нам так не хватало тебя!

Но наместник не ответил им. Повернув коня, он поскакал обратно к усадьбе. Мальчики потерянно смотрели ему вслед. Холод пробирал их до костей.

— Как же так? — прошептал Хроар, и слезы заблестели у него на щеках в мерцающем свете звезд. — Неужто он отказался от нас? Неужто поскакал донести о нас Фроди?

— Нет, никогда я в это не поверю, — возразил Хельги дрогнувшим голосом.

Регин снова повернул коня и снова поскакал к мальчикам.

Приблизившись, он выхватил меч, и мальчики увидели, что наместник хмурится. Регин взмахнул мечом, будто пробулся к ним сквозь вражеский строй. У Хроара от волнения перехватило горло. Хельги, растирая заledenевшие пальцы, прошептал:

— Я, кажется, понял, чего он хочет.

Регин вложил клинок в ножны, натянул поводья и опять медленно поскакал к усадьбе. Хельги сразу же потащил Хроара по следу Регина. Хроар только тихо приговаривал:

— Ничего не понимаю.

Хельги ответил ему дрожащим голосом:

— Приемный отец поступает так, чтобы не нарушить своей присяги конунгу Фроди. Он не может заговорить с нами, но старается нам помочь.

Они приблизились к усадьбе. Залаяли собаки, но никто не проснулся, и стража нигде не была выставлена. Регин исчез в тени деревьев, но мальчики услышали, как он произнес:

— Если бы я хотел отомстить конунгу Фроди, я бы поджег эту рошу.

Затем Регин прищпорил коня, перевел его в галоп и окончательно пропал из виду.

Братья заколебались.

— Поджечь священную рошу? — удивился Хроар. — Что бы это значило?

Хельги схватил брата за руку:

— Не саму рошу. Он советует поджечь деревья вокруг палаты, как можно ближе к ее дверям.

— Но как мы, слабые мальчики, справимся с такой мощью?

— Справимся! — огрызнулся Хельги. — Мы должны отважиться, если хотим отомстить Фроди за все обиды.

Хроар замолк на мгновение, потом медленно сказал:

— Да. Хорошо. Здесь собрались те, кто знает нас. Если мы раздуем огонь, то часть из них перейдет на нашу сторону в память о нашем отце и в надежде, что с нами им будет легче сговориться, чем с Фроди. Второй раз такой случай может и не представиться.

— Тогда пошли! — Хельги радостно засмеялся.

И братья, сдерживая нетерпение, стали со всем своим охотничьим искусством подкрадываться к дому. С отчаянно бьющимися сердцами они пробрались в палату.

В сенях поблескивало сваленное грудой оружие. В палате царил тьма, наполненная едким дымом, запахом пота и пьяным храпом. Костры едва тлели, и фигуры богов на столбах, подпиравших свод, терялись во мраке.

Дрожащими руками мальчики схватили военное снаряжение. Выскочив на улицу, они помогли друг другу натянуть

стеганные рубахи и подшлемники, а поверх них кольчуги и шлемы, чей вес от возбуждения они едва почувствовали. Через мгновение меч был пристегнут к поясу, рука сжимала щит. Все пришлось им впору, хотя Хроару было пятнадцать, а Хельги — он был очень рослым для своих лет — только тринадцать.

— Мужское оружие! — У Хельги от счастья закружилась голова. — Теперь после трех лет рабства мы — свободные воины.

— Тихо, — одернул его Хроар, хотя и в его душе вспыхнула надежда.

Стараясь не шуметь, братья выволокли все оружие из сеней и сложили его снаружи. Затем снова скользнули в палату и на четвереньках стали пробираться среди храпящих тел. И хотя им то и дело приходилось замирать, когда кто-нибудь из спящих принимался ворочаться или бормотать во сне, уверенность не покидала их, ведь ни один мальчишка не в состоянии представить себе собственной гибели.

Подобравшись к очагу, каждый из братьев утащил из него по несколько тлеющих головней, а Хельги одну даже схватил зубами. На обратном пути мальчики смогли убедиться, что все крепко спят, ведь никто их не заметил. Выбравшись из палаты, они сперва раздули огонь, размахивая головнями, а потом засунули их под карниз низкой кровли.

Сперва огонь никак не хотел заниматься. Хельги разразился божбой, но Хроар терпеливо раздувал огонь.

Наконец показалось пламя. Сперва это были тонкие бледно-голубые язычки, птенцы Сурта, едва вылупившиеся из гнезда. Они трепетали под порывами холодного ветра, который, казалось, вот-вот их задует, и тоненько пели свою тихую песню. Но вот огонь утолил первый голод, вырос, ветер вдул в него новые силы: огонь поднялся, расправил свои яркие перья и громко затрещал. Сруб палаты был сложен из очень старых бревен. Мох в пазах высох. Сосновые кряжи жадно впитывали жар огня, как когда-то, еще деревьями в лесу, впитывали солнечный жар.

Хельги встал у выхода из палаты.

— Если в палате проснутся до того, как огонь перекроет путь, — сказал он, — придется постараться, чтобы суп не убежал. — И добавил, зажмурившись от дыма: — С той стороны дома — колодезный сруб. Надо бы поджечь и там.

— Что будет с нашей матерью? — вдруг вспомнил Хроар, который от волнения сперва совсем забыл о королеве Сигрид.

— Ну, воины всегда позволяют женщинам, детям, рабам и прочим в таком роде свободно выходить из огня, — ответил Хельги. — Но...

Вдруг он резко обернулся. Со двора к ним двигался вооруженный отряд с Сэвилем во главе. Сэвиль, обернувшись, приказал воинам:

— Поддерживайте огонь и помогайте этим мальчикам — вы не присягали конунгу Фроди.

Воины бросились выполнять приказ, тем более что многие пришли уже с факелами. Часть воинов построилась вокруг братьев. Хельги не смог сдержать радостного возгласа. Хроар произнес, заикаясь:

— Государь наш ярл...

Сэвиль разгладил бороду.

— Сдается мне, что это ты когда-нибудь будешь моим государем... Храни, — пробормотал он.

— Там есть выход через сруб колодца.

— Регин позаботится об этом.

Оказывается, наместник тоже примкнул к ним. Огонь все разрастался, и вот уже его отблески заиграли на стали, выхватывая из мрака суровые лица воинов.

Скоро пожар охватил все хоромы, но ни шум, ни жар не пробудили конунга Фроди.

Наконец он заворочался в своей постели. Поскольку ложе было коротко, спать приходилось полусидя. Зашуршав подстилкой, конунг закашлялся, потом сказал:

— Здесь душно и темно, как в могиле.

И с этими словами снова откинулся на спинку ложа. От очага на него повеяло жаром. Сигрид, проснувшись, спросила:

— Что случилось?

Конунг тяжело вздохнул, потом неожиданно закричал:

— Вставайте, просыпайтесь, люди конунга! Мне приснился сон, и он не предвещает ничего доброго.

Несмотря на то что выпито было немало, дружинники конунга не забыли лечь спать рядом с ним, и теперь пробудились по первому зову.

— Что тебе приснилось, государь? — спросил один из них хриплым, как у тролля, голосом.

Фроди, задыхаясь, ответил:

— Сейчас расскажу. Мне приснилось, будто кто-то кричит: «Пришла пора отправляться домой, конунг, пришла пора, тебе и твоим людям». И тут кто-то другой мрачно спросил в ответ: «Где этот дом?» И снова я услышал крик (а кричали так близко, что, казалось, я ощущаю дыхание кричащего): «Домой, к Хель, к Хель!» И тут я проснулся.

— О-о-о, — застонала Сигрид.

Собаки, спавшие вместе с людьми в палате, тоже сперва ничего не почуяли, а потому не залаяли. Но теперь, при первом дуновении смерти, они пробудились и завyli.

Те, кто стоял снаружи, слышали шум в палате. Надо было усыпить подозрения жертв до того, как ловушка захлопнется. У Фроди в услужении было два умелых кузнеца, они были тезками: оба носили имя Вар, что значит «ловкий». И вот Регин (а это имя означает «дождь») прокричал:

*На дворе нынче дождь (Регин)
и свирепые воины,
сыновья королевские,
пусть о том Фроди ведает.
Ловкий гвозди выковывал.
Ловкий шляпки приделывал,
вот и Ловкий для Ловкого
изловчиться старается.*

Один из стражников проворчал:

— О чем, бишь, эти вирши? То ли дождь идет, то ли королевские кузнецы что-то затеяли...

— Ты что, не понял, что нас предупреждают? — сурово возразил Фроди. — Имей в виду, эти слова имеют не одно значение. Регин присягал мне, поэтому вынужден предупредить меня об опасности. Да только он хитер и скрытен, как никто.

Те, кто размышлял над этой историей впоследствии, признавали, что Регин сдержал слово, сообщив о том, что Хроар — первый Ловкий — замыслил месть и осуществил ее вместе с Хельги — тоже Ловким, а Регин — третий Ловкий — предупредил об этом четвертого Ловкого, то есть самого Фроди. Но ведь наместник никогда не клялся в том, что не будет сообщать новости в виде загадок или что загадки эти можно будет легко разгадать.

Фроди не мог успокоиться, а потому вскоре встал. Накинув плащ прямо на голое тело, он вышел в сени и увидел,

что кровля уже охвачена пламенем, что все оружие куда-то делось и что палата окружена вооруженными людьми. Тогда Фроди, поняв все с первого взгляда, твердо сказал:

— Кто командует этим поджогом?

Хельги и Хроар вышли из строя. Их юные лица были суровы.

— Мы, — ответил Хроар, — сыновья убитого тобой твоего брата Хальфдана.

— На каких условиях вы пойдете на мировую? — спросил Фроди. — Нехорошо, когда родичи только о том и думают, как бы убить друг друга.

Хельги, плюнув от злости, ответил ему так:

— Никто не поверит тебе. Или, став нашим отчимом, ты не стремишься погубить нас? Этой ночью ты заплатишь за все.

Уголек с горящей кровли упал на голову Фроди, опалив волосы. Он вернулся в палату, скликаая своих воинов на бой.

У дружинников конунга не оказалось ни щитов, ни кольчуг и вообще никакого оружия, кроме ножей. И все же они стали готовиться к сражению: подбросили хвороста в костры, чтобы стало светлей, и разломали скамьи на дубинки и тараны. Кое-кто из гостей принялся им помогать, но большинство только болталось под ногами, бормоча и спяну натываясь друг на друга.

Наконец воины конунга все вместе, насколько это позволял узкий дверной проем, бросились на прорыв. Большинство тут же полегло: кого проткнули копьем, кого зарубили мечом. Только несколькими из них удалось, вооружась скамьей, прорваться во двор. Их сразу окружили люди Сэвиля. Одним из прорвавшихся был берсерк, косматый великан, впавший в яростное безумие. На губах у него выступила пена, он с воем замахнулся столбом, одной из опор королевского трона, и бросился вперед, не обращая внимания на раны, которые покрывали его незащищенное тело. Его оружие обрушилось на шлем одного из воинов Сэвиля. Шлем раскололся со звоном: воин упал замертво.

Неожиданно Хельги, выбежав из строя воинов, все еще стерегущих дверь, бросился на берсерка.

— Нет! — вскрикнули в ужас Сэвиль и Регин.

Но их воспитанник не стал слушать. Он изготовился к бою: ступни врозь, ноги полусогнуты и напряжены, туловище до глаз прикрыто щитом, меч лежит на плече. После

трех лет упражнений с палками ему показалось, что это ожил его деревянный меч. Дубинка обрушилась вниз. Хельги, перенеся вес на правую ногу, отшатнулся. Удар только скользнул по краю щита, но и этого оказалось достаточно, чтобы Хельги зашатался, а его левое запястье потом болело еще много дней. Но он все же успел замахнуться мечом. Клинок просвистел над верхним краем щита и глубоко вонзился в шею берсерка. Кровь хлынула струей. Берсерк упал. Он еще дернулся пару раз, пытаясь встать, но вскоре затих, обливаясь кровью.

Сэвиль обнял Хельги:

— Это первый, это твой первый убитый враг!

Регин тем временем поспешил к обратной стороне дома.

Но Фроди не желал еще смириться с судьбой. Он взял жену за руку и сказал ей:

— Пойдем, может быть, еще можно выйти.

Они бросились к колодезному срубѹ. У дверей стоял Регин со своими людьми.

— Нам, Скѣльдунгам, не суждено жить долго, — только и сказал Фроди и с этими словами вернулся в палату.

Пали последние из людей конунга. Огонь вздымался все выше, его языки пожирали кровлю. Вот уже занялись стены. Весь дом содрогался от жаркого пламени. Хельги закричал ломким мальчишеским голосом:

— Пусть женщины, и слуги, и всякий, кто друг сыновьям Хальфдана, выходит из дома. Быстрее, не то будет поздно.

Вышло несколько человек. Большая часть батраков, рабов и нищих спала не в главной палате, и теперь они перепуганно жались по темным углам усадьбы, куда не достигал свет пожарища. Некоторые, особенно из числа тех, кто не был приближенным Фроди, начали постепенно подходить ближе, приговаривая, что, дескать, давно ждут не дождутся этого радостного дня.

— Где моя мать? — беспокоился Хроар.

В этот миг в дверях появилась Сигрид, окруженная столбами огня.

— Быстрее! — закричал Хельги.

Но Сигрид стояла, запахнувшись в плащ, и, не двигаясь с места, смотрела на сыновей.

Потом тихо, так, что ее голос был едва слышен сквозь рев пламени, сказала:

— Доброе дело вы совершили, Хроар и Хельги, и добра я желаю вам во всей вашей будущей жизни. Одному мужу я изменила, после того как он погиб, и не хочу, чтобы о вашей матери сказали, что другому она изменила, пока он был еще жив. — Сигрид возвела руки. — Я благословляю вас.

И с этими словами она вернулась обратно в палату.

Братья бросились было с криком за ней, но их успели схватить. Рухнула дверь, начала проваливаться крыша. Разлетевшиеся искры затмили звезды. И рыдания Хроара и Хельги заглушил все нарастающий рев пламени.

СКАЗАНИЕ О БРАТЬЯХ

1

Ярл и наместник увезли своих воспитанников в Лейдру. Там они создали тинг и, когда народ собрался, объявили обо всем, что произошло. Стоя на высоком камне, мальчики видели, как вспыхнули на солнце вылетевшие из ножен мечи и как они со звоном разом грянули в щиты, когда толпа, собравшаяся на тинге, провозгласила их конунгами.

Они, в свою очередь, поклялись держаться старых законов, вершить правый суд и вернуть земли, которые захватили приспешники Фроди. Дабы отблагодарить своего зятя Сэвиля и воспитателя Регина, Хроар и Хельги раздали им и их людям множество даров, ибо теперь они стали обладателями палат и сокровищницы датских конунгов.

После этого братья объехали всю Датскую державу вместе со своими опекунами и сильной дружиной. И везде их встречали как законных повелителей.

В дороге Хроар спросил Хельги, не хочет ли тот разделить владения так, чтобы один правил Зеландией, а другой — Сконе. Регин дернул себя за бороду и сказал:

— Сдается мне, что в таком решении будет не много мудрости, особенно если вспомнить прошлое.

Хельги вспылил:

— Никогда я не подниму копы на брата. Мы будем жить вместе и все, что у нас есть, будем делить пополам.

Так они оба и остались в Лейдре. Сконе же решено было доверить надежному человеку. Братья попросили отправить туда Сэвиля, и он, согласившись, переехал в Сконе с Сигню и детьми и долго правил той землей в мире. Часто он

и его шурины ездили друг к другу в гости, но больше в нашей саге речи о нем не будет.

Новые конунги были совсем не похожи друг на друга. Хроар остался малорослым, но быстрым и ловким. Был он человек мягкий, спокойный, дружелюбный, в речах воздержанный и глубокомысленный. Хельги же, наоборот, вырос необычайно высоким и сильным, так что прослыл одним из самых могучих воинов в Дании. И ежели не гневался, то был буйно-весел, душа нараспашку, из тех, в чей дом человек заходит без стеснения, ибо знает, что не найдет там недостатка ни в еде, ни в питье, ни в веселье. Одевался он или проще последнего хуторянина, или в лучшие меха и сукна, и тогда уж золота на его запястьях и шее хватило бы на целый драконий клад. Был он горячая голова, человек с норовом, не терпящий возражений, да к тому же ни на одном совете не мог высидеть и часа.

Людям казалось, что Хроар пошел в отца, в Хальфдана, а Хельги — в дядю, воинственного Фроди, и они страшились разрыва между братьями. Но ничего такого не было и в помине, ибо всю свою жизнь они нерушимо любили друг друга. Первый год правления им пришлось провести в разъездах, знакомясь со своими владениями и принимая присягу от местных вождей, но потом, когда нужда в таких поездках прошла, Хроар смог спокойно поселиться в столице, постигая ремесло правителя, а Хельги принялся закалять себя в битвах и морских странствиях.

И это стало благом для всей страны. На следующий год, лишь только установилась погода, Хельги увел своих воинов в поход. Шайки грабителей и отряды викингов были истинным бичом Датской земли, и при Фроди это зло только разрослось. Хельги очистил от разбойников леса и морские пути, пройдя по ним с секирой и петлей, и землевладельцы благословили его имя. Сперва он совершал походы под предводительством опытных вожаков. А уже к осени стал обходиться без них.

Зиму он провел в сплошных пирах да в подготовке к походам следующего лета. Хельги решил, торгуя, воюя и разведывая земли, обойти вокруг Ютландии, Фюна и других датских островов.

После его отплытия к Хроару приехал Регин, ставший теперь ярлом, чтобы побеседовать со своим воспитанником с глазу на глаз.

— Мне нездоровится, — начал приемный отец конунга, — сердце все чаще болит и бьется, точно птица в клетке, а потому хотел бы я, прежде чем умру, забить еще одну крепкую сваю в основание дома Скьельдунгов.

Хроар сжал его руку. Они понимали друг друга без слов.

Регин продолжил:

— Я спрашивал в округе, посылал на поиски моих людей и нашел для тебя такую жену, которая не только принесет тебе большое приданое и сильных друзей, но и станет хозяйкой в твоём доме.

— Я всегда старался следовать твоим советам, — тихо ответил Хроар.

Его суженую звали Вальтйона. Она была дочерью Эгтйофа, ярла из Гаутланда, и близкая родня тамошнему конунгу. Хроару очень нужны были союзники в этой земле, которая лежала между его собственными владениями и владениями Инглингов.

Немало времени прошло в переговорах, в поездках сватов и посылке подарков, так что невеста приехала в Лейдру только перед Йолем. Это была крупная, красивая, умная девушка, с твердым, когда нужно, но добрым характером. Она и Хроар зажили душа в душу.

Вскоре после того как их повенчали под знаком Тора, Регин умер, и его смерть стала для народа великим горем. Конунги похоронили своего воспитателя в ладье, полной дорогих даров, и насыпали над ним курган, который высоко вознесся над побережьем Исе-фьорда, точно желая увидеть то место, где упокоились кости старого Вифиля. Аста не надолго пережила своего мужа и тоже удостоилась от своих воспитанников богатых погребальных даров и немалого кургана.

— Придется теперь нам жить своим умом, — печально сказал Хроар.

— Ничего, если ум подведет, — ответил ему брат, — у нас есть еще наша сила.

— Наш прадед был куда как могуч, где нам до него, а ведь и он погиб.

Хроар принялся теребить свою едва начавшую пробираваться бородку. Братья были одни в верхних покоях. Каменный светильник едва разгонял мрак зимней ночи. Хроар продолжал:

— Когда-то в восточных краях мы уцелели благодаря Регину, но к западу, за Большим Бельтом, у нас мало родни.

- Ты хочешь сказать, что мне пора приискать себе жену?
- Да, нам пора вместе подумать об этом.
- Хм, сдается, рановато мне жениться.
- У Скъельдунгов это в обычае.

В течение нескольких месяцев Хроар пытался вновь завести этот разговор, но Хельги всякий раз останавливал его, а иногда просто пожимал плечами. И дело было вовсе не в том, что он робел перед женщинами. Нет, первым делом, как они после расправы над Фроди переселились в Лейдру, он залучил к себе на ложе рабыню. И с тех пор Хельги, если не уходил в море, редко спал один.

Как-то Хроар упрекнул брата:

— Твои внебрачные сыновья, борясь за власть, разорят державу.

Но Хельги ответил, посмеиваясь:

— Да ведь я ни одного из них не посадил к себе на колени и не дал ему имени. Ни одной девки я не держал при себе долго, а отсылал их обратно в работу, либо, если она была из свободных, домой с подарком, и делу конец.

— Ну так со временем тебе придется признать этих сыновей, не говоря уж о том, что будут же у тебя и законные дети.

— Посмотрим, — и Хельги, довольный собой, вышел из дома.

Однако же все-таки он задумался над словами старшего брата и в конце концов решил устроить свои брачные дела так, чтобы поразить весь свет и прославиться далеко за пределами Дании. Он тайком разослал разведчиков, а сам в открытую стал собирать суда и людей, обещая, что летний поход принесет им изрядное богатство.

И поскольку не было недостатка в младших сыновьях, которые решили сопутствовать Хельги, то, едва установилась погода, из Хавена в море вышел немалый флот.

Хроар, правда, возражал против этого похода, говоря, что вокруг и без того хватает викингов и разбойников. Но Хельги был непреклонен в своем решении.

— Люди не станут служить под нашими знаменами, если мы не поведем их к добыче, — сказал он.

Его корабли сперва пошли Зундом на юг, как будто стремясь к объявленной цели похода — южному побережью Балтики. Но когда дружина Хельги высадилась на берег острова Мен, он сказал своим капитанам, что теперь они повернут на запад. Едва он заявил об этом, кое-кто начал возражать ему,

говоря, что это чересчур опасно. Но недовольным пришлось замолчать и подчиниться, несмотря на то что Хельги — ему шел тогда шестнадцатый год — был еще очень молод.

2

Родина саксов — земли у основания Ютландского полуострова. Как и все прочие, кроме финнов, племена Северных Земель, они говорят на общепонятном языке. Когда со временем число саксов возросло, они, захватывая новые земли, начали расселяться и создавать свои королевства от Эльбы до Рейна, а потом, вместе с родственными им англами и ютами, и за морем, в Британии. Мало кто из них держался за старую родину.

Одно из таких королевств было на острове Альс, что лежит между Фленсбургом и Абенра-фьордом. Его владельцы вели свой род от Одина и Фрейи, но в их жилах текла и вендская кровь. (Венды жили в восточных землях за Рудными горами, и их язык не сходил с датским, ни с финским.) Хотя вожди Альса и отличались доблестью, но их народ был малочислен, так что им приходилось присягать и платить дань конунгам Шлезвига.

Последнего из конунгов Альса звали Сигмунд. Он женился на дочери своего верховного конунга Хундинга. Она родила дочку, которую называли Олоф, и вскоре умерла, так и не оставив мужу наследника. Может быть, поэтому Сигмунд воспитывал дочку как сына, брал ее с собой на охоту, учил владеть оружием, рассказывал о сражениях, оставлял при себе, беседуя с мужчинами. Олоф выросла надменной и суровой, презирала женские рукоделия и, случалось, отправлялась в дорогу в кольчуге и покрыв голову шлемом, со щитом в руке, с мечом у бедра.

Ее отец тоже умер молодым. После его смерти дед Олоф, конунг Шлезвига Хундинг, убоявшись волнений, которые могли бы подорвать его власть, потребовал, чтобы жители Альса признали ее своей повелительницей. И поскольку саксам случалось доверять высшую власть женщине, а кроме того, старейшины согласились, что это лучше, чем смута, то так и было сделано.

Вскоре умер и Хундинг, и тогда смута началась уже в его владениях. Ловко натравливая противоборствующие стороны друг на друга, королева Олоф сумела добиться того, что стала сама себе хозяйкой. Она и не думала выходить замуж.

Ее считали самой завидной невестой во всех Северных Землях, да и остров ее был на диво удобен для войны и торговли, но всех, кто искал ее руки, она отсылала прочь и к тому же весьма бесцеремонно.

Собственные подданные Олоф не слишком любили ее, полагая, что она чересчур сурова и скаредна. Все же как королева она была не настолько плоха, чтобы восстать против нее, тем более что народ помнил о том, что Олоф — последняя в роду их собственных конунгов и к тому же находится под покровительством своих божественных предков.

Так обстояли дела на Альсе к тому времени, когда корабли Хельги подошли к его берегам.

Хельги знал, что королева обычно проводит лето на восточном побережье острова. Там, на берегу Малого Бельта, среди лесов была у нее небольшая усадьба: не палаты, а, скорее, охотничий домик. Здесь Олоф могла вволю охотиться, что очень любила, да к тому же в этих пустынных местах не было нужды в раздаче даров и пищи чужакам, чего она как раз терпеть не могла.

Дом стоял на обрыве, откуда далеко были видны берег и море, так что в случае опасности королева всегда легко могла послать морем за помощью или бежать в глубь острова. Хельги встал на якорь у острова Ли на другой стороне Бельта, дожидаясь, пока на море падет туман, обычный в это время года. Как только это случилось, его корабли один за другим украдкой, на веслах пошли через пролив. Промозглая туманная мгла была так плотна, что часто кормчий одного корабля не видел вперёдсмотрящего на носу другого. Корабли шли, связанные канатами. Сам конунг был на переднем. Лощманом он взял местного рыбака, который досконально знал все рифы, течения, шхеры и бухты в тамошних водах. Они подошли ровно туда, куда стремились. Хельги, высадив войско на берег, поставил корабли на якорь под береговым обрывом.

Вечером туман неожиданно рассеялся — стали видны корабли и поблескивающая сталью кольчуг и копий толпа вооруженных людей, которые весело расположились на лесной опушке. Правда, в этом пока не было ничего угрожающего: на мачте передового корабля висел белый щит — знак мирных намерений пришельцев. И все же королева Олоф поняла, что окружена превосходящими силами.

Тем не менее посланников она встретила весьма высокомерно. Они же обратились к ней с такими словами:

— Хельги сын Хальфдана, конунг Дании, велел кланяться Олоф дочери Сигмунда, королеве Альса, и просить ее о гостеприимстве.

Ей не оставалось ничего другого, как передать, что она просит Хельги и его людей быть ее гостями.

И вот уже они поднимаются по прибрежному откосу, входят во двор, эти юноши, неистовые, как морской ветер, гордые, как орлы. Олоф ждала их, сидя на своем высоком троне. Закат вызолотил гриву и мягкую бородку того, кто вошел и поприветствовал ее первым. И она и пришедлец пристально вгляделись друг в друга.

Широкоплечий, широкогрудый, узкий в бедрах, горбоносый, крупная голова, крутой подбородок, — Хельги был выше любого из рослых своих спутников. Ярко-голубые глаза на дочерна загорелом лице словно смеялись над королевой. Одет он был просто, и морская влага все еще капала с его куртки и плаща, но золотые запястья обвивали могучие руки, и рукоять меча тоже была выложена золотом.

Олоф была небольшого роста, но одежда не могла скрыть ни ее прекрасного стана, ни особого изящества движений, приобретенного благодаря охотничьим забавам. Круглолицая, широкоскулая, с крупным ртом, большие темные глаза того же оттенка, что и курчавые волосы, — в общем, эта девушка, немногим старше Хельги, была очень хороша собой. Надменно взглянув на гостя, она без охоты ответила на его приветствие.

— Я так много слышал о тебе, — весело сказал Хельги, — что решил проверить молву.

И с этими словами он без приглашения уселся рядом с королевой и велел слугам принести им пива.

— Приготовьте все так, чтобы наши гости ни в чем не испытывали нужды, — приказала Олоф своим людям.

Немало времени понадобилось слугам, чтобы наготовить на такую ораву неожиданных гостей, но мед и пиво сразу потекли рекой. Датчане с шумом набились в королевские покои и принялись лапать женщин, пить и хвалиться прошлыми подвигами. Шум стоял такой, что Олоф и Хельги, хоть они и сидели рядом, приходилось едва не кричать, чтобы расслышать друг друга. Говорил в основном Хельги, — говорил о себе, — и чем больше пьянел, тем больше говорил.

Однако по лицу Олоф вовсе нельзя было заключить, что она чем-либо недовольна.

Когда наконец перешли к еде, Хельги сказал Олоф:

— Ты, верно, догадалась, что я приехал сюда вовсе не для того только, чтобы пировать; я хочу, чтобы сегодня вечером мы с тобой выпили наше свадебное пиво.

Олоф напряглась.

— Стоит ли так спешить, сударь мой? — спросила она.

— Нет, нет, — Хельги взмахнул бычьей костью, зажатой в руке. — Здесь довольно людей для свадьбы. Я обрету великую честь и пользу, если возьму в жены такую королеву, как ты. Потом можно будет освятить нашу свадьбу, обсудить размеры приданого и утренних даров и все остальное, но этой ночью мы ляжем с тобой в одну постель.

— Если бы мне было суждено выйти замуж, — ответила Олоф, сжимая черенок ножа так, что побелели костяшки пальцев, — я бы не желала иного мужа. Верю, что ты не истолкуешь эти слова к моему бесчестью.

Хельги смотрел на нее, не скрывая вожделения.

— Так-то лучше, чем чваниться зазря, и, клянусь, мы будем жить с тобой до тех пор, пока мне не надоест.

— Жаль, что здесь нет моих друзей. Что ж, будь потвоему. Надеюсь, ты будешь обращаться со мной подобающим образом.

В ответ Хельги со смехом притянул Олоф к себе и, обняв на глазах у всех, прижал ее губы к своим.

Датчане веселились вовсю, саксы же, растерявшись, не знали, что делать, если не считать нескольких хихикающих девок, которых начали тискать по темным углам датские мореходы. Королева Олоф поднялась и, не обращая внимания на то, что платье ее испачкано, а волосы растрепаны, сказала как ни в чем не бывало:

— Выпьем же на свадьбе лучшее из того, что у нас есть. Открывайте бочки с вином!

Купцы с далекого юга иногда привозили вино в эти края. Но в других Северных Землях оно почти не было известно. Хельги, хлебнув вина, завопил от восторга. Олоф с улыбкой — в тусклом свете лучин эта улыбка, пожалуй, могла показаться искренней — принялась потчевать его вином и потчевала до глубокой ночи.

Никто, кроме самых верных из ее людей, не заметил, что она только делает вид, что пьет вместе с Хельги. Они по ее приказу вели себя точно так же.

В конце концов Хельги проревел, что пора ей в постель, а то как бы брачная ночь не превратилась в утро. Тогда те из датчан, кто еще мог стоять на ногах, с непристойными песнями и ужимками, с криками и воплями, взяв факелы, повели Олоф через двор в ее опочивальню. По обычаю северян невеста должна идти впереди. Предполагается, что это уберезет ее от злых духов, а грубые речи и песни даруют молодым любовь и чадородие. Но Олоф не ждали ни цветы, ни зеленые ветви, не было ни сговора, ни старых друзей вокруг, ни освящения брака, и не принесла она в жертву Фрейе свой девичий венок.

Провожатые вернулись за Хельги, но он на все их призывы только и сумел проворчать:

— Погоди, погоди, знаю я вас, небось решили вылакать все вино без меня.

Ночь уже близилась к рассвету, когда он, шатаясь, встал из-за стола. Немногие сумели встать вместе с ним.

Наконец воины, захлопнув за Хельги дверь опочивальни и проорав последние непристойные пожелания, шатаясь, побрели спать.

Только тусклый свет лучины мерцал в спальном покое.

— Раздевайся, — с этими словами Хельги принялся шарить в поисках королевы.

— Ложись, — пробормотала она ласково в ответ и, провоя его до постели, добавила: — Я скоро приду.

Хельги лег, а Олоф скользнула в сторону, точно хотела подготовиться к брачному ложу. Вскоре она услышала, как он захрапел.

Олоф, сжимая нож, в задумчивости стояла над Хельги. Как бы датчане ни перепились, все равно они были сильнее ее немногочисленных слуг и рабов. Кроме того, если она убьет Хельги, его могучие родичи — Скьёльдунги станут ее кровниками. Олоф уже решила, как ей поступить.

Одни говорят, что она воткнула в него сонную колючку, чтобы он не просыпался, другие — что в том не было нужды.

Она выскользнула в утренних сумерках под тускнеющими звездами из опочивальни к своим слугам. Выводить лошадь из конюшни было опасно, но среди слуг королевы был скороход, который со всех ног пустился бежать по лесной

дороге. Когда тот доставил, что был должен, Олоф вернулся обратно с несколькими из своих людей.

— Стоит ли так поступать? — спросили они ее.

Королева гордо вскинула голову:

— Мне ли не заботиться о своей чести? За позор должно отмщать позором.

Люди королевы обрили Хельги бороду, остригли ему волосы, извалили его в дегте, затем вместе с грудой мусора запахали в кожаный мешок, мешок завязали и стащили на берег.

На заре рабы Олоф по ее приказу разбудили, окатив холодной водой, датчан и сказали им, что Хельги уже на корабле и приказал подымать паруса, поскольку начался отлив и задул попутный ветер.

Похмельные датчане, с трудом понимая, где они находятся, начали спускаться к кораблям, но на берегу не нашли своего конунга. «Ну, значит, скоро придет», — подумали они в хмельной одури. Тут им на глаза попался здоровенный кожаный мешок. Решив выяснить, что в том мешке, они развязали завязки и увидели своего конунга в весьма плачевном состоянии. Сонная колючка, если только она вообще была, выпала, Хельги проснулся, и нерадостным было его пробуждение. Он был вне себя от бешенства.

Но тут с севера донеслось пение рогов, топот ног и копыт, звон железа и голоса. На фоне утреннего неба над береговым откосом показался отряд воинов, справиться с которым датчане были не в силах, тем более в их нынешней похмельной слабости. Пришлось подниматься на борт и уходить восвояси. Они едва могли грести. С берега еще долго доносились насмешки саксов, и, после того как берег Альса скрылся из виду, им все казалось, что чайки, летя за кораблями, продолжают глумиться над ними.

3

Молва далеко разнесла эту историю, и немало дивились люди тому, как сумела королева Олоф провести такого конунга, как Хельги сына Хальфдана. Жители Альса теперь благоговели перед своей королевой, так что она стала горда и гневлива сверх всякой меры. Правда, отныне она никогда не пускалась в дорогу без крепкой стражи.

Что же до Хельги, то он пребывал в столь мрачном настроении, что никто не смел ни обмолвиться о причинах

этой мрачности в его присутствии, ни даже поднять на него глаза. Он, как и было сперва обещано, провел свой флот на Вендланд и, пройдя его с огнем и мечом, так неистовствовал в боях, что потряс и самых суровых среди своих воинов. Они выиграли все сраженья, и, когда наконец повернули к дому, их корабли были переполнены добычей и рабами. Но Хельги не выглядел довольным. Не успели корабли причалить в Хавене, как он, приказав их разгружать, в одиночестве ускорил прочь.

Тем временем слухи о случившемся на Альсе достигли Лейдры. Хроар, едва брат появился в столице, позвал его в свои палаты. Они поднялись в светлицу, чтобы поговорить друг с другом наедине.

— Я должен был бы приготовить пир в честь твоего возвращения, — мягко проговорил старший брат, — но, полагаю, в этом году ты предпочтешь без него обойтись.

— Да уж, я бы на него не пришел, — пробормотал в ответ Хельги, уткнувшись глазами в пол.

— Ничего, со временем ты все это переживешь.

Хельги вспыхнул:

— То, что случилось, опозорило всех нас.

— А из-за кого это случилось? — Хроар заговорил неожиданно жестко. — Кто довел нас до этого позора?

Хельги вскочил — казалось, еще немного, и он кинется на брата, — но затем с проклятиями скатился по лестнице и выбежал из дома.

Ту зиму он провел, чуждаясь людей, был жесток с низшими, груб с высшими. Люди со страхом передавали друг другу, что, видно, в Хельги разыгралась-таки черная кровь Скьёльдунгов, а когда увидели, что он то и дело шепчется о чем-то с самыми преданными своими дружинниками, многие решили, что он затевает заговор вроде того, который когда-то устроил Фроди.

Но вот мрак начал уступать солнечному свету, снег потек ручьями, прилетели журавли и ласточки. Хельги, казалось, стал спокойней. Его челядь знала, что он занят подготовкой какой-то затеи, но какой, о том он почти никому не говорил. И вот однажды ранним утром в начале лета исчезли и конунг Хельги, и самые верные из его людей, и самый быстрый корабль.

Подняли мачту, распустили парус, и корабль полетел с попутным ветром. А ветер был, что твоя волюнка, осыпал

щеки холодными солеными поцелуями, ерошил волосы. По бортам с грохотом вздымались валы: на их гребнях закипала пена, сверху они были седыми, снизу — исчерна-синими, а солнечный луч, пробившись сквозь тучу, заставлял их вспыхивать зеленым огнем. Корабль перепрыгивал с волны на волну, только тали звенели да скрипел обитый моржовой кожей такелаж. Хельги встал у кормила, и, когда вдали скрылась из виду его земля, он, быть может, впервые за этот год улыбнулся.

Когда миновали Мен, Хельги велел украсить штевень своего корабля драконьей головой — знаком войны.

Теперь они пошли осторожней, стараясь, чтобы их не заметили с проплывающих мимо судов; дойдя до Малого Бельта, легли в дрейф и, только когда стемнело, при луне, на веслах двинулись курсом на север.

Еще до зари лоцман привел их в окруженную лесом бухточку в нескольких милях к югу от охотничьего домика Олоф. Хельги приказал вытащить корабль на берег и отправил лодку сторожить выход из бухты, чтобы враг не застиг их врасплох и не перекрыл путь к отступлению. Потом он позволил себе поспать несколько часов. Караульные слышали, как он смеялся во сне.

Проснувшись на заре, Хельги запасся провиантом и переоделся в нищенские лохмотья. Под ними он увязал за спиной меч и два кошель с золотом и серебром.

Нелегко путь через чащу. Дубы и березы, ясени и лиственницы смыкают свои кроны, отбрасывая наземь пятнистую тень; тысячи птиц поют в ветвях, белки языками огня снуют по стволам; теплый воздух полнится запахами расцветающей земли. Но это вверху, а внизу подлесок стоит на пути стеной, цепляется за ноги, упирается в грудь, норовит выцарапать глаза, и треск сучьев звучит точно насмешка. Не диво, что часто от одного поселения до другого можно добраться только морем.

Но недаром Хельги был охотником: он умел отыскивать тропинки и пробираться по ним не хуже оленя. Скоро он уже был близок к цели. Припрятав меч в дупле и золото под кустом, Хельги вышел на дорогу неподалеку от охотничьего домика и принялся ждать.

Вскоре показался один из рабов королевы. Он тащил с хутора лукошко с яйцами для королевской кухни. Налетев на

высокого незнакомца, раб невольно отпрянул. Хельги, показав ему, что безоружен, улыбнулся и начал так:

— Не бойся. Я человек бездомный, но безопасный.

Раба эта встреча не удивила. Шлезвиг терзали усобицы, так что вокруг было немало бродяг. А что он сумел попасть на остров, так ведь пролив — уже некуда.

— Как дела в ваших краях? — спросил его между тем незнакомец.

— Все тихо-мирно, — ответил, приободрившись, раб. — А как тебя кличут?

— Какая разница? Я — бедный батрак. Лучше погляди-ка сюда. Я ведь в этом лесу наткнулся на клад. Хочешь покажу?

Раб подумал, что страннику незачем нападать, кроме того, ежели что, так ведь у него есть крепкий посох. Он подошел и, увидев то, что лежало на земле, прикрытое листьями, почувствовал, как у него перехватило дыхание.

— Здорово! — только и сумел вымолвить раб. — Да кто ж такое здесь оставил? Может, конунг Хельги, когда он прошлый год приезжал к нашей королеве, а она посмеялась над ним?

— Ни о чем таком не знаю, — грубо прервал его бродяга. — А скажи ты мне, жадна ли ваша королева до золота?

— Ну, в этом с ней никто не потягается.

— Вот и я слышал то же самое. Коли так, значит, ей по душе такие штуки, и она может наложить лапу на мое золото — ведь здесь ее владения. Зачем же мне менять удачу на неудачу и прятать клад самому? Кто ж поверит, что бродяга вроде меня разбогател за час? Сочтут разбойником и отправят воронью на корм. Нет уж, пусть сама возьмет его, а мне выделит, сколько пожелает; так-то будет лучше. Ты как думаешь, соизволит она сама пожаловать за кладом?

— Сдается мне, что она решится, ежели сумеет прийти тайком, прихватив с собой пару воинов из тех, что помолчалиее.

— Я это к тому, что как бы это ей так прийти, — забормotal странник, — чтоб находка не наделала шума, а то прознают о ней ее ярлы и захотят даров да пиров, а королева-то, говорят, как раз этого и не любит. Слушай, я не желаю, чтобы с ней приходил еще кто-нибудь, кроме тебя. Она и ты, и все. Я-то ведь ничего не боюсь. — Помолчав, он продолжал: — Видишь кольцо с дорогим камнем: ты получишь его, если сумеешь привести сюда королеву без

спутников. А на тебя она не разгневается, я сумею ее успокоить.

Сперва раб смутился, но потом решил, что незнакомцу ведомы еще какие-то клады и тот решил поторговаться о них с королевой без свидетелей. А уж гнев королевский таким бойким языком отвести — дело нехитрое. А потом он, раб, выкупит себя из рабства тем кольцом, да еще получит хутор в придачу.

Оставив бродягу стеречь клад, раб с бьющимся сердцем припустил к охотничьему домику. Там он, задыхаясь, рассказал Олоф о том, что отыскал огромный клад и, чтобы завладеть кладом, просит ее отправиться с ним, но никому о том не говорить, а то он боится злобы завистников.

Карие очи Олоф оценивающе смотрели на раба. На широких скулах королевы проступил румянец.

— Коли ты говоришь правду, — сказала она, — эта весть обернется для тебя удачей, коли лжешь — будет стоить тебе головы. Но ты всегда был предан мне, так что я тебе доверяю.

Олоф назначила рабу встречу под вечер, как только стемнеет. Когда пришло время, она встала, оделась и выскользнула из опочивальни. Стража высматривала только разбойничьи шайки и вражьи корабли, так что одиночке было нетрудно проскользнуть мимо нее. Под сенью залитых лунным светом дубов ее ждал раб. Он сразу же повел королеву во тьму лесной чащи.

Кошели лежали около небольшой прогалины. Лунный свет, пробившись сквозь листву, вспыхнул на лезвии обнаженного меча в руках у того, кто выступил ей навстречу из мрака.

— Приветствую тебя, королева Олоф. — Воин усмехнулся, не разжимая губ. — Помнишь ли ты Хельги сына Хальфдана?

Олоф вскрикнула и пустилась бежать, но Хельги догнал ее одним прыжком. Раб, всхлипывая, бросился было на него, замахнулся посохом, но Хельги выбил посох из его рук ударом меча.

— Я мог бы убить тебя, парень, — проговорил он так спокойно, точно не у него в руках в это время билась и царапалась женщина, — но, поскольку мы будем уже далеко, прежде чем ты сможешь вызвать подмогу, не стану этого

делать. Так что мой тебе совет — убирайся-ка подобру-поздорову.

Раб что-то пробормотал в ужасе. Хельги, указывая мечом, продолжал:

— Там лежит то, что я тебе обещал.

Как ни был раб оглушен, он все-таки подобрал обещанное золото. И тут Хельги, замахнувшись на него мечом, рывкнул:

— Проваливай!

Раб бросился бежать, ломая кусты.

Хельги же, убирая меч в ножны, приказал Олоф:

— Тихо! — и, ударив ее по лицу так, что лязгнули зубы, добавил: — Ты что ж — думала, что я не отомщу тебе за твоё предательство?

Олоф упала на колени, всхлипнула, потом поднялась и пробормотала:

— Конечно, я виновата перед тобой. Теперь... в возмещение... позволь мне стать твоей законной женой.

— Нет, так легко на этот раз тебе не отделаться. Ты отправишься на мой корабль и пробудешь там столько дней, сколько я пожелаю. За мое бесчестье тебе придется заплатить не меньшим.

Сперва Хельги, используя все свое охотничье умение, вел ее, запутывая след, но затем заросли стали такими густыми, что надобности в этом уже не стало. Ему даже не приходилось тащить Олоф. Только раз она попыталась бежать, но кусты, окружавшие оленью тропу, сами вцепились в нее.

Нелегко был их путь по ночной чаще: когда она наконец, спотыкаясь и едва дыша, прибрела в бухточку, где стоял корабль, ее ноги были сбиты в кровь, а платье обратилось в лохмотья почище лохмотьев Хельги.

Шумел прибой. Пел соловей. Низкая луна тянула над морем сверкающий мост, высвечивая черную драконью голову на носу вытасченного на берег корабля. Луна почти затмила звезды. Прохладный ветер доносил с моря запах водорослей.

Часовые, сидевшие у костерка, вскочили, увидев Хельги, и разразились приветствиями, так что скоро и остальные воины повылезли из спальных мешков и, сгрудившись вокруг своего предводителя, принялись хлопотать его по спине и выражать свое одобрение грубыми криками.

Ухмыляясь, Хельги поднял Олоф на борт корабля и приказал раздеться. Ей пришлось проделать это на глазах у всей дружины.

Он указал ей на пространство под носовой палубой. Олоф залезла в непроглядную тьму этого закутка и легла на тюфяк, сжав кулаки. Хельги отправился следом.

На заре датчане пересекли Бельт и встали лагерем на пустынном острове Эре. Целую неделю они только и делали, что охотились, рыбачили, боролись, плавали, играли в кости, болтали или просто бездельничали. Конунг, когда не проводил время с королевой, принимал участие во всех забавах.

Олоф терпеливо сносила все: не плакала и молчала.

— Ты восхитительная женщина, Олоф, — шепнул ей на ухо Хельги однажды ночью. — Хотел бы я, чтобы все у нас сложилось по-другому.

Олоф оставалась безучастной. Он, взглянув на нее, продолжал:

— Думаю, ты просто холодна к мужчинам. Теперь же между нами все кончено.

— Не стоит обманывать самих себя, — ответила Олоф.

— Что ты сказала?

Но Олоф снова замолчала. В утреннем тумане пронзительно заверещала крачка. Хельги вздрогнул и, чтобы согреться, пододвинулся к Олоф. Но она лежала не шелохнувшись.

На следующий день датчане снова пересекли Бельт и высадили Олоф неподалеку от ее охотничьего домика. Никто не сказал ей на прощанье ни слова. Она, подобрав лохмотья, побрела по мелководью к берегу. Люди Хельги сразу взялись за весла. Королева, не оборачиваясь, устало брела к дому.

4

Тем же летом к конунгу Хроару в Лейдру прибыл его тесть, ярл Эгтйоф из Гаутланда. Причиной была кровная месть. Эгтйоф убил Хейдлейфа из рода Ульфингов, и теперь ему пришлось бежать от влиятельной родни убитого.

Хотя Хроар был молод, он не поспешил посылать военную стрелу от усадьбы к усадьбе, а сказал так:

— Неужто нам подымать наше войско для убийств и грабежей только для того, чтобы нажить новых смертельных врагов? Да и Инглингам в Упсале это не понравится! Кроме того, все наши неприятели в Гаутланде встанут на их сторону.

Хроар обратился за помощью к ярлу Сконе Сэвилю, который мог повлиять на Ульфингов, и тот сумел договориться о мире. Эгтйофу, правда, пришлось, не без помощи Хроара, заплатить немалую виру. После того сыграли пару свадеб, чтобы навечно закрепить мир между обоими родами.

— Ты мне очень помог, — сказал Эгтйоф, пожимая на прощанье руку зятя. — Надеюсь, когда-нибудь я или мои дети сможем отслужить тебе.

— Хорошо пожелание, нечего сказать, — улыбнулся Хроар. — Ведь для того, чтобы мне понадобилась помощь, я должен попасть в беду.

— Беды приносят славу, — ответил Эгтйоф.

— Есть ли слава краше и долговечнее той, что дает созидание родной земли? Вот работа, которой хватило бы не на одну жизнь: дать стране мир и обезопасить ее рубежи, расчистить поля, построить дома, спустить на воду корабли для торговли и промысла, установить хорошие законы и следить за тем, чтобы они выполнялись, ввести у себя чужеземные ремесла... Однако, родич, что-то я разболтался перед тобой, как на тинге.

Хельги вернулся из похода в прекрасном настроении и снова стал самим собой. Сперва он не упускал случая рассказать лишний раз о том, как отомстил королеве Олоф, но со временем перестал не только говорить, но и думать об этом приключении.

Но у королевы Олоф все было по-иному.

Она понимала, что люди догадываются о том, что с ней приключилось, и стоит слухам из Дании дойти до земли саксов, как рассеются и последние сомнения. Но Олоф умела быть сильной и не боялась молвы. Все же она избегала разговоров о той неделе, а когда узнала, что некий раб посплетничал о ней с одним из ее слуг, то приказала схватить обоих и за очернение королевского имени свободного задушить, а раба запороть до смерти. Она по-прежнему продолжала править страной так твердо и так разумно, что в народе говорили, что это во всем, кроме тела, настоящий конунг, а не королева.

Откуда им было знать о ее бессонных ночах, о том, как, оказавшись одна в лесной чаще, она кричит от отчаянья, воздев руки к небесам.

Но хуже всего ей пришлось, когда она поняла, что забеременела. Когда повитуха отказалась изгнать плод, Олоф сама решила, как ей быть дальше: Никогда она не позволит посмеяться над собой, никогда она не даст Хельги сыну Хальфдана лишний повод для злорадства! И королева объявила, что отплывает на материк, в Шлезвиг, чтобы объехать тамошние земли и самой попробовать замирить межродовую вражду, которая губит королевство.

Свое намерение ей удалось осуществить на славу: иногда она примиряла врагов, иногда выступала на чьей-нибудь стороне, и тогда ее маленькая, но отборная дружина легко склоняла чашу весов в нужную сторону. Никто не удивлялся тому, что время от времени королева исчезает: было известно, что ей приходится вести тайные переговоры с вождями.

Пышные шубы скрывали ее все более округлявшийся стан. А тем, кто что-то замечал, хватало ума держать язык за зубами.

Когда подошло время рожать, Олоф удалилась в выбранную заранее уединенную хижину. Воины окружили дом, но внутрь королева их не пустила, дескать, в нем и так тесно, а ей необходим покой для размышлений и, как она намекнула, колдовства. Стража, натянув палатки от дождя, мерзла в грязи у дымных костров, дышала на посиневшие от холода пальцы и старалась уберечь мечи от неизбежной ржавчины. Олоф отправилась в дом без свиты, с ней, кроме повитухи, остались только две старухи-служанки.

В бурную и темную ночь — град стучал в стены, деревья шумели под ветром — Олоф родила девочку.

— Кричи, — сказала повитуха, видя, как лицо роженицы покрывается потом. — Кричи, легче будет.

— Нет, — сквозь сжатые зубы ответила королева. — Не из-за чего.

Так как отца у новорожденной не было, повитуха, обмыв и перепеленав, положила ее на земляной пол возле материнской постели. В красноватом свете факелов Олоф смотрела на вопящее маленькое существо.

— Ты возьмешь ее к себе, госпожа? — спросила повитуха.

— Нет, ни за что я не дам ей свою грудь, — ответила Олоф, но, протестуя подняв руку, добавила: — Однако же

не убивай ее. Она может пригодиться когда-нибудь, для чего-нибудь... Всякое может случиться.

— Тогда дай ей имя.

Олоф безразлично посмотрела вокруг, неожиданно ее взгляд остановился на охотничьей собаке, суке по кличке Ирса. Она усмехнулась, перевела глаза с собаки на младенца.

— Да, я, пожалуй, дам ей имя, — сказала она. — Пусть зовется Ирса.

И она снова опустилась на постель.

От этих слов повитуху и служанок бросило в дрожь.

Однако они подчинились воле королевы. Ее решение не было для них неожиданностью, недаром они заранее нашли кормилицу. Но когда Олоф, оправившись, снова была готова пуститься в путь, они все же попросили у нее распоряжений насчет Ирсы.

— Одно только слово кому-нибудь об этом отродье, и я вам не позавидую, — огрызнулась королева. — Захватите ее с собой в дорогу. Я подыщу ей дом, в котором ее воспитают, как принято воспитывать детей знати.

Вернувшись на Альс, она отыскала бедного хуторянина и отдала ему и его жене ребенка вместе с кое-какими подарками, сказав при этом, что девочку зовут Ирса, что она дочь ее верной рабыни, которая умерла родами, и чтобы они растили ее, как свою собственную.

С тех пор Олоф никогда не видела свою постылую дочь и никогда не любопытствовала о ней.

Прошли годы.

Дания расцветала и крепла. Братья-конунги трудились рука об руку. Хроар правил державой, и чем мудрее он становился, тем больше старался для ее блага. Ему не только удалось сохранить уважение своих дружинников, но и приобрести их любовь. У них с Вальтйоной родилось трое детей, и все трое выжили: дочь Фрейвар и двое сыновей, Хродмунд и Хрёрик, причем последний родился, когда супруги были уже немолоды. Это был настолько счастливый брак, что если Хроар и брал к себе на ложе иных женщин, то только находясь в долгой отлучке из дому.

Ему приходилось немало ездить, укрепляя государство сообразно своей воле. Ежегодно он объезжал тинги по всей стране, но не ленился выслушивать и отдельных людей. Хроар часто уезжал из дому, чтобы самому выяснить, все ли

в порядке в разных концах его земли. Случилось ему ходить и за море под белым щитом мира, но чаще он принимал заморских гостей в одной из своих палат, внимательно прислушиваясь ко всему, что они скажут.

Люди охотно трудятся только тогда, когда знают, что их труд не станет добычей чужой жадности и жестокости, а потому Хроару приходилось то и дело вести войны. Впрочем, ратный труд он чаще всего поручал рвущемуся в бой Хельги.

Каждое лето младший из конунгов отправлялся на поиски сражений. Случалось ему, чтобы угодить дружине и привлечь в нее на время между севом и жатвой вольных землепашцев, совершать разбойничьи набеги. Однако чаще он обходил оборонным дозором побережья Дании. В первые годы своего совместного с братом правления Хельги усердно разорял викингские гнезда, преследовал разбойников и всех, кто осмеливался нарушать мир в стране.

А таких находилось немало, особенно среди соседей Датской державы, подстрекаемых то из шведских, то из саксонских земель. Когда же братья почувствовали себя уверенней в своих владениях, Хельги заставил пожалеть соседних вождей о тех бедах, что они причинили его землям. Если они по доброй воле не соглашались присягнуть Хельги на мече и заплатить подать хозяевам Лейдры, то им не стоило удивляться, если в один прекрасный день в их водах появлялись датские драккары, а с суши надвигалось войско в боевом порядке — красные щиты под черным стягом конунга Хельги.

Мало осталось вождей, которые отважились бы противостоять датской мощи, не нашлось и таких, которые сумели объединить свои силы — братья скоро научились доводить их междоусобные свары до кипения. Гром схваток радовал волков и воронов. Хельги приобрел немало новых шрамов и не однажды бывал ранен чуть не смертельно. Но каждый раз ему удавалось исцелиться, и каждый раз победа оставалась за ним.

За эти годы он опустошил Фюн и другие острова вокруг него. Хельги хвалился тем, что сумел покорить конунгов не меньше, чем женщин.

— А жениться-то ты собираешься? — спросил его как-то Хроар.

— Пока что нет, — Хельги пожал плечами. — К чему спешить? Однажды я пробовал посвататься, но это плохо кончилось. — Они посмеялись этому полузабытому случаю. — Я знаю, что ты тешишься мыслью связать меня браком с каким-нибудь сильным родом для своих собственных целей. Почему бы не держать меня в таком случае как приманку?

— Когда мы с тобой умрем...

— У тебя уже есть сын. Ты боишься, что мои отпрыски попытаются соперничать с ним? Этому не бывать. Слишком много у меня внебрачных детей, слишком мало я их ценю. На самом деле, Хроар, для дома Скьельдунгов будет гораздо лучше, если у меня никогда не будет королевы, чьи дети еще решат, пожалуй, что у них есть какие-то права на престол. Не горюй, давай лучше выпьем еще по рогу меда.

Братья даже зимой виделись нечасто, поэтому каждая их встреча была не только советом, но и пиром. Но после этого разговора Хроар покинул Лейдру.

Он вовсе не рассердился на Хельги. Ведь братья понимали друг друга с полуслова; например, однажды на пиру, который Хельги давал в честь возвращения Хроара, тот позволил себе сказать вот что:

— Похоже, что из нас двоих ты главней, недаром ты охраняешь древний престол датских конунгов. Эту честь я легко уступаю тебе и твоим наследникам, если они у тебя будут. Но в возмещение хочу получить твое запястье, ведь на него у меня не меньше прав, чем у тебя.

Те, кто слышал это, затаили дыхание. Они понимали, что Хроар мог говорить только об одном запястье. Это был не тот обычный золотой браслет, от которого с легкостью отламывают кусок, чтобы наградить скальда за песню или, скажем, воина за какую-нибудь услугу. Нет, это был толстый обруч, выкованный в виде змеи, которая, обвинившись несколько раз сама вокруг себя, кусала свой хвост, а ее гранатовые глаза горели смертельным огнем. В предании говорится, что это было первое из тех сокровищ, которые Фенья и Менья намолотили для Фроди Миротворца. Как бы то ни было, Скьельдунги долгие годы гордились им.

Хельги только весело улынулся и сказал в ответ:

— Нет ничего проще, брат. Бери его.

И все же у Хроара были серьезные причины для того, чтобы уехать. Два конунга не могли ужиться в одном городе, ведь у каждого были молодые задиристые дружинники: между

ними то и дело вспыхивали поединки, которые иногда кончались гибелью одного из бойцов. И тогда не всегда удавалось предотвратить кровную месть между родами, которые, вместо того чтобы воевать с врагами Дании, сражались между собой.

Кроме того, местоположение Лейдры не устраивало Хроара. Говорят, что в старые годы фьорд доходил до самого города, расположенного в глубине острова. Ко времени нашей саги это уже было не так. От фьорда осталась только медленнотекущая протока. Нужна была новая гавань на берегу глубокого, открытого с моря залива, которая бы привлекла заморских купцов.

Хроар основал Роскильде в бухте, которую потом стали называть по городу. Этот город стал столицей королевства. Новую столицу построили недалеко от Лейдры, но все же на достаточном расстоянии, чтобы избежать возможных распрей. Во времена Хроара люди называли этот город Хроарскильде, Родник Хроара, потому что там бил чистый источник, чьи струи не только поили всю округу, но и почитались священными.

Конечно, новое поселение разрослось не сразу. Сперва были построены только королевские палаты с различными пристройками и жильем для дружинников, амбары да пристань для кораблей. К югу от построек простирались поля, к востоку — вересковые пустоши, на западе чернела дремучая чаща. И все же люди говорили, что не бывало жилища краше палат Хроара, с тех пор как Один пришел в Северные Земли. Палаты же были построены на диво: из лучшего леса, хитро украшенные резьбой и росписью. Концы балок, поддерживавших кровлю, украшали позолоченные ветвистые оленье рога, ярко блестевшие на солнце, поэтому королевскую усадьбу прозвали «Оленем».

И вот на этот чудесный дом пала беда.

Быть может, это была злая судьба, быть может — гнев богов. Щедрые к людям, братья часто бывали невнимательны в служении асам и ванам. Конечно, они совершали все, что положено делать конунгам в праздник. Кроме того, Хельги, дабы снискать удачу, иногда приносил в жертву что-нибудь вроде петуха, но все-таки больше верил в свои собственные силы. Хроар же, когда ему случалось отвлечься от дел королевства и рода, больше думал о заморских знаниях, чем о том, как отблагодарить богов и предков.

Как бы то ни было, на «Оленя» пошла охота.

Жил некогда конунг по имени Хермод, один из худших в роду Скьёльдунгов, который был изгнан за свою алчность и жестокость. Поселившись на болотах, он сошелся с троллихой и прижил с нею детей. Среди прочих от этого союза произошло чудище по имени Грендель, которое повадилось по ночам забираться в королевские палаты, утаскивать оттуда людей и пожирать их.

В Англии говорят, что это продолжалось двенадцать лет подряд. Но датчане полагают это неверным. Неужто такой витязь, как Хельги, не избавил бы своего брата от этой напасти? Можно предположить, что старший брат построил «Оленя» вскоре после того, как он сделал добро Эгтйофу, а младший — причинил зло Олоф. После этого Хроар прожил в этих палатах девять лет, и все это время братья трудились плечом к плечу. И их труды не пропали даром: датчанам жилось тогда так счастливо, как еще ни разу со времен Фроди Миротворца. Именно в это время неутомимый Хельги отправился в долгое плаванье к неведомым берегам. Он совершал походы то на запад в Англию, то на север — в Норвегию и Биармию, то на юго-восток по рекам Руси; там грабил, здесь торговал, и свежий ветер надувал его паруса под все новыми небесами. Пролетело три года, прежде чем он привел свои корабли к родным берегам.

Скорей всего как раз в то время, когда приполз Грендель, Хельги не было в Дании. И вот палаты Хроара запустели на три года, а на челе их хозяина залегла забота.

Хроар ждал возвращения Хельги, понимая, что некому больше совладать с чудищем. Да ведь кто знает, может, давно уже белеют кости Хельги где-нибудь на чужбине, а потому Хроар принял помощь от сына Эгтйофа ярла, чей род он когда-то выручил из беды. Тот прислал ему из Гаутланда своего родича Бйовульфа, которого вы у себя в Англии называете Беовульф.

Всем ведомо сказание о том, как Бйовульф поймал Гренделя и оторвал ему лапу, как мать Гренделя пришла мстить за сына, как Бйовульф преследовал ее под водой, настиг и убил, чем и заслужил славу, которой не прейти до конца времен. Можно только добавить, что он отплыл к себе на родину незадолго до возвращения Хельги, который застал Данию полной славой заморского героя, так что о его собственных деяниях некому было и слушать.

Хельги достало мужества, чтобы не завидовать заслуженной славе Бйовульфа, но он с невольной грустью вспомнил о тех годах, когда тоже был молод. Между тем Хельги вовсе не был стариком — немногим более тридцати зим побелило мир с тех пор, как он впервые вступил в него, — но в его глазах уже не было прежнего задора. Что с того, что люди теперь скажут о нем, дескать, Хельги сыну Хальфдана случилось в своих странствиях заплывать дальше, чем другим, если он еще мальчиком сумел свергнуть могучего конунга и юношей — отомстить славной королеве.

И, быть может, вспомнив молодость, Хельги решил следующим летом отправиться к берегам Альса. Он говорил, что хочет поразведать, что к чему в саксонских владеньях. Не может же, дескать, он наводить порядок в Северной Ютландии, не зная, как обстоят дела в Южной. Все это, без сомнения, было правдой. Однако уж не вспомнил ли Хельги, как он восторжествовал над королевой, и, кто знает, может ему примерещились ее карие волосы и стиснутые кулаки?

Он ничего не знал о существовании Ирсы. Да и никто не знал о ней, кроме ее матери-королевы Олоф, повитухи да двух старых служанок, которые давно померли. Хуторяне, которым ее отдали на воспитание, уже успели позабыть, что это не их родная дочь.

Их хутор стоял на севере Альса, у берега Абенра-фьорда. К югу простиралась вересковая пустошь, по которой там и тут были разбросаны купы невысоких, узловатых дубов и вечнозеленые моховища, поросшие ивой, а дальше вставала непроходимая, если не считать нескольких тропок, чаща. К северу, за широкой полосой желтых дюн, поблескивало море: поглядишь налево — вдалеке виден материк, поглядишь направо — только волны, тучи да чайки. Не часто доводилось жителям этих краев видеть солнце — то дождь, то снег, то туман, то бесконечная зимняя ночь. Это была скудная, продутая всеми ветрами земля, на которой вдалеке друг от друга стояло несколько хуторов, ведь, чтобы прокормиться, каждой семье приходилось обрабатывать немало акров тощей земли, а что до разбойников, то здесь их вряд ли что-нибудь могло соблазнить.

Вот в этих местах и росла Ирса — дочь конунга Хельги и королевы Олоф.

Она знала о том, что она — приемыш. Об этом, собственно, можно было и не говорить, так мало в ней было

сходства с ее приемными родителями и их собственными детьми. Однако в этом не было ничего необычного: отец мог утонуть, мать — помереть от чахотки, но сирота не оставалась без крова, ведь это была пара рабочих рук, никогда не лишняя в хозяйстве. Ирса не много думала о своих родителях, о которых только и знала, что мать умерла рабыней, а об отце вообще никто ничего не слышал. Не думала она и о том, что за жребий ей выпал — счастливый или несчастливый. Когда потом она вспоминала эти годы, они всегда казались ей лучше, чем были, верно, на самом деле.

Между тем Ирса с детства пришлось узнать, что такое тяжелый труд, что такое топор и тряпка, котел и коромысло, метелка и прялка — узнать все, что постепенно делает из девочки настоящую хуторянку. Но крестьянская жизнь состояла не только из ломоты в спине и сбитых в кровь ладоней, случалось Ирсе баюкать детей, собирать вместе с подружками-хохотушками орехи и ягоды, петь и мечтать, гоня хворостиной гусей на лужок.

Одежда крестьянских детей была сушие лохмотья из домотканого холста, грубого и серого; летом они ходили босиком, зимой, в лучшем случае, — в деревянных башмаках и все же росли здоровыми, крепкими и не обращали внимания на погоду. Пища была грубой, да и той не всегда вдоволь. Круглый год они питались овсяной кашей, ржаным хлебом, луком да овечьим сыром, и в зависимости от времени года к этому удавалось добавить то свежую рыбу, то устриц, то бакланьи яйца, то грибы и ягоды. Вся семья жила в одной темной комнате, где кроме людей был еще загон для коз, гусей и свиней. Так и росла Ирса вместе с еще дюжиной детей своих приемных родителей в этой лачуге, которую скотина согревала своим дыханием (и отравляла своим запахом); и если она слышала, как отец с матерью возятся в углу, то не сомневалась — в будущем году снова жди прибавления в семье.

Ирса с детства знала, что такое страх. Случалось, когда отец с соседями уходил рыбачить в море, с севера налетала буря. Не вернись он домой или вернись одним из тех раздутых, объединенных утрями утопленников, которых море то и дело выносило на берег, — это означало бы не только горе, но и голодную смерть или, в лучшем случае, долговое рабство, ведь помощи было ждать неоткуда. Великанша Ран злобно скалилась на дне морском; в омутах притаились водяницы; Баба Болотница варила туманы; домовый по ночам качался

на коньке крыши, шуршал в соломенной кровле, словом, сделаешь что-нибудь не так — накличешь на себя беду. Пошли к берегу чужие корабли или к дому — чужие люди — беги, прячясь в лес, ведь и у самой бедной девчонки есть то, на что могут позариться разбойники!

Но Ирса узнала также, что такое дружба и веселье, и не только дома, но и в соседском кругу. Конечно, соседи могли злословить и ссориться друг с другом по пустякам, а все-таки им приходилось вместе противостоять враждебному миру; и, кроме того, ведь было же для всех четыре общих праздника в году: Весеннее Благословение, Середина Лета, Жатва и Йоль — дни благоговения и радости.

Ирса знала, скоро она вырастет и, погуляв белыми ночами год-другой с окрестными парнями, выйдет за одного из них замуж и тогда уже как хозяйка дома будет потчевать соседей пивом, а домовому оставлять молоко.

Иногда дети видели, как вдалеке проходят корабли, которые никогда не причалят к их берегу (а вдруг все-таки причалят!), — вздымаются весла или парус гордо поднят на мачте, и вот уже ничего не видно, только солнце блеснет на стали в последний раз — может, это конунг проплыл, может — бог, кто знает?

Зима несла с собой холод и мрак, зимой приходилось туже затягивать пояс, но ведь зимой было меньше работы, под лыжами скрипел снег, под коньками скользил лед, то-то раздолье для снежков и снеговиков, и время для старых добрых сказок. Весна приносила проливные дожди, боярышник в цвету и стаи птиц, возвращавшихся из неведомых стран. Лето — зелень, зелень повсюду, и головокружительные запахи, и гудение пчел, и потоки слепящего света, а потом приходила гроза, чудесная летняя гроза: трах! — мелькает молот Тора, бах! — и тролли сокрушены, и так до тех пор, пока колеса запряженной козами повозки бога-громовика не загрохочут прочь, скатываясь за оком небес. Золотая осень щедро одаривала плодами — можно было до отвала набить живот; багрец покрывал верещаники; яркая луна полнолуния разливалась серебром на изморози и паутине и тянула дорожку по морю до самого края света; а где-то в вышине перекликались гусиные стаи...

Ирса никогда не могла понять, почему ее названные братья и сестра никогда не обращают внимания на всю эту красоту. Она любила их, но понимала, что она — совсем другой человек.

— Хотел бы я знать, как обстоят дела в тех краях, — сказал себе Хельги, — да только, сдастся мне, там не слишком обрадуются, если я явлюсь под своим собственным именем.

Никто не сумел уговорить его не высаживаться на Альсе в одиночку. Хельги сошел на берег в памятной ему бухточке, приказав кораблю вернуться за ним через неделю.

Он не ожидал для себя никаких неприятностей. Кому вздумается нападать на такого детину, как он, тем более одетого в лохмотья. Кроме того, его посох был на самом деле древком копья, наконечник от которого он спрятал вместе с кинжалом под одеждой. Хельги весело попрощался со своими воинами и зашагал к лесу.

Его немного смутило известие о том, что королевы Олоф нет в ее охотничьем домике. Сторожа сперва встретили Хельги недружелюбно, но потом, услышав его песни и сказки, подобрили, а один из батраков королевы напоил бродягу пивом и уложил спать на сеновале. Хельги сказал, что он бедняк из Химмерланда и ищет работу.

— Здесь ты ее вряд ли найдешь, — ответил его хозяин. — Вот если ты отправишься к северному берегу, то, пожалуй, тамошние рыбаки не откажутся от пары крепких рук, которые сумеют держать весла во время путины.

Хельги пожал плечами и последовал совету, поскольку все равно собирался разведать то побережье. Теперь, когда он покорил Фюн, ему нужны были сведения об этой части Малого Бельта.

Как-то, пробираясь вдоль берега, он взобрался на высокую дюну и издали увидел девочку, бредущую вдоль воды. Ночью штормило, и теперь она искала плавник, янтарь и все, что могло выбросить море.

Хельги знал, что стоит ей увидеть его, как она бросится бежать к своей хижине, которую, хоть она и была укрыта за кривыми соснами, выдавал подымающийся к небу дымок. Хорошо бы, если она не слишком большая уродина, потолковать с ней наедине, но при этом не трогать, тогда ее родичи поймут, что он не желает им зла, а не то еще решат, пожалуй, что он разбойник или охотник за рабами.

Хельги, пригнувшись, спрятался за дюну, шаря глазами в поисках укрытий. Если двигаться перебежками от дерева к

кустам, от кустов к валуну, затем, точно на охоте, проползти по вересковой пустоши, то он сможет незаметно подкрасться наперерез девочке. Так Хельги и сделал. Но стоило ему взглянуть на нее сквозь дубовую поросль, как у него замерло сердце.

День был ветренный. Солнечные лучи то вспыхивали в волнах, прорываясь сквозь бегущие облака, то снова все накрывала густая тень. Волны, серые, зеленые, отливающие синей сталью, с грохотом накатывали на берег и, покрываясь белой пеной у скал, снова откатывались обратно. Вдали, теряясь в дымке, виднелся материк. Ветер срывал пену с волн, свистел в ветвях, шуршал в вереске. В небе с криком кружили чайки. Холодный, пропахший морской солью ветер ерошил волосы девочки, бредущей по песку среди бурых куч водорослей.

Она была стройной, но невысокой, не выше середины груди того, кто встал на ее пути. Домотканое платье прикрывало ее еще по-детски гибкую фигуру, тонкую талию, худенькие руки и ноги. Загар и копоть не могли скрыть белизну кожи. Широкое, высокоскулое лицо сужалось к небольшому, крепкому подбородку, большой рот мягких очертаний приоткрыт в белозубой улыбке, серо-голубые продолговатые глаза под изогнутыми бровями широко распахнуты. Волосы, украшенные венком из желтых одуванчиков, волной спадали до бедер, и солнечный луч вспыхивал на них золотом.

Хельги, не удержавшись от возгласа: «Ну и красотка!», шагнул навстречу девочке.

Та вскрикнула, отскочила от него и, выронив дрова, побежала. Он пустился за ней:

— Не бойся. Я ничего худого тебе не сделаю. Постой.

Но девочка бежала, не останавливаясь. Хельги, прибавив ходу, обогнал ее и бросился наперерез. Тогда девочка схватила палку и, шипя как дикая кошка, принялась колотить его. Ему понравилась такая отвага. Выставив руки, он сказал со смехом:

— Все, ты победила. Сдаюсь. Иди куда хочешь.

Девочка опустила палку, отдышалась. Незнакомый мужчина мог легко оглушить ее, но предпочел просто стоять и улыбаться. Что за силач, и какой красивый! Сразу видно, что не из здешних мозгляков. И лицо не хуже фигуры: нос орлиный, глаза голубые, грива льняных волос, а борода что

твой пшеничный сноп. Среди золотистой шерсти, покрывавшей руки, белели многочисленные шрамы.

— Как зовут тебя, госпожа, — спросил незнакомец с чужеземным выговором, — и какого ты рода?

Девочка поглядела на дым, поднимавшийся над лесом.

— Я дочка здешнего хуторянина, — прошептала она так тихо, что ответ был едва слышен сквозь шум прибоя и свист ветра. — Да... я... то есть моя мать была рабыней, а звать меня Ирсой.

Он подошел к ней. Она стояла точно зачарованная, слыша только стук собственного сердца. Он взял ее руки в свои, тяжелые и горячие. Помолчал, потом задумчиво сказал:

— У тебя глаза не рабыни.

Они сели на песок, спиной к ветру, и стали разговаривать. Сначала ей и в голову не могло прийти, что незнакомец заинтересует ее повседневная жизнь.

— Кто ты? — спросила она, но мужчина, не отвечая, сказал:

— Расскажи мне лучше о себе, Ирса. В тебе есть что-то странное. Сколько тебе лет?

— Мне, я... я не считала, — удивилась девочка.

— Подумай.

Он начал загибать ей пальцы.

— Этот год, прошлый год...

Ему пришлось немало повозиться с ее пальцами, так что в конце концов она покраснела и почувствовала головокружение, но все-таки сообразила, что ей должно быть тринадцать или четырнадцать.

— Мне было столько же, когда... ладно, не важно, — сказал незнакомец, — видно, мы оба из тех, кто быстро взрослеет.

Они закусили сыром и сухарями из его котомки. Потом он обнял рукой ее стан, но она не отпрянула, а склонила голову ему на грудь.

Белая чайка, облитая солнцем, низко парила над их головами.

— Я влюбился в тебя по уши, — сказал Хельги.

— Ой нет, — выдохнула Ирса.

Он нехотя ухмыльнулся:

— Ты ведь дочка бедного хуторянина, отчего бы нищему бродяге не позабавиться с тобой?

Девочка в ужасе вскочила на ноги:

— Что? Нет, нет, нет!

Он навис над ней.

— Да, о да, — и, бережно обнимая, сказал: — Пойдем со мной, Ирса. Так надо. Видно, этого хотят норны.

Ирса зарыдала, прося пощады. Тогда, помедлив, Хельги сказал:

— Я мог бы взять тебя силой. Но твои слезы что-то разжалобили меня. Не многим женщинам довелось услышать от меня такие слова. А потому, прошу тебя, стань моей по своей доброй воле.

Ирса еще раз поглядела на него. Ей вспомнились неотесанные соседские увальни, и тут кровь ударила ей в голову. Смеясь и плача, она бросилась в объятия Хельги.

Они вместе нашли укрытие для него. Ей был ведом ключ, над которым деревья сомкнули свои кроны, а жаркое лето обратило траву в сено.

Хельги, привыкнув жить в лесу, не любил попадаться на глаза чужим людям. И Ирса каждый день приходила к нему сама и приносила с собой еду, которую, впрочем, ни один из них толком так и не распробовал. Дома заметили, что с Ирсой что-то происходит, но ей удавалось всякий раз ускользать от надзора. Да и надзора, правду сказать, особого не было: в тех краях никто бы не взял за себя девку, пока она не докажет, что ее чрево плодоносно.

В назначенный срок Хельги отправился в обратный путь, наказав Ирсе не бояться, когда появится корабль. Так что, когда его корабль действительно показался и местные жители бежали в страхе, она осталась на хуторе. Богато одетый воин сошел на берег и назвал себя перед Ирсой датским конунгом.

— Я бы не огорчилась, если бы ты оказался простым бродягой, — пролепетала, едва не теряя сознание, Ирса.

Потом она отыскала в лесу своих попрятавшихся приемных родителей и уговорила их вернуться обратно. Всех их Хельги щедро одарил, перед тем как уплыть прочь вместе с Ирсой.

Хельги должен был присоединиться к своим людям, которые ждали его на кораблях близ Фюна. Они бы не поняли его, если бы он отменил задуманный за год поход и из-за женщины остался на берегу. Так что Хельги пришлось уйти в море, но перед тем он отвез Ирсу к своему брату Хроару.

Им обоим, Хельги и Ирсе, нелегко дались несколько месяцев разлуки.

Королева Вальтйона сказала мужу:

— Сдается мне, что эта девочка значит для Хельги больше, чем его обычные подружки.

— Может быть. — Хроар нахмурился и дернул себя за бороду. — Если так, то плохо дело. Нашел себе рабье отродье с глухого хутора!

— Нет, что ты, она хорошая девочка, — ответила Вальтйона. — Пожалуй, чтобы не было от нее позора роду Скьельдунгов, мне следует ею заняться.

Немало всего надлежит знать настоящей госпоже: она должна вести хозяйство в большой усадьбе; быть искусной в ткачестве и пивоварении; блюсти себя в одежде, речах и поведении; ведать почитание богов и предков; помнить, кто друг ее мужу и кто недруг и как вести себя с тем и с другим. Конечно, Ирсе нелегко было все это усвоить сразу.

— Она старается, — говорила, бывало, Вальтйона Хроару. — Если бы я была такого низкого рода, у меня бы все получалось еще хуже.

Ирса — веселая душа — хоть и тосковала о Хельги, за работой пела, не умолкая. Она любила животных и охотно ходила за лошадьми, собаками и ловчими птицами, хотя охоты не терпела. Зато уж с лодкой управлялась не хуже любого мальчишки. Выросшая среди простого люда, готовая выслушать жалобу и помочь любому батраку и рабу, она относилась к ним куда добрей, чем Хроар и Вальтйона, а ведь они считались хорошими хозяевами.

— Она ведь, — сказала королева мужу, — испытала их работу на своей шкуре, так что у нее не легко сплутовать или залениться. И к тому же умеет обходиться без порки, только спросит совсем спокойно, уж не хочешь ли, мол, в услужение к кому-нибудь другому. Конечно, никто не хочет.

— Хм, мне и самому она начинает все больше нравиться, — ответил Хроар.

— Она из хорошего рода, — продолжала Вальтйона. — Не имеет значения, была или не была ее мать рабыней, как ей о том сказали. Даже если так, то это была высокородная женщина, которую похитили и продали в рабство. И, кто знает, может, ее отец был конунгом.

Когда Хельги вернулся домой, его встречала совсем другая Ирса. Ирса, одетая в тонкое полотно, меха и золото, с

ключами от всей его усадьбы у пояса и любезным приветствием на устах, так что его точно громом поразило. Той же ночью, перед рассветом, он сказал ей, что она слишком хороша для наложницы, а потому он сделает ее своей королевой.

Так он и поступил. Об их свадебном пире толковали потом еще долгие годы.

Хроар же использовал свадьбу как предлог для встречи с вождями недавно покоренных островов. Пригласив вождей на пир, он подарками и ласковыми речами крепко связал их с домом Скьельдунгов.

— В конце концов, хоть этим мы обязаны Ирсе, — проворчал Хроар, обращаясь к жене.

— Ты сердит на нее за то, что она закрыла Хельги дорогу к более выгодным женитьбам? — спросила Вальтйона. — Но он может взять столько жен, сколько пожелает.

— Теперь ему не нужны другие, — ответил Хроар. — Он даже перестал брать себе новых наложниц. — И, улыбнувшись, добавил: — А, ладно, она мне самому по душе.

Ирса прилежно постигала все, что нужно знать жене конунга, и скоро люди в один голос заговорили о том, что хоть она и молода, но уже давно в Лейдре не бывало такой чудесной королевы. Заметили также, что и Хельги рядом с ней смягчил свой нрав. Он стал оставаться на лето в Дании, беря на себя часть забот Хроара. Менее терпеливый, чем брат, он был не менее справедлив. Многие были счастливы теперь доверить ему свои тяжбы, не без основания полагая, что он обсудит их дело с Ирсой и она сумеет смягчить его непреклонность.

Она была еще очень молода, так что только на третьем году замужества родила сына.

Роды пришлось на канун Йоля и были долгими и трудными. Хельги сидел в своей палате, слушал скальда, беседовал со своими людьми. Но в речах его было мало смысла, слишком часто он прислушивался к тому, что делается на женской половине, пытаясь сквозь шум непогоды услышать стоны роженицы.

Наконец вошла повитуха. В сразу обрушившейся тишине — слышно было только, как огонь трещит да ветер гуляет, — она внесла сверток и положила его на землю рядом с конунгом. Хельги замер. По его лицу градом катился пот.

— Я принесла твоего сына, конунг Хельги, — сказала повитуха.

— Что с Ирсой? — прохрипел конунг.

— Надеюсь, что все будет хорошо, государь.

— Подай мне нашего сына.

Трясущимися руками Хельги положил сына к себе на колени.

Назавтра, уверившись в том, что Ирса выживет, он принес в жертву богам стадо быков и лошадей в священной роще и созвал народ на пир не хуже того, что был на его свадьбе. Своими руками Хельги окропил младенца водой и нарек ему имя Хрольф. Войны, которые прошли с ним в походах весь мир от края до края, грянули мечами в щиты, приветствуя королевича.

Ирса начала медленно поправляться. С тех пор детей у нее больше не было. Но они с Хельги по-прежнему были счастливы. И оба души не чаяли в своем Хрольфе. Мальчик рос некрупным, но красивым, веселым, легким на ногу и разумным.

То были годы мира для Дании. Но братья-конунги не спускали глаз с Гаутланда и Свитьод, где творились немалые дела.

Конунг гаутов Хуглейк, быть может, желая потягаться в славе с Хельги, повел свои боевые корабли мимо Ютландии и Земли Саксов в набег на Землю Франков. Но франки заманили его войско в западню, и он сложил в бою голову. Среди немногих спасшихся гаутов был и Бйовульф, который сумел в доспехах доплыть до своих кораблей. Печальным было его возвращение домой. За доблесть гауты хотели избрать его конунгом, но он отказался и поднял перед тингом сына Хуглейка Хардред. Однако, когда умер сильнейший из вождей Эгтйоф, Бйовульф стал по существу правителем Гаутланда во всем, кроме титула.

Шведами тогда правил конунг Эгиль. Подобно другим Инглингам, он приносил щедрые жертвы богам и, кроме того, занимался колдовством. Может, ему не удалось какое-нибудь заклинание, но, как бы то ни было, однажды бык, приготовленный для жертвоприношения, разорвал путы, расшвырял тела рабов, уже принесенные в жертву Одину, и скрылся в чаще. Долго он бродил по округе, наводя ужас на людей. Наконец конунг Эгиль вместе со своими ловчими отправился на охоту за ним. В густом лесу он потерял из

виду своих спутников и неожиданно налетел на быка. Конунг метнул копье. Бык рванулся вперед и, опрокинув коня, сбросил конунга на землю. Эгиль выхватил меч. Но бык успел ударить первым. Рог пронзил сердце конунга. Тут появились королевские ловчие и покончили со зверем. Тело Эгиля унесли в Упсалу, там его и похоронили.

У покойного конунга был брат по имени Оттар. И вот закипела борьба за власть между Али сыном Эгиля и Асмундом и Адильсом сыновьями Оттара. Война бушевала в Свитьод много лет. Наконец Асмунд пал, а побежденный Адильс бежал в Гаутланд. Конунг гаутов Хардред поддержал его. Но когда его войско вторглось в Свитьод, Али вновь одержал победу и Хардред погиб.

Наконец гауты, как они того давно хотели, выбрали своим конунгом Бйовульфа. Он обратился за поддержкой к своему родичу и другу Хроару. Тот послал войско, и наконец в битве на льду озера Венерн Али был убит. Адильс въехал в Упсалу и был провозглашен конунгом шведов.

Хроар и Бйовульф возлагали большие надежды на благодарность нового государя Свитьод. Адильс не был воинствен, зато больше, чем любой другой Инглинг, склонен к колдовству. Казалось, что, добившись своего, он не будет вмешиваться в чужие дела.

И все же братья Скьельдунги, помогая Адильсу, совершили, сами того не ведая, ошибку. Правда, не скоро им пришлось убедиться в этом. Пока же к ним подступили другие беды.

Месть королевы Олоф грянула вскоре после того, как минуло семь лет с того дня, как на пустынном берегу Хельги встретил Ирсу.

6

Бедному хуторянину не оставалось ничего другого, кроме как отыскать королеву Олоф и поведать ей, как пришел с моря чужой человек, назвался датским конунгом и увез с собой девочку, которую она оставила ему на воспитание. Слушая его, королева сидела неподвижно, только слабая улыбка кривила ее губы. И с этого дня она принялась с жадностью ловить всякую весть из Дании. Впрочем, новости доходили не быстро, ведь Олоф не подавала виду, что что-то произошло, и ее люди по-прежнему боялись упоминать при ней о Хельги сыне Хальфдана. Но так или иначе, она узнала,

что он женился на некой Ирсе, чьи родители были неизвестны.

— Ты пожнешь горе и позор, Хельги, там, где сеешь радость и честь, — поклялась сама себе Олоф.

Время шло, но она все еще не могла решиться. Более того, она наслаждалась предвкушением беды, которая ожидала Хельги. Прежде всего ей надо было убедиться в том, что у Хельги не будет пути назад. Пока же она продолжала плести сети союзов с другими племенами саксов на юге и с ютами на севере. После того, что случилось с жителями островов, соседние вожди наконец поняли, что должны, если хотят сохранить свою свободу, держаться друг друга, и Олоф, не торопясь, трудилась над этой сетью до тех пор, пока не увидела, что даже жадность и сварливость мелких вождей не смогут ее разорвать.

В конце концов Олоф объявила, что отправляется в Данию для переговоров со Скьёльдунгами. Народ обрадовался: грядущая война грозила торговым делам. У нее было только три корабля. Никому не показалось странным, что королева отплыла как раз тогда, когда Хроара и Хельги не было дома, поскольку они обещали местные тинги. Ее люди решили, что она, верно, рассчитывает познакомиться с их королевами и расположить их к себе, чтобы те замолвили за нее слово перед своими мужьями.

Корабли саксов вошли в Роскильде-фьорд и встали к городским причалам. У пристаней молодой столицы уже вовсю сновали купцы. Они сустились около складов и пестрых лавок, выхваливая живой товар — мужчин, женщин, лошадей, собак, свиней, скот, и тут же, вместе с животными, детей: там продают девку, здесь чужеземца из франкской земли, — шум, гам, мелькание красок. Город окружал высокий частокол со сторожевыми башнями по углам: на них поблескивали шлемы и кольчуги стражи, торчали колья с насаженными на них головами казненных разбойников. За стеной виднелись дерновые крыши множества домов, и сейчас, в летнюю пору, эти крыши цвели и зеленели. Пахнувший чабрецом дым подымался навстречу кружащимся, точно снежинки в пургу, крикливым чайкам.

Берега, поднимающиеся от сверкающих вод залива, были раскорчеваны, распаханы, возделаны и дышали богатством и миром. Высоко на холме, среди священной дубравы, языческий храм вздымал свои крытые гонтом кровли. Неподалеку,

среди пристроек возвышался «Олень», палаты конунга, украшенные позолоченными оленьими рогами.

— Эти братцы неплохо устроились, — сказал королеве Олоф ее кормчий.

Она стояла на палубе, сжав кулаки, — маленькая женщина в просоленном морем плаще: седина в волосах, резкие морщины на иссохшем лице, но спина не согнулась и взгляд не утратил надменности.

— Может, они еще пожалеют об этом, — сказала Олоф.

Она кликнула предводителя своей дружины и послала его в палаты на берегу. Он, и с ним несколько воинов, направился к «Оленю» — все в начищенных кольчугах, копья на плече, за спиной полощутся синие и красные плащи.

Олоф знала, что, когда Хельги был в отъезде, Ирса обыкновенно переезжала со своим сыном Хрольфом к Вальтйоне. Женщины любили друг друга. Кроме того, в Лейдре не было ничего подобного палатам Хроара.

Люди Олоф попросили дозволения побеседовать с Ирсой наедине. Она приняла их в горнице, и длинноволосые саксы немало напугали служанок, которые пряли вместе с ней.

— Добро пожаловать, — с улыбкой сказала Ирса. — С самого утра только и разговоров о том, что в нашу гавань вошли три корабля. Кто вы и откуда?

— Я прозываюсь Гудмундом, госпожа. — Манеры посланца были так же лишены вежества, как и его речи. При маленьком дворе Олоф не было того обхождения, что при датском дворе. — Я принес тебе поклон от моей госпожи.

И вождь назвал имя Олоф.

— Замечательно! — Хотя Ирса захлопала в ладоши, но в то же время покраснела от смущения не меньше любой из своих служанок. История о давних похождениях ее мужа на Альсе стала уже забываться, но все же она знала о ней. — Почему бы королеве Олоф не стать нашим другом? Конечно, конечно. Пусть она прибудет к нам. — Ирса обернулась к служанке: — Торхильд, собери на стол.

— Королева хотела бы поговорить с тобой, если ты сообразишь прийти к ней.

Ирса нахмурилась. Королева Вальтйона могла бы подсказать ей, как быть с этим странным приглашением, но Вальтйоны не было рядом. Ирса чувствовала, что ей надобно разобраться, что же все это значит. Она принарядилась: надела белое платье, расшитое зелеными гроздьями и листьями,

льняное покрывало, золотую цепь на шею и золотые запястья, сафьяновые сапожки с серебряными пряжками и алый плащ, украшенный горностаевым мехом. Потом вызвала свою конную стражу. Она чуть было не отправила саксов пешком, но в последний момент, решив, что нехорошо унижать воинов за позор их королевы, приказала оседлать коней и для них.

Так, среди звона и блеска, среди пестрых щитов и блестящих копий, двинулась Ирса навстречу своей судьбе.

Она спешила у причала и, не дожидаясь, пока построится стража, легко вспорхнула на палубу корабля. Толпа, галдевшая на берегу, неожиданно смолкла. Сразу стало слышно, как кричат чайки, свистит ветер, шумят волны да скрипят снасти.

— Добро пожаловать в Данию, — тихо сказала Ирса. — Почему ты не хочешь пожаловать к нам в гости?

Но Олоф молчала, не в силах отвести от Ирсы глаз. За семь лет длинноногая девчонка с побережья стала женщиной. Невысокого роста, но стройная и гибкая, бронзово-волосая, сероглазая, миловидная. Стоило ей улыбнуться, как на щеках появлялись прелестные ямочки. Даже сейчас она не могла по-настоящему рассердиться.

— Мне нечем отплатить за такую честь конунгу Хельги, — наконец ровным голосом сказала Олоф.

— Немного чести и я видела от тебя, куда жила в твоей земле. — Ирса старалась говорить сдержанно, но это ей удавалось все меньше.

Она подвинулась к своей собеседнице, точно хотела схватить ее, и взволнованно спросила:

— Может быть, ты можешь рассказать мне о моем происхождении? Сдается мне, что оно не совсем такое, как я о том слышала...

И тогда улыбнулась королева Олоф:

— Да, дорогая. Я непременно расскажу тебе кое-что об этом. Я ведь и приехала-то сюда затем, чтобы ты узнала всю правду. — Олоф глубоко вздохнула. — Скажи мне, счастлива ли ты в своем замужестве?

Сбитая этим вопросом с толку, Ирса покраснела, но ответила не задумываясь:

— Да, конечно, как же мне не быть счастливой, когда мой муж такой смелый и прославленный конунг?

Тогда, вздрогнув от радости, Олоф громко, так что ее могли слышать не только на корабле, но и на пристани, произнесла такие слова:

— У тебя меньше оснований быть счастливой, чем ты полагаешь. Хельги — твой отец, а я — твоя мать.

Ирса закричала.

Она кричала, что это грязная ложь, что Хельги, защищая свою честь, спалит Альс дотла. Но Олоф было не сбить криком, слишком много лет она готовилась к этому разговору. Она привезла с собой как свидетельницу повитуху, которая принимала у нее роды и слышала, как было выбрано имя. Она привезла с собой даже череп той собаки, кличка которой стала именем Ирсы.

Датская стража увидела, как их королева с рыданиями рухнула на палубу, а саксонка стоит над ней, зло усмехаясь. Воины схватились было за оружие, но начальник стражи остановил их, пробормотав:

— Назад, назад, похоже, нам некого здесь убивать. О, помогите нам сегодня, боги!

Но только чайки кружили над поверженной Ирсой.

Наконец она поднялась и, задыхаясь, проговорила:

— Нет человека хуже и бессердечней тебя, моя мать. Я никогда... никогда тебе этого не забуду.

— Ты можешь благодарить за это Хельги, — ответила Олоф.

И с этими словами она, ошеломив невольных зрителей, наклонилась к поверженной дочери, обняла и, прижав ее взлохмаченную голову к своей груди, проговорила:

— Вернись ко мне, Ирса. Вернись домой с честью, и я сделаю для тебя все, что смогу.

Ирса вырвалась из материнских объятий, помолчала, собираясь с силами, и спокойно сказала:

— Я не знаю выхода из этого положения, но здесь больше не останусь.

Потом, повернувшись, она сошла с корабля, села в седло и шагом поехала к дому. Ирса недаром была из рода Скьёльдунгов.

Сага молчит о том, что сказала Ирса королеве Вальтйоне, что — сыну.

Молчит она и о том, что еще предприняла Олоф. Нет сомнений в том, что она еще не раз беседовала с дочерью и со всем красноречием опытной правительницы снова и снова

убеждала ее вернуться на Альс. Правду сказать, если Ирса теряла мужа, где же еще ей было искать пристанища? Одинокая женщина — всегда лишь добыча. В то же время Олоф не приходилось мешкать. Вести о всем произошедшем уже дошли до Хельги, и он, загоня лошадей, мчался к дому. Саксам пора было уходить. Чтобы беспрепятственно выйти в Каттегат, они должны были вовремя покинуть пролив, соединяющий Роскильде-фьорд и Исе-фьорд.

Немногое известно и о свидании Хельги и Ирсы. Должно быть, они беседовали с глазу на глаз, даже без маленького Хрольфа, чтобы его не напугали отцовский гнев и горе. Ирса, выслав прочь слуг и служанок, встретила мужа в той самой светлице, где была их опочивальня, где когда-то она, напевая, поджидала его за прялкой из похода, чтобы обрадовать вестью о том, что понесла.

Дверь светлицы выходила на галерею, откуда было видно все, что творилось в усадьбе и во дворе, а дальше взгляд падал на город и на залив, на зеленые луга, по которым ходили стада, на купы деревьев, на нивы, где наливался золотом урожай, на дымки, струящиеся от очагов, и — дальше — на древний дольмен на холме. В летнем небе громоздились снеговыми вершинами облака, парил ястреб, заливался жаворонок. Свет играл на высоболенном песком полу, мерцал на обшивке стен и резной мебели, падал на шкуру медведя, которого Хельги сам выследил и поднял на рогатину, чтобы укутать в его мех свою любимую. Сосновые сундуки, в которые Ирса складывала мужнины подарки — заморские наряды, пахли смолой.

Хельги, заикаясь, пробормотал:

— Бессердечная и дурная женщина твоя мать. Но пусть между нами все останется по-прежнему.

— Нет, нет, это невозможно. — Ирса с мольбой отстранилась от мужа, когда он попытался обнять ее. — Ты и я... Нет, Хельги, не будет блага в стране, чей конунг спит со своей дочерью.

Хельги ужаснулся: нет, пусть уж лучше беда падет на него одного. Неурожай, падеж скота, мор. Дания, ставшая добычей волков и воронов, резня и безумье, чужеземная секира, которая подрубит древо Скьёльдунгов, — нет, только не это.

— Ирса, — еще раз с трудом выговорил конунг, но ее уже не было в светлице.

Ирса поцеловала на прощанье сына, нашла перевозчика, и уже под дождем, в ночи лодка доставила ее на другой берег залива, на корабль ее матери.

7

Три года прожила Ирса на Альсе. Мать встретила ее спокойно, чтоб не сказать холодно. Ирса старалась больше времени проводить в одиночестве, да и на людях все молчала. Наименее несчастной она чувствовала себя, гребя на лодке, чем когда-то они немало тешились вместе с Хельги. Но даже тогда никто не слышал, чтобы она пела.

Владения королевсы Олоф делали Ирсу лучшей из невест, но окрестные конунги не спешили со сватовством: боялись, что Хельги захочет забрать жену обратно или разгневется на того, кто станет ее новым мужем.

Между тем Хельги так ничего и не предпринял. Когда несчастье только случилось, он стал было убеждать Хроара собрать флот и дружину на поиски Ирсы, но брат резко его оборвал:

— Не дело ты говоришь и сам это знаешь. Стоит пойти походом на Альс, и против нас поднимется пол-Ютландии, а мы не готовы к такой войне. И ради чего воевать? Ради девчонки, твоей собственной дочери, которую тебе придется посадить под замок, чтобы она от тебя не сбежала. И, кроме того, боги отвернутся от нас, если она возвратится к тебе по твоей воле. Нет, не бывает тому!

Хельги был совершенно сломлен и опустошен, он подолгу не вставал с постели. Теперь это был печальный, грубый и почти всегда пьяный человек. Он пробовал брать женщин к себе на ложе, но его поразило бессилие — украдкой поговаривали, что сама богиня Фригг покарала его, — а потом перестал и пробовать. Хельги построил себе хижину в лесной чаще и по неделям оставался в ней в полном одиночестве.

Хроар и Вальтйона стали растить Хрольфа. Казалось, проклятие, павшее на родителей, не затронуло его. В нем было что-то, что сразу располагало к нему самых сердитых служанок и самых суровых воинов. Он рос не только ловким, но и смышленным, любопытным мальчиком, из тех, которым непременно надо все знать — совсем таким, каким в этом возрасте был его дядя.

На третье лето после бегства Ирсы к берегам Альса подошли корабли под белым шитом на мачте. Никогда прежде не

доводилось Олоф принимать такую большую и богатую дружину. Ее привел из Упсалы конунг шведов Адильс.

Олоф принял его со всем возможным почетом, убрала покои для гостя лучшей своей утварью. Ирса была не столь любезна, а потому скоро удалилась в свои отдельные хоромы. В тот же вечер, когда Олоф и Адильс вместе пили в палате, он сказал ей:

— Я немало слышал о твоей дочери, и, вижу, молва не солгала ни о ее красоте, ни о том, из какого могучего рода она происходит. Госпожа, я хочу просить у тебя ее руки.

Олоф поблагодарила гостя за честь. Адильс был молод, высок ростом, широк в кости и дороден. Волосы и борода у него были длинные, янтарно-желтые и сальные. Он то и дело принимался теребить усы своими конопатыми пальцами. Меж широких румяных щек торчал длинный нос. И хотя его одежда из лучшего полотна и была расшита золотом, но она могла бы быть и почище. От конунга остро пахло чем-то кислым.

И все-таки в нем не было ничего смешного. Его голос грохотал, как прибой Северного моря. Маленькие, глубоко посаженные глазки холодно, не мигая смотрели из-под густых бровей. Все знали, что конунг шведов весьма сведущ в колдовстве. Подданные Адильса на себе испытывали всю тяжесть его норова, жадного и утрюмого, но, несмотря на молодость, ему достало хитрости и коварства, чтобы справиться с ними. Свитьод была самым большим владением в Северных Землях, она тянулась от холмов Гаутланда до дремучих лесов Финляндии. Множество ярлов и племенных вождей платило Адильсу дань. Так что золота и воинов у него было уж никак не меньше, чем у Скьёльдунгов.

— Сам знаешь, как с ней обстоит дело, — медленно проговорила Олоф. — Все же, если она сама согласится, я не скажу «нет».

— Не смею надеяться, сударыня моя, — ответил Адильс без тени улыбки.

И хотя ночь выдалась теплой и в очаге жарко горело пламя, Олоф слегка вздрогнула от его ответа.

Все же, думалось ей, заполучи она Адильса в союзники, ей нечего бояться ни Хельги, ни кого-нибудь другого.

Назавтра Адильс увидел Ирсу. Она сидела на лавке под ивой, что росла среди грядок с целебными травами у порога ее палаты. Две служанки помогали ей шить плащ. Она

держала совсем мало слуг, среди которых не было ни одного раба. И хотя жила она очень тихо, но наемных слуг находила без труда — все знали, что обходиться с ними будут по-доброму.

В этот раз, как и всегда, на Ирсе было простое платье без украшений. В рассеянном свете ее косы поблескивали рыжиной. Воздух, душный и неподвижный, был полон запахами пряных трав. Острый запах порея, купыря, полыни, грушанки, кислый — щавеля, горький — руты, сладкий — чабреца, резкий — кресс-салата. Пара ласточек, порхая, гонялась за комарами. Ирса подняла голову от шитья, заслышав, как скрипнул щебень под сапогом Адильса, и проговорила равнодушно:

— Доброе утро, сударь мой.

— Мы были лишены твоего общества вчера вечером на пиру, — басом отозвался Адильс.

— Я не охотница до веселья.

— Хотел бы преподнести тебе подарок. Вот...

Адильс вытаскил ожерелье. Служанки так и ахнули. Эти пластины и кольца из блестящего золота, эти мерцающие самоцветы — ожерелье стоило не меньше боевого корабля.

— Благодарствую, сударь мой, — начала с беспокойством Ирса. — Ты слишком добр ко мне, но...

— Никаких «но».

Адильс уронил ожерелье Ирсе в подол, затем взмахом руки удалил служанок. Те, тут же отбежав в сторону, принялись болтать со стоящими поодаль дружинниками из свиты шведского конунга. Сам же он, присев рядом с Ирсой, заговорил так:

— Твоя мать — владетельная королева. Тебе бы не следовало жить так замкнуто.

— Я так живу по своей воле.

— Когда-то ты была счастливее.

Ирса побледнела.

— Это мое дело.

Адильс, повернувшись, уставился на нее своим леденящим взглядом:

— Нет, не так. То, как живет конунг или королева, касается всех их подданных. Недаром люди всегда хотят все знать о своих владыках. Ведь их жизнь зависит от нашей жизни.

Ирса попыталась отстраниться от Адильса, но так, чтобы не показаться оскорбленной или испуганной, и прошептала:

— Мне теперь это безразлично.
— Тебе не может быть безразлично твое происхождение, — тихо, но настойчиво проговорил в ответ Адильс.

— Чего ты хочешь, конунг Адильс?

— Чтобы ты стала моей женой, королева Ирса.

Ирса напряглась:

— Нет!

Губы Адильса чуть дрогнули в улыбке.

— Это был бы не такой уж плохой выбор для тебя.

Ирса ответила, краснея и дрожа:

— Это не мой выбор. Уж я-то знаю, что не хочу тебя.

— Ты пугаешь меня, Ирса.

Адильс оставался на удивление спокойным.

Она протянула его ожерелье:

— Уходи. Прошу тебя, уходи. — Ирса махнула рукой в сторону гнезда аистов на крыше. — Эти птицы приносят в дом счастье и детей. Всем, кроме меня. Зачем тебе бесплодная королева?

— Но ведь ты спишь здесь одна.

— И так будет всегда!

Адильс встал, всем своим неуклюжим телом закрывая ей путь к бегству.

— Верно, ты стала бесплодной, родив ребенка от того, от кого не должна была рожать, — сказал он резко. — А мне ты родишь других. Оказавшись между твоей матерью с ее саксонскими союзниками и тобой, когда ты станешь моей женой, Скьельдунги присмирят.

Он вдавил ожерелье в ее ладонь.

— Кроме того, ты украсишь мой дом лучше, чем эта вещь.

Слова Адильса звучали совсем не так легко, как бывало говаривал Хельги: казалось, он составил и выучил их заранее.

— Мне не хотелось бы стать причиной раздоров и оскорбить... оскорбить великого конунга. — Ирсу прошиб пот, слезы подступили к глазам. — А теперь уходи. Уходи.

Адильс повернулся и спокойно ушел. Стоило ему отойти, как Ирса выронила ожерелье и, задыхаясь, рухнула на скамью.

Олоф, узнав о том, что произошло, навестила дочь в ее покоях. Солнце уже село. Стемнело. Ирса приказала зажечь светильники. В сумерках, заполнивших палату, мать и дочь

казались друг другу теньями. В открытом из-за духоты окне мелькали летучие мыши, где-то ухала сова.

— Ты дура, Ирса, — резко сказала Олоф, — пустоголовая дура. Нет никого, кто бы мог сравниться с конунгом Адильсом.

— Для меня — был, — пробормотала в ответ дочь.

— Да, нечесаный пьяница, не вылезающий из своей конуры. — Олоф зло расхохоталась. — Ты, должно быть, слышала, во что превратился Хельги.

— Ты не упускаешь случая позлорадствовать.

— А ты, ты, Ирса, спала со своим собственным отцом, с тем, кто лишил меня девства. Тебя могла бы постигнуть кара богов, смерть или слепота. Вместо этого к тебе сватается самый могущественный государь в Северных Землях, дарит ожерелье прекрасное, как Брисингамен, а ты оставляешь это ожерелье валяться в пыли...

Ирса вскинула голову:

— Чтобы заполучить Брисингамен, Фрейя отдалась четырем грязным гномам.

— А тебе для этого нужно только законно и почетно выйти замуж за великого конунга. — Помолчав, Олоф продолжила: — Я никогда не желала мужчин, я испытывала к ним отвращение. Ты из другого теста. До меня доходили слухи, как вы жили там, в Дании, душа в душу, наглядеться друг на друга не могли: весь мир только и толковал о том, как ты была счастлива с Хельги. За годы, что ты пробыла здесь, я подметила, как ты то улыбаешься без причины, то обнимаешь при луне цветущую яблоню, то — не смей мне возражать! — заглядываешься на красивых парней. Ирса, тебе нужен мужчина.

— Этот мужчина мне не нужен.

— А я говорю — именно этот, несмотря на твой прежний блуд, которому ты предавалась, как та сука, в честь которой я тебя назвала: несмотря на то, что сегодня ты обошлась с Адильсом так, что он был бы вправе пойти на нас войной. Но ничего, Адильс терпелив. Это больше чем удача. Норны приблизились к тебе — твоя судьба стать королевой Свитьод.

Снова заухала сова. Ирса сжалась так, словно ночная птица охотилась за ней.

— А ведь твоя судьба может быть намного хуже, — не унималась Олоф. — И она будет такой, если твоя дурь перерастет в безумие. У меня нет наследника, Ирса. Жители

Альса не защитят тебя. Что ты предпочитаешь: стать волей-неволей добычей викинга, наложницей какого-нибудь хищного ярла или госпожой в славной Упсале? Что, по-твоему, достойней женщины из рода Скьёльдунгов?

— Нет, — молила Ирса, — нет, нет, нет!

— Если ты станешь его королевой, — продолжала Олоф, — Адильс позаботится и об этом владении. Он сможет после моей смерти посадить здесь ярла, сильного мужа, который сумеет охранить Альс. Иначе — подумай о детях твоих приемных родителей, о тех, что живут на северном побережье. Подумай о мертвых братьях, чьи глаза выключот вороны, подумай о сестрах, которых чужеземцы уведут в рабство и приставят вертеть ручные мельницы. Они скажут, что твоя мать была права, дав тебе имя суки!

С этими словами Олоф встала и вышла. Ирса разрыдалась.

Назавтра, однако, Ирса выглядела спокойной. Когда Адильс пришел к ней, она вежливо поздоровалась с ним. Он снова преподнес ей много дорогих даров и украшений. Но Ирса промолчала о том, наденет ли она эти уборы как его жена.

Все же, после того как Адильс и Олоф две недели уговаривали Ирсу, она утомленно склонила голову и сказала:

— Да.

В тот день когда шведский флот вышел в море, увозя невесту своего конунга, Олоф долго смотрела с берега вослед кораблям. И только когда последний скрылся за горизонтом, крикнула, захохотав:

— Получай, Хельги!

Вскоре после этого Олоф умерла. Ее деяние убило ее.

8

Узнав о том, что случилось с Ирсой, конунг Хельги впал в еще большее уныние и совсем перестал выходить из своей хижины.

Когда он ставил ее в малонаселенной северной части Зеландии, то сам валил лес с таким ожесточением, будто разил врагов. В нескольких милях от его жилья был хутор, где при необходимости он покупал еду и пиво. Но не было случая, чтобы он приказал доставить ему припасы. Люди говорили, что это убежище призрака. За хижинкой начиналось густое криволесье, сбоку к ней подступал мрачный

курбан, в котором древний народ соорудил каменную гробницу.

Окрестные леса были небогаты зверем: иногда попадались олени, но больше — зайцы, белки и другие пугливые зверьки, да еще из чащобы часто доносился волчий вой. Зато на болотах было столько дичи, что она могла крыльями затмить небо — ведь никто не отваживался охотиться в глубоких, затянутых зеленью топях. Немало хищных птиц кружило в поднебесье, разыскивая добычу или падаль: орлы, пустельги, скопы, ястребы, кречеты, коршуны, вороны, галки и множество иных. Хельги брал птенцов хищных птиц и пробовал приручать их, но у него ничего не выходило, видно, потому, что он вечно был пьян. Все же он любил подолгу валяться на спине в цветущем вереске, наблюдая, как большие птицы, раскинув крылья, парят в небе.

Но вот, лишив его и этой радости, надвинулась зима.

В канун Йоля разыгралась непогода. В Роскильде, в Лейд্রে, по всей Дании люди тесней жались друг к другу, подбирали дрова в пылающие очаги, заводили веселье, чтобы им как стеной оградить себя от тварей, что бродят во мраке. Хельги выпил бесчисленное множество рогов с пивом, закусил сухарями с вяленой рыбой и, не погасив тусклый каменный светильник, повалился на ложе из соломы и медвежьих шкур.

Но через некоторое время он проснулся и, сев на ложе, вперил взгляд во мрак. Хижина выстыла, от глиняного пола тянуло холодом. Воюющий за порогом ветер то и дело отыскивал незаконопаченную щель и, запуская в нее когти, пытался дотянуться до Хельги. Впрочем, его, кажется, разбудил какой-то другой звук, будто кто-то скребся и хныкал под дверью.

Может, зверь забрел? Голова у Хельги вдруг прояснилась, точно он пил не обычное пиво, а вкусил того меду, который, говорят, Один варит для своих полуночных гостей. Если можно спасти живое существо, не дело оставлять его за порогом, подумал он вдруг.

Поднявшись, Хельги взял светильник и, держась за заиндевевшую стену, добрался среди колеблющихся теней до двери, отпер ее и открыл. За дверью свистела метель. Что-то вроде бесформенной груды серых лохмотьев рухнуло, дрожа, на порог. Он наклонился, втащил бедолагу в дом, запер дверь и поднял светильник, чтобы получше разглядеть пришельца.

Это была худая — кожа да кости — девочка. Прямые черные волосы обрамляли ее лицо, от холода босые ноги распухли и зуб на зуб — а зубы были гнилые — не попадал. Она присела на корточки, обхватила себя тонкими, как прутья, посиневшими руками и застонала. Хельги прислушался и услышал:

— Ты поступил хорошо, конунг.

Хельги скривился, однако, поставив светильник на пол, в несколько шагов пересек хижину, выгреб охапку соломы из своей постели и кинул ее бродяжке со словами:

— Подгребай под себя, чтоб не мерзнуть.

— Нет, пусти меня в свою постель, — заскулила нищенка. — Я лягу с тобой, а иначе умру от холода.

Хельги нахмурился. Но делать нечего — гость есть гость, — и он сказал лишь:

— Не очень-то мне бы этого хотелось. Но если по-другому никак, ложись, не раздеваясь, у меня в ногах. Вреда мне от этого не будет.

Он надеялся, что блохи и вши на нищенке вымерзли.

Точно мерзкий паук, гостья забралась на указанное ей место и натянула на себя шкуру. Хельги снова улегся на солому и вытянул ноги. Пусть бедная девушка хоть немного согреется о его ступни.

Но что это? Он не почувствовал прикосновения грязных лохмотьев или худых костей, нет, ощущение шелковистого жара пронзило все его существо.

Хельги сел, откинул с лица нечесанные космы. Перед ним лежала женщина в переливающейся рубашке. Никогда прежде не доводилось ему видеть такой красоты. Солома едва зашуршала, когда она с улыбкой приподнялась ему навстречу. Под прозрачной тканью рисовались спелые груди. Хельги показалось, что холод и зловоние его зимовья отступили и он перенесся прямо в лето. Пряди чернее воронова крыла падали на странное, бледное лицо, овал которого был нечеловечески прекрасен, а немигающие глаза отливали золотом, как у сокола.

— Но... но ты... — Хельги охватил страх.

Он вскарабкался обратно на постель и сотворил знак молота. Женщина снова улыбнулась, и страх сразу покинул его. Хотя светильник едва мерцал, но сиянье, исходившее от гостьи, разогнало мрак. Казалось, что завывания ветра стали

тише и глуше. Хельги с трясущимися руками приблизился к женщине.

Она проговорила — как пропела:

— Теперь я должна уйти. Ты спас меня от горькой беды, ибо на мне лежало заклать моей мачехи. Я была у многих конунгов, но только у тебя, Хельги сын Хальфдана, достало отваги совершить то, что освободило меня.

— Нет в этом никакой отваги.

И Хельги схватил ее, чувствуя, как вздымается его мужское естество.

— Нет. — Гостья отстранила его движением руки и мягко проговорила: — Не должно тебе возлечь со мной. Я ужою.

Но он только сильнее прижал ее к себе и ответил прерывающимся от счастья голосом:

— Ты вздумала ускользнуть от меня? Не бывать тому!

Женщина взяла Хельги за плечи, и он почувствовал ее всем своим телом.

— Ты сделал мне добро, Хельги, и я не хотела бы стать причиной бед твоего дома.

— Ты принесла мне столько счастья, что и сказать нельзя, — пробормотал Хельги. — И я сочетаюсь с тобой, не откладывая на потом. Этой же ночью...

Печалью подернулись соколиные очи.

— Воля твоя, государь...

И, не противясь более порыву страсти, она сняла рубашку и отдалась ему.

Часы летели за часами, вот уже и серый свет утра поволчьи прокрался по белому безмолвию снегов, а Хельги все не мог оторваться от незнакомки, ибо его жаркая страсть превзошла все, что по силам обычному мужчине. Наконец, очнувшись от забытья, он увидел сквозь сумрак, что гостья стоит, склонившись над ним. Она была уже одета, но откуда взялись это зеленое платье и плащ, этот венок из алой рябины на ее челе? Женщина нагнулась к Хельги, приложила палец к его губам и тихо промолвила:

— Итак, ты исполнил свое желание, конунг. Этой ночью мы зачали с тобой дитя. Когда ты овладел мной, я пожелала тебе добра, а не зла. Сделай все, как я скажу, и тогда нам, быть может, удастся предотвратить злосчастье, которое ты посеял в моем чреве. Нашей дочери должно родиться на дне морском, ибо я из рода Ран. Жди ее в этот же день будущей

зимой у твоих причалов. — Мука скривила ее губы. — А не сделаешь так, быть Скьёльдунгам в беде.

Конунгу Хельги показалось, что с этими словами она ушла. Во всяком случае, когда он окончательно пришел в себя, ее уже и след простыл.

Хельги вышел в заснеженные поля: незнакомка мерещилась ему в каждой синей тени, в каждом отблеске льда. Кончился короткий зимний день, замерцали звезды, но и в ночи он все слышал ее шепот. Пусть это была не Ирса, все равно его сердце вырвалось из кровоточащей пустоты. Эта женщина-эльф налетела, как порыв весеннего ветра — предвестника скорого цветенья, который проносится, едва задержавшись в памяти.

Хельги почувствовал, что снова стал мужчиной. С песней на устах поскакал он в Лейдру.

Хроар делал, что мог, покуда его брат пребывал в отчаянье. И все же дела шли плохо. Во власти конунгов было немало земель, товаров и кораблей. Моряки и корабельщики не отваживались выходить в море без приказа, а приказы были редки. Но теперь Хельги снова все забрал в свои руки и быстро навел порядок. Он опять стал заниматься делами королевства, делами своего брата, невестки и своего сына Хрольфа.

И вот, занятый с утра до вечера (не только делами, но и женщинами), он позабыл, о чем просила его эльфийская возлюбленная. Немудрено — воспоминания о ней так не сходили со всем известным ему, что иногда Хельги думал: был то сон или явь? Но если сон, то кто послал его и что он значит? Эти размышления пугали его. Он гнал их прочь, снова окунаясь с головой в людские дела.

Случилось так, что только через три года, и как раз в канун Йюля, Хельги снова оказался один в своем доме у кургана.

Он думал, что это произошло случайно. Некий убийца, недавно объявленный вне закона, скрылся в тех местах и чинил зло окрестным хуторянам. Когда Хельги проезжал мимо, они обратились к нему за помощью.

— Устройте на него облаву, — посоветовал, смеясь, конунг, потом добавил: — Ладно, авось я с моими собаками сам его выслежу.

Так и произошло. Хельги настиг злодея и отрубил ему голову, чтобы показать людям. Между тем стемнело, и тут он набрел на свою хижину. Необитаемая в течение трех лет, она

выглядела слишком мрачно, чтобы по доброй воле заночевать в ней. Но все же это было лучше, чем ничего, ибо эти стены сулили хоть какой-то уют.

Около полуночи Хельги проснулся от лая собак. Ночь была тихой и ясной. Звезды горели во мраке, Млечный Путь отливал морозным серебром, снега укутали могильный курган.

Вдруг трое мужчин и женщина подъехали верхом на прозрачных, изменчивых, как водопад, конях. То были долгогривые, долгохвостые эльфийские кони, снег не скрипел — звенел под их копытами. Мужчины с лицами неземной красоты были в звонких кольчугах, на их одежде, на плащах, на вспыхивающих золотом украшений сапогах блуждали радужные переливы. А женщина... Хельги знал эту женщину.

Она наклонилась с седла. Хельги, в страхе выронив меч, припал из ее рук сверток, обернутый в туленью шкуру.

— Конунг, твой род сполна заплатит за то, что ты не исполнил моей просьбы. Но благо будет тебе самому за то, что ты выручил меня из беды. Это наша дочь. Я назвала ее Скульд.

Во мгновение ока кони умчали всадников прочь.

Больше Хельги никогда не видел свою эльфийскую возлюбленную. На руках у него спал младенец, чье имя Скульд значило «то, что должно случиться».

9

Снова печаль снизошла на Хельги. Он больше не дичился людей, не предавался пьянству, жил в Лейдре и занимался делами правления, но стал молчалив, никогда не смеялся, подолгу скакал в одиночестве верхом или часами просиживал, уставясь в огонь.

Хроар, подметив перемену в Хельги, весной пригласил его на жертвоприношение в свою усадьбу «Олень». Весна была в тот год дружная и ранняя. Боярышник стоял в цвету, дороги просохли и небо наполнилось птичьим пеньем в тот день, когда конунги выехали из капища вслед за повозкой Фрейи. Золотом блестел ковчег, в котором находился кумир богини, прекрасна собой была дама, избранная на следующий месяц оберегать его, венки украшали быков, запряженных в повозку, и венки украшали дев, которые, танцуя, вышли навстречу поезду из ворот Роскильде. Веселым песням парней вторило журчанье талых вод по канавам; деревья,

чьи ветви богиня убрала первой зеленью, тянулись к небесам, к косым лучам солнца, прорвавшим высокие облака; стада коров красноватыми пятнами виднелись сквозь дымку, подымавшуюся от выгонов; ветерок, холодный и влажный, веял, полнясь запахами прорастающих трав.

Миновали непроглядные ночи, миновало затворничество в тесных домах. Снова на землю вернулся светлый день. Пробудилась новая жизнь: слышно было, как дышит земля. Пусть же кровь веселей струится в жилах, как сок в деревьях. Пусть мужчина не ленится снова и снова соединяться с женщиной, дабы Фрейя и эльфы не лишили плодородия чрево матери-земли! После того как священная повозка, выехав из Роскильде, увезла богиню в окрестные села, начался пир. По обычаю гости уходили с него рано, парами, мужчина и женщина — рука в руке — не только юнцы и юницы, но и самые степенные хозяева со своими женами.

Хельги был на пиру мрачен, если же к кому и обращался, то только к своему сыну Хрольфу, расспрашивая о его делах и затеях. В свои одиннадцать лет Хрольф был тоненьким, невысоким мальчиком. Стройный как олень, он с изяществом носил свой дорогой наряд. Темно-золотистые, с рыжиной волосы он унаследовал от отца, зато большие серые глаза под темными бровями — от Ирсы, и вообще немало материнского было в его лице, на котором, впрочем, выдавался крутой подбородок Скъёльдунгов. Он охотно отвечал на вопросы. А если никто ни о чем не спрашивал, сидел спокойно, наблюдая за тем, что делают взрослые, и думая о чем-то своем.

Ночь после праздника Хельги провел на своем ложе в одиночестве.

Наутро его разыскал Хроар и предложил младшему брату проехаться верхом. Хельги, соглашаясь, коротко кивнул. Конюхи оседлали коней, и конунги легкой рысью выехали за ворота. Стража, поняв, что братьям нужно поговорить, приотстала.

Воды залива поблескивали на солнце, ветер посвистывал в зеленеющих ветвях. Высоко в небе тянулась стая аистов. Наконец Хроар заговорил:

— Я не собираюсь поучать тебя, Хельги. Но все же кое-кто назовет дурным знаком то, что ты, конунг, был так мрачен во время жертвоприношения и пира, а после него не подарил ни одной женщине свое семя.

Хельги равнодушно вздохнул:

— Пусть их говорят.

— Ты рассказывал мне о том, как эльфийская женщина напророчила грядущие беды. Что ж, беды всегда приходят, не те, так другие, а что до тебя, так ведь тебе она, в конце концов, предсказала благо. Но вот девочка...

Тут Хельги обернулся и хрипло проговорил:

— Сейчас я тебе объясню, в чем тут дело. С тех пор как я увидел ее во второй раз и понял, что все, что произошло между нами, — правда, с тех пор как я увидел нашу дочь, которая почти не плачет и смотрит так не по-детски... я вспоминаю Ирсу.

— Что? Я-то полагал, что ты о ней и думать забыл.

— Нет, я понял, что могу жить без нее. Но... не знаю... видно, эльфы способны творить что-то странное с нашим сердцем... быть может, я снова стал думать об Ирсе, потому что испугался того, что меня слишком волнует та, другая. И потом, мы ведь теперь снова вместе, я и Хрольф, а он сын Ирсы, и глаза у него совсем как у нее...

И, поникнув головой, Хельги пробормотал:

— Она уехала в Упсалу, хотя, как я слышал, без большой радости. А мне осталось только стариться в одиночестве в том доме, который когда-то был нашим общим.

Хроар внимательно посмотрел на брата. На лице Хельги проступили кости черепа, глубокие морщины изборождали кожу, волосы подернулись сединой. Хроар провел рукой по своей седеющей бороде и сказал в ответ:

— Все мы стареем.

— Неужто нам дано познать новые беды, прежде чем мы умрем? — голос Хельги звучал глухо.

— Нам еще немало предстоит совершить. — Хроар попытался улыбнуться. — Как бы то ни было, тебя нужно поздравить, ты ведь снискал благосклонность могучих сил...

Он внезапно умолк, ибо его спутник резко привстал в седле. Волос вздыбился от возбуждения на руках у Хельги, когда он, уставясь на брата, зашипел, как рысь.

— Что такое? — с беспокойством спросил Хроар.

Хельги вскинул сжатую в кулак руку. Металл зазвенел в его голосе:

— Клянусь Молотом! Ты прав! Неужто я должен провести в тоске остаток своих дней?

Но едва Хроар заговорил, что, мол, вот и хорошо, он рад это слышать, как его речь была прервана Хельги:

— Я отправлюсь в Упсалу и верну себе Ирсу!

— Что?! — Хроар сорвался на крик: — Нет!

— Да. Слушай. Я все время думал об этом, но только сейчас, после твоих слов, меня осенило... — Хельги схватил брата за руку с такой силой, что на ней отпечатались синяки. — Я, я снискал покровительство высокой силы, моя возлюбленная из рода Ран. Я стал отцом ее ребенка и тем возвысился сам. Неужто она допустит, чтобы беда постигла ее собственную дочь? Чего мне теперь бояться? Чего бояться тебе и всей Датской земле? Разве Хрольф был бы так хорош собой и так многообещающ, если бы в его происхождении заключался гибельный рок? Не было другой причины у нашей беды, кроме этой волчицы Олоф, но она умерла, чтоб ей больше не встать! — И он, воздев руки к небу, завопил: — Мы свободны!

— Нет человека, который был бы свободен от своей судьбы, — возразил Хроар.

Но Хельги, уже не слушая его, дал шпоры коню и пустил прочь сумасшедшим галопом.

Подготовка к плаванью началась без промедления и шла с бешеной скоростью. Хельги, пребывая все время в состоянии лихорадочного веселья, отметал любые возражения. Другина, не помня себя от радости — ведь ее вождь снова ожил, — была готова идти за ним хоть на край света. Те, кому случалось прежде бывать в Упсале, успели столько порассказать о ней, что едва кончился сев, как молодежь с хуторов валом повалила вербоваться в корабельные команды.

— Мы идем с миром, — объявил Хельги. — Если Адильс согласится выполнить мое желание, я предложу ему решить к его выгоде те несогласия, которые есть между нами, например в торговле янтарем. Если же нет... значит, Адильс поступит немудро.

Тщетно Хроар спорил с братом, говоря ему так:

— Бйовульф и я потратили много сил, да и людей положили немало, чтобы посадить на трон такого Инглинга, который не был бы нам врагом. Неужто ты хочешь теперь все это порушить только для того, чтобы потешить свою похоть?

— Какой вред может быть от этого бездельника? — насмешливо возражал Хельги. — Мы можем вдоль и поперек

разграбить побережья его владений, а он даже не посмеет высунуть носа из-за кровавых камней своего жертвенника. — И, пожимая плечами, каждый раз добавлял: — Да как я смогу считать себя конунгом, если оставлю мою Ирсу у того, кто причиняет ей горе?

Все же однажды Хельги был застигнут врасплох. Как-то он и его сын Хрольф выехали на соколиную охоту. Когда их ловчие соколы добыли журавля, Хельги, улыбнувшись, сказал сыну:

— Вот так же и я принесу тебе твою мать. Вопрос мальчика «Неужто мертвой, как эта добыча?» привел его в замешательство.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Хельги.

— Мне говорили, что она покинула нас против твоей воли. Быть может, она не захочет и возвращаться.

Хельги застыл как вкопанный, потом проговорил сквозь зубы:

— Что ж, я должен дать ей возможность выбора.

Наедине с мужем королева Вальтйона высказала те же сомнения:

— Сколько я знаю Ирсу, Хельги этой повадкой ничего не добьется.

— Надеюсь, что только этим все дело и кончится. — Хроар был явно обеспокоен затеей своего брата.

— Ирса сделает все возможное, чтобы спасти его жизнь и честь.

— Но Адильс... никогда мне не нравился этот Адильс, как бы ни был он нам полезен. А то, что доводилось о нем слышать, не добавляет мне спокойствия.

Вальтйона невесело улыбулась:

— Тебе все равно не удастся отговорить Хельги, так что не вбивай между вами клин. Лучше успокойся, устрой ему подходящие проводы да пожелай доброго пути.

10

Адильс сам редко покидал Упсалу. Но в таком обширном владенье, как Свитьод, населенном множеством племен со своими мелкими конунгами и вождями, то и дело вспыхивали неизбежные раздоры. Если эти племена не пытались сбросить ярмо податей или отложиться от Упсалы, то попросту нападали друг на друга. Так что для подавления этих мятежей и усобиц Адильсу приходилось держать немалую

дружину. Среди его дружинников было и двенадцать берсерков.

Этих воинов называли так потому, что они часто бились без кольчуги, в одной нательной рубашке *bagi sark*. Они были высоки ростом, сильны телом, уродливые, нечесанные, немытые, но надежные и отважные. В битвах на них нисходило безумье: на губах выступала пена, лица наливались кровью, они начинали выть, грызть край щита и бросались в бой, как разъяренные зубры. В такие минуты ни один обычный человек не мог устоять против них. Говорили, что тогда и железо не могло причинить им вреда. Но, по правде, дело было в том, что их раны, даже весьма тяжелые, почти не кровоточили и сразу затягивались. Когда же припадок ярости проходил, они сразу слабели, их начинала бить дрожь. Но это не имело большого значения, ибо к тому времени любой противник был мертв или бежал с поля боя.

Люди испытывали по отношению к берсеркам не только страх, но и отвращение. Именно это чувство, а не только их мощь позволяло им зачастую прорывать вражеский строй. И хотя конунг Адильс не первым из конунгов привлек берсерков к себе на службу, это в глазах многих порочило его, что, Впрочем, Адильса совсем не волновало.

Зато его очень взволновало, когда (двенадцать берсерков и большая часть остальных воинов как раз отсутствовали) задыхающийся от скачки стражник доставил весть о том, что два десятка чужих кораблей прошли протокой из Балтики в озеро Меларен и уже пересекают его. Вскоре какой-то мальчишка принес послание от незваных гостей. Их флот встал при устье реки, перекрыв дорогу к бегству. Начальник флота поймал этого мальчика и, дав гривну серебра, наказал найти конунга в его палатах и передать ему вот что:

— Хельги, конунг датчан, пришел сюда с миром, дабы навестить своего союзника и побеседовать с ним об общих делах.

Королева Ирса стояла как раз рядом. Адильс обернулся к ней:

— Добро, — Адильс ухмыльнулся, потом спросил: — Как ты посоветуешь мне принять его?

Ирса застыла, чувствуя, как ее лицо сперва побелело, потом покраснело, и красные пятна начали заливать грудь и шею. Едва сдерживая слезы, она заговорила, стараясь остаться спокойной:

— Решай сам. Ты знаешь, в прошлом... не было человека... перед которым я была бы в большем долгу.

Адильс принялся теревить усы, пыхтеть, ворчать про себя и наконец проговорил:

— Хорошо, коли так, мы примем его здесь как нашего гостя. Я пошлю гонца, который — хм, хм — сумеет, не обижая его, объяснить, что не следует ему — м-м-м — брать с собой всю свою рать.

Ирса повернулась и торопливо ушла.

А Адильс послал гонца к Хельги. Вслед за этим он тайком вызвал к себе надежного человека и отдал ему такой приказ:

— Поспеши туда, где сейчас мои берсерки и остальная дружина. Вели им немедленно возвращаться в Упсалу. Пусть спрячутся в лесу подле города, так чтобы об этом не знал никто, кроме меня, и ждут моих приказаний.

Хельги решил, что понял намек, содержащийся в приглашении конунга шведов, и потому сказал, усмехнувшись, своему главному кормчему:

— Правы те, кто зовет Адильса скупердьяем! Сдается мне, что тех, кто останется стеречь корабли, ждет обед посытнее, чем тех, кто поедет в гости.

Кормчий нахмурился:

— А ежели он затевает предательство...

Но Хельги только презрительно фыркнул в ответ:

— Не думаю, чтобы его стоило бояться. Не забудь, мы знаем, что при нем нет его прославленных воинов. Так что Адильс не станет рисковать головой.

С этими словами Хельги повернулся и, дрожа от нетерпения, скомандовал:

— Сходи на берег!

Затем он и его кормчие сели на привезенных с собой лошадей. Вместе с всадниками выступила еще сотня пеших бойцов. Славное зрелище представлял собой этот отряд, двигаясь вдоль плавнотекущих вод реки Фюрис. Они шли по ее высокому, лесистому западному берегу, а на другом — равнинном, простирались богатые нивы. Сизая кольчуга, позолоченный шлем, алый плащ — гордо скакал Хельги во главе своего отряда. За ним, тоже верхом, двигался молодой воин с его знаменем в руках — ворон Одина, предка Скьёльдунгов, на кроваво-красном поле. За всадниками, точно морская зыбь, покачивались, сверкая на солнце, копыта пешей рати.

В ту ночь, хоть они и встали на постой в доме богатого хуторянина, Хельги спал мало. Он поднял свой отряд на утренней заре и повел его так быстро, что уже на вечерней они прибыли в Упсалу.

Когда датчане свернули с прибрежной дороги, то сперва увидели окружавший город частокол, который чернел на фоне закатного неба. Королевская стража, гремя доспехами, трубя в рога-луры, вышла из городских ворот им навстречу: в лучах закатного солнца круглые щиты стражников блестели, как луны. За воротами открывался большой, широко раскинувшийся город; по улицам спешили горожане, которые жили в деревянных, по большей части двухэтажных, добротных домах. В эти часы мрак уже начал затоплять узкие улицы, размывая очертания сновавших по ним людей. На улицах было полно свиней — священных животных Фрейра, прародителя Инглингов: они вовсю хрюкали, рылись в грязи, то и дело задевая прохожих щетинистыми боками.

В стороне от города, на холме вздымался самый большой храм в Северных Землях. Он был выстроен подобно другим таким же капищам: кровли громоздились одна на другую, точно хотели улететь в небо. И все эти фронтоны и коньки, украшенные драконьими головами, которые смотрели на окружающую храм рощу, были не высмолены и не выкрашены, а вызолочены чистым золотом. Внутри храма стояли огромные, богато украшенные деревянные идолы двенадцати высших богов: Один с копьем; Тор с молотом; Фрейр с огромным фаллосом, скачущий верхом на вепре; Бальдр, которого Хель забрала к себе, чтобы сделать правителем в царстве мертвых; Тюр, правую руку которого отгрыз волк Фенрис; морской бог Эгир, чья жена Ран ловит своими сетями корабли; Хеймдаль, держащий рог Гьяллар, в который ему предстоит протрубить перед концом мира; и другие, о которых меньше говорится в преданьях. Храм был так велик, что по праздникам вмещал в себя людей чуть ли не со всей округи. Тогда старейшины приносили в жертву богам коней, собирали их кровь в сосуды и кропили с помощью ивовых ветвей народ этой кровью; в огромных котлах варили мясо жертвенных животных, оделяя им всех участников жертвоприношения. Потом женщины убирали храм, чистили его, мыли идолов водой из священного источника.

Но в роще, окружавшей храм, все время висели воронью на потребу пронзенные тела людей и животных. В этой-то

роще и имел обыкновение уединяться конунг Адильс для своих жертвоприношений и волхований.

— Здорово выглядит! — сказал Хельги, указав на храм, его знаменосец.

— Надеюсь, нам придется иметь дело с людьми чаще, чем с богами, — хмуро ответил Хельги.

Обширная усадьба Адильса, огороженная высоким частоколом, была выстроена в самой середине города. Отряд датчан загремел по плитам широкого двора, окруженного множеством нарядных построек. Хельги нахмурился, увидев королевские палаты.

— Невесело, должно быть, живется тут Ирсе, — только и пробормотал он.

Из полумрака навстречу высыпали слуги. Конюх принял коня под уздцы. Хельги спешил и шагнул к распахнутым дверям, зиявшим, точно вход в пещеру. Шагнул и тотчас замер, и уже больше не видел ничего, кроме фигуры в белом, выступившей ему навстречу.

— Здравствуй, конунг Хельги, — сказала женщина и добавила дрогнувшим голосом: — Здравствуй, родич.

— О, Ирса, — он схватил ее за руки. В синем сумраке едва угадывалось ее лицо, только глаза блстели небесной голубизной. Над головой Ирсы разгоралась вечерняя звезда.

Начальник стражи сказал:

— Государь ждет тебя.

— Что ж, пойдем, — промолвила Ирса и пошла вперед, показывая дорогу.

Хельги последовал за ней, расправив плечи.

Адильс сидел, кутаясь в меха, на своем высоком троне. Золото, точно вспыхивающие во мраке языки пламени, сияло у него на лбу и на груди, на пальцах и на запястьях. Быть может, мрак казался еще плотней от того, что по палате стлался серый и удушливый дым.

— Добро пожаловать, мой друг, конунг Хельги. — Конунг шведов пробормотал эти слова так тихо, что его голос был едва слышен сквозь треск дров. — Я рад, что ты посетил меня.

Хельги пришлось пожать пухлую ладонь Адильса. Адильс говорил и вел себя так, чтобы Скьёлдунг не почувствовал своего превосходства. Наконец Ирса перебила мужа:

— Позволь мне усадить нашего гостя, чтобы вы перед трапезой выпили в честь друг друга.

Ирса отвела гостя на скамью напротив хозяина палаты и в течение всего вечера подносила Хельги рога с пивом и медом. В эти минуты их пальцы соприкасались, и тогда он ловил ее взгляд, а его губы трогала смутная улыбка, странная на суровом лице знаменитого воина.

Хельги и Адильс скупово поведали друг другу о том, что нового в их владеньях. Но дружинники — и датчане, и шведы — вели себя более непринужденно. Появился скальд и запел свои висы. Среди них была одна, в которой певец восславил Хельги, и датский конунг наградил его полновесным золотым запястьем. Повернувшись к Ирсе, которая сидела подле мужа, Хельги, казалось, спрашивал ее взглядом, мол, не ты ли надоумила скальда?

Прошла неделя. Адильс потчевал гостей, показывал им свою столицу, сопровождал со своими охотниками на травлях, беседовал о торговле и рыбных промыслах и ни словом не обмолвился о том, для чего, как он знал, Хельги на самом деле приехал к нему. Не заговаривал об этом и датский конунг. Он скрывал свои чувства и терпеливо ловил случай увидеться с Ирсой наедине.

Их представилось ему несколько. Первый раз это случилось вскоре после приезда. Хельги, под вечер затравив оленя, в сопровождении своих людей, мокрый, заляпанный грязью, с луком у седла, въехал на королевский двор. Он спешился, снял с лука тетиву.

— Государь мой Адильс в отъезде, — сказал конюх, принимая поводья.

Хельги оглянулся. На галерее светлицы, точно утонув в бездонной синеве неба, стояла Ирса. Последние лучи солнца еще освещали ее, вспыхивая огнем на ее одеянье и рассыпая искры в волосах.

Звякнула тетива.

— Здравствуй, родич, — голос Ирсы звучал спокойно, слова, спорхнувшие с ее губ, точно закружились среди проносившихся со свистом стрижей. — Не хочешь ли, ожидая конунга Адильса, провести время за медом и беседой?

— Благодарю тебя, госпожа, — отозвался Хельги, сдерживаясь, чтобы не взбежать по лестнице.

Сенная девка принесла им меду. Следуя немому приказу в очах королевы, Хельги прикрыл дверь. Они стояли на галерее, на виду у всех так, что никто бы не смог ни позлословить о них, ни расслышать их беседы. Перед ними про-

стирался двор королевской усадьбы, за ней — город, подернутый дымкой сумерек, а за городом, среди нив, — бегущая к чернеющим на юге лесам река Фюрис. Издали невнятно доносился скрип колес, стук копыт, шум шагов и человечесьи голоса; кузнец — точно колокол гремит — стучал молотом по железу; где-то то и дело взлаивала собака. И все же они чувствовали — над ними простерлась тишина. Прохладный ветер забирался Хельги под мокрый плащ.

Ирса подняла кубок из заморского стекла.

— За твое здоровье, — сказала она Хельги.

Они сдвинули кубки, потом он сделал долгий, обжигающий глоток. Хельги и Ирса допили свой мед до дна, но продолжали стоять молча — не могли найти подходящих слов.

— Я рад тебя видеть, — наконец выговорил Хельги. — Семь лет прошло.

За это время Ирса стала взрослой женщиной. Легкая в кости, она двигалась теперь все же медленнее — чтоб не сказать «тяжелее», — чем прежде. Тени залегли под скулами и вокруг глаз. На коже появились первые морщинки. Косые лучи заходящего солнца еще резче подчеркивали их и, скользнув по ее груди, освещали пальцы, сжавшие ножку кубка.

— Они не прошли для тебя даром, эти семь лет, — тихо сказала Ирса. — Ты похудел и поседел.

— Я потерял тебя, любовь моя. — Хельги опять помолчал, потом добавил: — И твой сын — тоже. Видела бы ты, какой это красивый отрок.

— Твой сын... Наш... — Ирса покачала головой: — Это навеки в прошлом.

— Неужели? Ты, верно, поняла, что я приплыл сюда, не только чтобы вести переговоры о сельдьяных промыслах. Я хочу забрать тебя домой.

— Не надо. Заклинаю тебя всем, что у нас было, не надо... отец.

Мука скривила его рот. Он отвел от нее глаза, посмотрел на храм на холме, на чернеющий вдаль лес, потом спросил:

— Как тебе здесь живется?

Ирса только вздохнула в ответ.

— Что он сделал с тобой? — почти вскричал Хельги.

Ирса в ужасе поглядела на двор, по которому сновала челядь, на дверь за их спиной, за которой сидела ее служанка — всюду глаза и уши, глаза и уши, и языки, языки, длинные языки.

— Тише, — взмолилась Ирса, — ты не должен вынуждать меня говорить о нем худое, я дала ему слово.

— Но прежде ты дала его мне.

Ирса выронила кубок. Кубок разбился. Мед обрызгал ее ноги, закапал между досок настила. Руки Ирсы тряслись.

— Мы не ведали, что творили.

— А с Адильсом ты это ведала?

Ирса напряглась.

— Ведала.

— И что же?

— То, чего я и ожидала.

— Он обращается с тобой, как приличествует твоей чести?

Ирса услышала, как Хельги застыл в ожидании слова «нет».

— Да, — ответила она. — Ты это видел и сам. Я — королева мощной державы. У него... у него даже нет других женщин. — Ирса замолчала, почувствовав, что у нее пересохла губы. — Да и меня он не очень домогается. И это меня вполне устраивает.

— Как же ты одинока, — прохрипел Хельги так, точно его грудь пронзили копьём.

— Нет, нет, нет... Все не так плохо. У меня есть мои девушки — ты же видел их — они относятся ко мне как к матери. Они поверяют мне свои беды, они ищут моих советов, и я стараюсь их получше выдать замуж... У меня есть мои обязанности в усадьбе, и в храме, и во всем ином, как это должно быть у королевы. Я могу кататься на лодке по озеру. У нас бывают гости...

— Много? Я что-то не слышал, чтобы Адильс славился гостеприимством.

Ирса покраснела. Хельги знал, что она стыдится скупости своего мужа и стесняется признаться себе в том, что он об этом знает.

— Гости и те, кто приходят к нам на службу, — торопливо продолжала она. — Ярлы, вожди, скальды, купцы, чужестранцы. Они отовсюду приносят нам вести. Я... я даже научилась готовить. — Ирса улыбнулась вымученной улыбкой. — Ты не поверишь, как я теперь разбираюсь во всяких травах. Не

только в приправах, но и в целебных тоже, вообще во всяких снадобьях, потому что я... я хочу стать ведуньей.

Хельги, обернувшись на храм, пробормотал:

— Или ведьмой?

— Нет! — Голос Ирсы задрожал от ужаса.

Она подумала о телах мертвецов, которые ветер раскачивал на ветвях священной рощи, и об Адильсе, который, сидя на ведьмином треножнике, горбился над котлом, в котором кипело невесть что.

— Нет-нет, я к тому не причастна!

Ирса отпрянула от Хельги, сжала кулаки и проговорила дрогнувшим голосом:

— Никогда я не совершу того, что не подобает вершить Скьёльдунгам. Никогда... потому и к тебе не смогу вернуться... любимый.

Они не могли длить беседу. Ирсе нужно было проследить за тем, чтобы к возвращению мужа палата была готова для вечерней трапезы. На этой трапезе Хельги напился до беспмятства.

Потом им с Ирсой удавалось еще несколько раз поговорить наедине. Но всегда эти беседы кончались одним и тем же. Но, конечно же, чаще Хельги беседовал с Адильсом, пытаясь осторожно выведать мысли Инглинга. Но тот оставался непроницаемо-вежлив.

— Да-да, — говорил он, беря Хельги за руку и точно не замечая, как тот кривится, — я рад твоему появлению, родич, и рад тому, что мы понимаем друг друга. Ведь не должно быть раздоров между такими родственниками, как мы с тобой, не так ли? И, полагаю, мы-то связаны с тобой теснее многих благодаря моей жене, твоей дочери и тем несчастьям, которые вас постигли и которые я, осмелюсь сказать, исправил, заключив с ней почетный брак и принеся жертвы на алтарях богов и, хм-хм, кое-где еще.

Люди Хельги неоднократно предупреждали его, говоря примерно так:

— Дело нечисто, государь. Я не то чтобы в дружбе со шведами, нет. Но мне случалось пить или охотиться или там рыбачить с некоторыми из них, или побаловать с девчонками или двумя — что-то затевается против нас. Они мне сказали, что их вожди все шепчутся по углам, видно, что-то замышляют. Возьми это на заметку, государь, ты ведь

еженощно пьешь с ними — погляди, не покажется ли и тебе то же самое?

Но Хельги, чье сердце переполняла Ирса, только отмахивался:

— Это, верно, из-за неприятностей на севере, куда они уехали почти всю дружину. Они еще, пожалуй, обидятся, если я начну любопытствовать.

Через неделю Адильс тайно получил известие о том, что его дружина воротилась и затаилась в чаще по его приказу. Он извинился перед гостями и уехал к своим войнам. Там он приказал предводителю своих берсерков, лохматому, уродливому верзиле Кетилю, устроить засаду в зарослях и напасть на датчан, когда они станут возвращаться на корабли.

— Я вышлю воинов из города вам на подмогу, — пообещал конунг Адильс. — Они ударят с тылу, и вы вместе сокрушите врагов. Потому что датчане — враги наши. Я готов рискнуть чем угодно, чтобы Хельги не ушел живым. Ибо я подметил в нем такую великую любовь к моей королеве, что не знать мне покоя, покуда он жив.

А тем временем Хельги и Ирса в последний раз говорили без свидетелей.

— Ты не хочешь ехать со мной, — сказал Хельги, — что ж, я уезжаю.

— Поезжай с миром, любимый, — прошептала в ответ Ирса.

— Ты твердо все решила, и что же тут поделаешь, но я бы хотел... — и, всплеснув руками, Хельги ушел.

Ирса смотрела ему вслед и продолжала смотреть еще долго после того, как он скрылся из виду.

Хельги сказал на пиру Адильсу, что он уезжает домой. Королева Ирса, оборотясь к мужу, проговорила негромко, но так, чтобы ее услышали все:

— Полагаю я, что, поскольку наш гость связал наши дома узами дружбы, нам приличествовало бы отпустить его с дарами, достойными этой дружбы.

— Конечно, конечно, — сразу же согласился Адильс.

— И даже не отнекивается, — пробормотал один из пьяных челядинцев Адильса. — Что-то случилось с нашим скупердям-толстяком?

Но все остальные были так рады тому, что все закончилось благополучно, что не обратили на это внимания. Даже

Хельги немного повеселел. Теперь, по крайней мере, никто не скажет, что он вернулся ни с чем.

Утром перед толпой провожающих Адильс появился с повозкой, запряженной шестеркой белых коней из южной страны.

— Это мой дар тебе, родич, — улыбнулся он, — это и кое-что еще.

Гул одобрения прошел по толпе, когда рабы начали выносить дары из амбаров: тяжелые золотые кольца и фибулы, серебряные ларцы, полные звонкими безантами, тускло поблескивающие мечи и топоры, бивни моржей и нарвалов, покрытые искусной резьбой, кубки, украшенные самоцветами, одежды из дорогих тканей, янтарь, меха, невиданные товары из неведомых стран — и все продолжали грузить, пока тележные оси чуть не треснули.

Хельги покраснел, пытаясь подыскать слова благодарности. Он не мог понять, то ли этот ухмыляющийся, вкрадчивый юнец хочет выставить его на посмешище, то ли, наоборот, хочет его подкупить. Потом он посмотрел на тоскующую Ирсу и решил, что все это делается ради нее.

Конунг шведов и его королева сели на коней, чтобы проводить гостей часть пути. Адильс непринужденно болтал. Хельги и Ирса молчали. Вскоре Инглинг придержал коня.

— Что ж, родич, — сказал он, — пришло время прощаться. Я надеюсь на следующую встречу.

— Будь и ты нашим гостем, — хрипло отозвался Хельги, — и ты, и твоя королева.

— Мы придем тебе весть, конунг Хельги, и, быть может, раньше, чем ты ожидаешь.

Адильс повернул коня. Хельги дотронулся до руки Ирсы.

— Будь счастлива, — торопливо прошептал он. — Я люблю тебя. Однажды...

— Однажды... — повторила Ирса и поскакала вослед мужу и его свите.

Хельги ехал во главе своего отряда. Река журчала и блестела под лучами солнца. Тени деревьев дрожали на воде. Зимородок, голубой, как парящая стрекоза, нырял в струи потока. Стучали копыта, скрипели седла, звенела сталь. Воздух был душен. Воины, потя, отгоняли жужжащую мошкарку.

На западе за лесом стеной вставала грозовая туча, в небе перекатывался дальний гром.

Вдруг послышался лязг металла. Наперерез Хельги из зарослей вылетел отряд воинов во главе с дюжиной полубоженных великанов, которые рычали, брызгали слюной и грызли края своих щитов.

Хельги поднял коня на дыбы и закричал:

— Что это, клянусь Локи?

— Сдается мне, что конунг Адильс решил забрать свои дары, — ответил старший корабельничий.

— Ирса, нет!.. Ирса... — Хельги попятился, готовый, казалось, отступить первый раз в жизни.

И тут в тылу у его дружины появился еще один неприятельский отряд. Они, должно быть, прокрались боковой тропой из Упсалы и поджидали в засаде: Хельги, несмотря на опущенные забрала, узнал некоторых воинов.

Хельги спешился, отстегнул висевший за седлом щит и приготовился к схватке. Он возвышался над всеми своими воинами; только его стяг, развернутый посвежевшим ветром, гордо реял над его головой.

— Похоже, мы оказались между молотом и наковальней, — сказал Хельги. — Что ж, должно быть, мы окажемся металлом потверже, чем они рассчитывали.

Река и высокий, поросший лесом берег не дали дружине построиться для прорыва «свиньей», то есть клином: по краям одетые в броню воины, посередине — лучники и пращники. В тесноте смерть грозила со всех сторон. Датчане во главе с конунгом бросились в схватку с громким боевым кличем. Меч конунга, вспыхнув на солнце, со свистом покинул ножны.

Хельги бросился навстречу первому шведу — рослому воину в блестящей кольчуге.

Швед, покачнувшись, отразил удар щитом. Хельги с криком продолжал атаковать. Его клинок так и вертелся в воздухе, взлетая и падая, ударяя по вражьи щиту и шлему. Хельги буквально отбросил неприятеля обратно в ряды шведских воинов, из которых тот было выступил. Шведу показалось, что он сможет дотянуться мечом до бедра Хельги. Он попытался сделать это и в тот же миг получил такой удар по руке, что кровь забила ключом. Противник Хельги пошатнулся и рухнул под ноги атакующих воинов.

Страшный удар обрушился на щит Хельги. То была двуручная секира из тех, что благодаря своему весу способны пробить любую броню. Хельги бросился вперед и, пригнувшись, так что секира прошла над его головой, рубанул врага по ноге.

Чье-то копье ужалило Хельги в икру, но он, не обращая внимания на рану, помчался на врага с криком: «Вперед, вперед!» Он знал, как вызвать со дна своих легких такой крик, который может перекрыть все другие крики, рев, звон мечей и стоны на поле боя. Хельги кричал:

— На прорыв, на прорыв!

Он видел над сумятицей колеблющихся шлемов, что если его люди сумеют прорвать вражий строй, то уже ничто не будет им угрожать с тыла. Тогда меньшинство оседлает дорогу, а большинство сможет прорваться к кораблям.

Это была долгая битва. Хельги схватился с берсерком. Увы, раненый конунг датчан потерял свою былую стремительность. Озверевший берсерк поднял секиру и обрушил ее на Хельги ударом неотвратимым как сама смерть. Щит конунга раскололся и левая рука повисла плетью. Он пошатнулся. Если бы он мог напасть на берсерка со свежими силами!

Датчане сражались упорно, погибая один за другим. Тело Хельги было истыкано копьями везде, где его не прикрывала броня, а под броней покрыто ужасными кровоподтеками; кровь и пот хлюпали в сапогах. И все же конунг Хельги продолжал сражаться, кося врагов мечом.

Еще один берсерк бросился на датского знаменосца. Юноша не устоял. Мозг брызнул из рассеченной головы. Знаменосец рухнул, и с ним рухнул в грязь датский стяг. Так датчане потеряли знамя, вокруг которого они могли бы сплотиться для новых атак. Только шведский золотой всепререял теперь над схваткой. Шведы усилили натиск.

Тучи почернели, задул холодный ветер, небо на закате стало бронзово-желтым.

Хельги оттеснили от последних из оставшихся в живых датчан. Теперь он владел только правой рукой, защищая себя иссеченным и затупленным клинком меча. Убитые и раненные отмечали его путь сквозь вражеский строй, но все новые враги бросались на конунга. Хельги попытался перейти вброд реку, чьи воды тотчас покраснели от его крови. Но в реке его уже поджидал главарь королевских берсерков,

Кетиль, с воем и ревом атаковавший Хельги. Удар за ударом посыпались на конунга точно град, который пошел в эту минуту. Казалось, что сам берсерк не чувствует тех ударов, которые Хельги попытался нанести ему в ответ.

Люди слышали, как Хельги прохрипел:

— Гарм сорвался с цепи и пожрал Луну...

С этими словами он упал, и река понесла к морю ту кровь — не много ее осталось, — которую он не пролил в бою.

Вместе с Хельги погибли все, кто сошел с ним на берег. Остальные датчане, получив донесения дозорных, уплыли в Данию.

А Ирса рыдала.

Здесь кончается сказание о конунге Хельги.

СКАЗАНИЕ О СВИПДАГЕ

1

Ирса рыдала.

Она ничего не знала о том, что приказал своим воинам Адильс, до тех пор, пока все не свершилось. Тогда Ирса прокляла мужа, пожелав ему всякой болезни:

— И чтоб твоя ладья не могла плыть при попутном ветре, — кричала она, — и чтоб твой конь не смог бежать, унося тебя от убийц, и чтоб твой меч не смог нанести ни одного удара, кроме удара своему хозяину. Хоть ты не тот, кто создан для ладьи, коня и меча — ты старая ведьма, ворон, клюющий падаль!

Адильс дождался, когда у Ирсы прошел приступ бурного гнева, и тихо сказал плачущей жене:

— Я не мог поступить иначе. Ты же знаешь, Хельги в конце концов, а я так думаю, что вскоре, сверг бы и убил меня, а тебя бы увел силой и обрек бы на жизнь, исполненную позора, от которой ты бежала сама.

Ирса, глотая слезы, встретила с Адильсом взглядом — точно мечи столкнулись — и сказала ему:

— Негоже тебе оправдываться после того, как ты предал воина, коему я обязана более чем кому-либо. И потому знай, что я никогда не буду на твоей стороне, если тебе когда-нибудь придется иметь дело с людьми конунга Хельги. И, кроме того, я погублю твоих берсерков — убийц Хельги, как только найду парней настолько храбрых, чтобы сделать это для меня и для своей славы.

— Гордые слова, Ирса, да только пустые, и ты сама знаешь это, — ответил Адильс. — Положим, я тебя отпущу —

куда ты пойдешь? Перестань угрожать мне и моим берсеркам, этим ты ничего не добьешься. Но я, если хочешь, заплачу тебе виру за убийство твоего отца: дам сокровищ, награжу землями.

Королева ушла, но вскоре вернулась молча, с каменным лицом, приняв предложение Адильса. Многие удивлялись, почему вместо этого она не уехала в Данию к конунгу Хроару. Сторонники Ирсы полагали, что на это у нее было три причины. Во-первых, ей, дочери и жене конунга Хельги, не пристало быть ни беглянкой, ни нищенкой. Кроме того, она хотела своими руками обмыть тело Хельги, закрыть ему глаза, обуть в погребальную обувь, проследить, чтобы его со спутниками погребли с честью и продолжали воздавать честь их могилам. Наконец, она мечтала отомстить Адильсу сама, понимая, что в этом ей нечего надеяться на Хроара.

Никто не видел с тех пор королеву Ирсу счастливой. Пир в королевской зале стали еще тягостнее. Раз попытавшись, Адильс перестал делить ложе с Ирсой. Всякий раз, когда ей удавалось, она поступала вопреки его воле. Без сомнения, Адильс продолжал терпеть жену только из-за ее сильной родни, ее сторонников в Свитьод и ее приданого.

Корабли принесли в Данию горькие вести о гибели Хельги. Хрольф сын Хельги, и не он один, стал призывать к войне со шведами.

— Это нам не по силам, — сказал его дядя. — Но не думай, что я не горюю о брате.

И он ушел, надвинув на лицо капюшон, чтобы скорбеть в одиночестве.

Вскоре к датским берегам подошли шведские корабли. Предводитель шведов от имени конунга Адильса сказал, что хотя Хельги был сам виноват в своей гибели, так как замыслил недоброе против повелителя Упсалы, но все же его господин хочет все уладить, дабы мир царил между двумя королевствами.

Хроар взял виру за убийство Хельги и поклялся не мстить.

Адильс предвидел такой исход, иначе никогда не отважился бы нанести подлый удар. Благодаря своим соглядатаям, а быть может, и колдовству конунг знал, как обстоя-

ли дела в доме Скъэльдунгов. Хроару тогда было не до войны.

Незадолго до того умер зять Хроара, ярл Сконе Сэвиль. Его сын Хрок — грубый и жадный парень — полагал, что может претендовать на большее за ту поддержку, которую его отец оказал когда-то Хроару и Хельги. Он взбесился, когда ему отказались отдать то знаменитое запястье, что когда-то намололи Фенья и Менья. Частью ради матери Хрока, своей сестры Сигню, частью, чтобы не поднимать раздоров, Хроар пока не лишал Хрока титула ярла, но уже не мог вполне полагаться на верность Сконе.

Более того, собственные дела Хроара шли неладно и он ждал скорой войны.

У его дяди Фроди, которого он когда-то спалил, от первой жены Боргхильд Саксонки остался сын Ингъяльд. Фроди отослал его на воспитание к деду, сильному конунгу, который правил землями в устье Эльбы. Теперь Ингъяльд стал могучим вождем и надеялся занять престол после смерти своего родича. К тому же Ингъяльд недавно овдовел.

Хроар полагал, что такой союзник обезопасит его владения с юго-запада, и тогда ему будет не страшен ни шведский ярл на Альсе, ни то, что к этому ярлу прислушивается конунг Шлезвига. И тогда Хроар получит прочный мир, который развяжет ему руки, чтобы обустривать Датскую державу. Он надеялся выдать свою дочь Фрейвар за ее двоюродного брата Ингъяльда.

Послы засновали между королевскими дворами. Сначала все выглядело обнадеживающе. Но тут случилось так, что в саксонских землях появился Старкад.

О Старкаде есть отдельная длинная сага. Говорят, он происходил от великанов и родился шестируким. И хотя Тор оторвал ему четыре лишние руки, но продолжал ненавидеть за его происхождение. Когда Один, который покровительствовал Старкаду, пообещал, что тот проживет три жизни, Тор сказал, что в каждой он совершит по дурному делу. Один даровал Старкаду лучшее оружие, Тор поклялся, что это оружие не завоюет хозяину ни одной державы. Один сказал, что у Старкада всегда будут деньги, Тор — что их всегда будет не хватать. Один даровал ему победу в любой стычке, Тор пообещал, что в каждой он будет ранен. Один наделил Старкада даром скальда, Тор сделал так, что

Старкад забывал свои висы, единожды их произнеся. Огромный, суровый, несчастный, Старкад бурей пронесся через весь тот век и, где бы он ни появлялся, приносил горе.

На свадьбе Ингьяльда и Фрейвар он принялся укорять жениха за то, что тот роднится с семьей убийцы своего отца, и сказал злые висы, от которых у гостей закипела кровь. Датчане и саксы припомнили друг другу старые обиды. Дело кончилось дракой и убийствами. Ингьяльд отослал Фрейвар домой, сказав при этом, что скоро он сам, во имя своей чести, предаст огню палату Хроара «Олень».

Так что в это время Хроар не мог позволить себе враждовать со шведами.

В тот год на Йоль Хрольфу сыну Хельги миновал двенадцатый год, и он уже мог считаться взрослым мужчиной. Когда во время пира по зале пронесли изображение кабана, чтобы каждый мог принести обет, он тоже возложил на идола руки и поклялся никогда не отступать ни перед огнем, ни перед железом.

Люди закричали, что Хрольф — настоящий сын своего отца. Но все же некоторые подумали про себя, что, быть может, он пойдет не в отца, а в дядю, что он, такой спокойный и задумчивый, станет, пожалуй, Скьёльдунгом-лежебокой. В конце концов, у Хрольфа было странное происхождение, а у его сестры — вообще сверхъестественное.

Сомневающимся пришлось изменить свое мнение тем же летом. Когда саксы пересекли Малый Бельт, датчане встретили их на побережье Фюна. Битва насытила волков и воронов со всей округи. Хрольф еще не достиг своего полного роста, который, кстати, был невелик, так что нуждался в помощи старших. Все же он бился так доблестно и так для своих лет умело, что заслужил похвалы от всей дружины.

В грохоте и звоне битвы, в криках и вое воинов, калеча и убивая врагов, датчане сокрушили саксов. Так пал Ингьяльд сын Фроди.

Но в этой же битве погиб и Хродмунд, старший сын Хроара.

В печали вернулся домой датский конунг. С тех пор Хроар старался поддерживать мир любой ценой. Это было нужно ему еще и потому, что его младший сын Хрёрик, который был годом старше Хрольфа, пошел не в родню.

Несколько следующих лет показали, что это у Хрёрика, а вовсе не у Хрольфа течет в жилах дурная кровь. Хрёрик был ленив, труслив и жаден. Вокруг него собралась шайка дерзких юнцов и приживал, которые научились льстить своему хозяину, убажывая его и угрожая всем остальным. Быстро стареющий Хроар все больше привязывался к племяннику.

Умерла королева Вальтйона.

Потом случился пожар и палата «Олень» сгорела дотла.

Однажды Хрёрик с отцом отправились на корабле в Сконе, где конунг намеревался провести обряды праздника жатвы и тем напомнить тамошнему народу о себе, а также привести к повиновению и, как он надеялся, к дружбе Хрока сына Сэвиля. Путь через Зунд не долг, поэтому все отправились в дорогу в парадном платье. На руке Хроара поблескивало запястье в виде змеи.

— Ты должен мне его отдать, — сказал отцу Хрёрик.

Он был уже изрядно пьян.

— Я получил его от брата, — ответил Хроар, — и буду носить его до дня своей смерти.

— Ладно, тогда дай хоть посмотреть. Это ведь, поди, теперь, когда твоя усадьба сгорела, наше главное сокровище, а я никогда его толком не видел.

Хроар снял запястье и протянул его сыну. Хрёрик сжал украшение в пальцах. Глаза Мирового Змея, в виде которого было выковано запястье, вспыхнули огнем.

— Ладно, — сказал юнец, — тогда пускай ни один из нас не владеет им.

И он бросил запястье за борт.

Кормчий прервал свое монотонное пение, весла забили по воде невлад. Стон пронесся по кораблю. Пропажа запястья была дурным предзнаменованием.

Хроар в печали закрыл лицо плащом.

В ту же зиму он умер.

Хрёрик только и ждал этого. Понятно, что Хрольф не восстал против сына того человека, который заменил ему отца, и датчане провозгласили Хрёрика конунгом.

Почти сразу земли, собранные когда-то трудами Хельги, отложились от Датской державы. Дело было не только в старой гордыне местных вождей: они не верили в нового правителя, известного своей ленью и скаредностью. А когда

Хрёрик сделал лишь слабую попытку вернуть их обратно, они поняли, что верно его оценили.

— Не будем дураками, — сказали вожди подвластных Дании земель. — Отныне мы позаботимся о себе сами.

Самым тяжелым ударом было то, что ярл Оденсе — озера Одина — заявил, что будет независимым конунгом, как когда-то его отец. Оденсе — город не меньше Роскильде, но гораздо более древний, кроме того, там находится главное капище Дании. Вскоре и Фюн вышел из-под власти Лейдрского престола.

Снова появились разбойники; викинги принялись разорять побережья; юты, саксы и венды легко совершали набеги и готовились к большому походу на Данию.

И вот тогда зelandские вожди собрались и восстали. Хрольф, однако, сказал, что не пойдет войной на родича. Они же в ответ заявили, что поступят по-своему, что бы он ни говорил, и провозгласили его правителем.

Хрёрик в ярости послал убийц в дом Хрольфа, так что тот с трудом сумел спастись. Теперь ему не оставалось ничего другого, как обнажить меч против сына своих любимых дяди и тети.

Хрёрик пал в битве. На тинге дружина и бонды провозгласили Хрольфа сына Хельги своим повелителем. В печали он водрузил на себя знаки верховной власти и начал править разваливающейся державой.

А в это же время сильно выросли мощь и богатство Адильса конунга Свитьод, так что многие воины считали за честь служить при его дворе.

2

К западу от равнины, на которой расположен город Упсала, круто вздымаются ввысь заросшие густым лесом горы Свитьод. Это страна орлов и медведей, бурных потоков и глубоких ущелий. Здесь проживал хуторянин по имени Свип. Его усадьба находилась вдалеке от других хуторов, и была она как раз того размера и с тем числом работников, чтобы дела у Свипа шли прекрасно. В молодости он был отважным воином и не раз отправлялся в викингские походы. Надо сказать, что Свип был гораздо мудрее, чем могло показаться со стороны. Этот седой, дородный старик, чьи глаза косили,

а нос был сломан в бою, обо всем имел свое мнение. Хотя он и не был колдуном, но многие считали его ясновидцем и были уверены, что ему являются вещие сны.

У Свипа было три сына: Хвитсерк, Бейгад и Свипдаг — все, как на подбор, силачи, умельцы и красавцы. Свипдаг, хотя и был младшим, превосходил своих братьев ростом и силой.

Когда ему исполнилось восемнадцать зим, он предстал перед отцом, желая поведать ему свои думы:

— Что за скучную жизнь ведем мы здесь среди простолюдинов, ни к кому не ездим в гости и никого не принимаем у себя. Уж лучше мы присоединимся к воинам конунга Адильса, если он согласится принять нас в свою дружину.

Хуторянин Свип, нахмурившись, ответил сыну так:

— Сдается мне, это решение нельзя назвать мудрым. Я знаком с конунгом Адильсом с давних пор и знаю, что слова его могут быть столь же лживы, сколь велики его посулы. И хотя дружинники его сильны и отважны, но нередко они ведут себя как шайка негодяев, — и, на миг погрузившись в свои вещие думы, добавил: — Все же конунг Адильс — сильный и прославленный властелин.

Свипдаг нетерпеливо махнул рукой:

— Без риска не бывает победы, и никто не может знать заранее, сможет ли он удержать свою удачу. Одно я знаю наверняка — не желаю больше сидеть здесь, что бы ни ожидало меня впереди.

Хуторянин внимательно посмотрел на своего сына. Свипдаг был высок, широкоплеч и по-юношески угловат, однако его румяное, обветренное лицо уже покрывала густая русая борода. Он стоял в лучах полуденного солнца на фоне зелени сосен и голубизны небес. Пора сенокоса уже миновала, и весь хутор был пропитан мирным сладковатым запахом скошенной травы.

— Что ж, в добрый час! — сказал Свип. — Я ведь тоже когда-то был молод.

Хвитсерк и Бейгад решили не перечить родительской воле и до поры остались на хуторе. Единственному сыну, который в одиночку отправлялся в поход, Свип приготовил прекрасные подарки: коня, достаточно высокого, чтобы ноги рослого всадника не волочились по земле, полное воинское

облачение, острую, тускло поблескивающую секиру да множество добрых советов, вроде:

— Никогда не задевай других и никогда не хвались: победителю нет нужды повсюду отстаивать свое доброе имя. Но если кто заденет тебя самого, не давай ему спуска, ибо опытный воин говорит не повышая голоса, но в случае угрозы без лишних слов устремляется вперед.

Он не боялся за Свипдага, случись тому попасть в драку. Недаром он сам терпеливо, по несколько часов в день обучал своих сыновей ратному мастерству.

Итак, Свипдаг обнял на прощание своих родичей, лучших друзей из числа работников со своего хутора, а также девушку, с которой провел не одну ночь, — и отправился в путь. Некоторое время они слышали его веселую песню, пока ее не заглушил шум водопадов.

Хотя Свипдаг никогда не уклонялся от схватки, в пути ему не встретилось ни одной опасности. Его добродушие открывало перед ним двери всех домов, и не было отбоя в приглашениях остаться на ночлег. По дороге он узнал, что конунг Адильс и королева Ирса пребывают не в Упсале, а в своей усадьбе на берегу озера Мелар. Королева обычно проводила там много времени летом, пока конунг объезжал тамошние владения.

Свипдаг прибыл туда под вечер. Вокруг него обширные леса и пашни спускались к озеру столь великому, что его противоположный берег терялся вдаль. На сияющей в лучах заходящего солнца озерной глади виднелось лишь несколько островов. В прохладном и сыром воздухе подолгу звучало эхо криков и звона, доносившихся из усадьбы. Свипдаг остановил коня у ворот в частоколе, окружавшем усадьбу и службы. Ворота были на запоре, и никто не спешил открывать их. Воины либо купались в озере за усадьбой, либо играли в мяч, либо с увлечением наблюдали за игрой. Свипдаг крикнул, чтобы его пустили внутрь. Несколько воинов, услышавших этот крик, лениво посмотрели в его сторону, но тут же вернулись к игре.

Свипдаг поднял своего коня на дыбы. Копыта с силой ударили по дереву, засов разбился в щепки, ворота распахнулись, и Свипдаг въехал во двор.

Конунг Адильс расположился на свежем воздухе, вольготно раскинувшись в позолоченном кресле. Его двенадцать берсерков стояли вокруг — грязные, нечесанные, угрюмые.

Так же неприятно было смотреть на них, как и вдыхать исходящее от них зловоние. Берсерки, закованные в сверкающую броню, угрожающе заворчали во внезапно воцарившейся тишине.

— Этот воин безрассудно рвется вперед, — медленно процедил сквозь зубы Адильс. — Такого еще никто себе не позволял. Должно быть, он слишком высокого мнения о себе.

Свидаг остановил коня, спешился и широко улыбнулся.

— Приветствую тебя, конунг Адильс, мой господин! — начал он. — Несомненно, только конунга могут окружать столь прекрасные воины. Меня зовут Свидаг. Мой отец, Свип сын Арнульфа, проживает нынче далеко в Вестманланде, а когда-то он был знаком тебе.

— Сдается мне, вряд ли по совету отца ты явился сюда столь вызывающим образом, — ответил Адильс.

— Нет, господин. Я просил пропустить меня во двор, но никто не удосужился сделать это. Подобная нерадивость твоих людей наносит урон твоей чести. Надеюсь, тебе понравился тот урок хороших манер, что я преподал им нынче.

— Что? — возмутился Кетиль, один из берсерков. — Да я раздавлю тебя как таракана!

Он выступил вперед. Свидаг, продолжая улыбаться, потянулся к своей секире, притороченной к седлу.

— Стойте! — приказал Адильс. — Давайте сначала закончим разговор. Я помню Свипа. Он отважно бился за меня против Али, тогда, на льду... Так что же сын Свипа хочет от нас?

— Больше всего я хочу поступить к тебе на службу, мой господин, — ответил Свидаг.

Адильс приказал ему сесть рядом. Свидаг уселся на бревно, неподалеку от Адильса, который, продолжая следить за возобновившейся игрой в мяч, милостиво беседовал с пришельцем. По виду берсерков было понятно, что подобное поведение конунга ужасно их злит. Когда объявили, что ужин готов, и конунг направился в залу, берсерк Кетиль шепнул, наклонившись к нему:

— Мы собираемся бросить вызов этому дикарю, чтобы покончить с ним, пока он не натворил новых бед.

Адильс задумчиво почесал нос.

— Не думаю, чтобы вы легко справились с ним, — ответил он тихо. — Хотя, м-м-м, пожалуй, попробуйте. Мне будет

интересно узнать, действительно ли этот парень так силен, как кажется со стороны.

Зловещий оскал скривил и без того отвратительное лицо Кетиля.

Когда воины рассаживались в зале, он приотстал от конунга, направился к Свипдагу, попытался ухватить парня за плащ пониже горла и зарычал:

— Ну что? Ты все еще считаешь себя столь же отважным воином, как мы — берсерки, и собираешься и дальше так же нагло вести себя?

Свипдаг вспыхнул. Он отвел мощную руку берсерка в сторону и заявил так громко, чтобы слышали все, кто находился в зале:

— Я ни в чем не уступлю ни одному из вас.

Берсерки, взревев, кинулись на обидчика. Никто не брал с собой оружия в залу, поэтому Свипдаг оставил свои кольчугу и секиру в сенях. Однако двенадцать берсерков имели с собой кое-какое оружие. Остальные воины очистили им путь, стараясь сделать вид, будто они вовсе не опасаются за свою жизнь.

— Стойте! Я приказываю вам остановиться! — закричал Адильс с высоты своего трона. — Остыньте. Никогда еще в этой зале не было драк, не будет и сегодня вечером.

Берсерки, повинувшись своему конунгу, остановились. Кетиль, плюнув под ноги Свипдагу, прорычал:

— Осмелишься ли ты сразиться с нами завтра? Тогда тебе понадобится нечто большее, чем громкие слова и наглые жесты. Вот мы и проверим твою отвагу.

— Я сражусь с каждым из вас. Тогда посмотрим, кто из нас лучше, — ответил Свипдаг.

Адильс кивнул. Ему захотелось проверить своих воинов, ибо долгие годы мира посеяли сомнение в том, насколько будет полезен в бою каждый из его дружинников.

Вдруг чей-то чистый высокий голос произнес:

— Добро пожаловать, отважный воин!

Свипдаг вглядывался сквозь мелькание теней и трепет пламени костров, стараясь рассмотреть, кто это произнес. Он увидел, что рядом с конунгом — но не ближе, чем требовало приличие, — сидела женщина. Она была невысока ростом, но осанка ее выдавала величие. Простой плащ, накинутый на плечи, подчеркивал красоту ее печального лица: большие серые глаза сверкали, а длинные рыжие волосы

искрились в свете костров. Это, должно быть, и была королева Ирса.

Кетиль передернул плечами и сердито обратился к ней:

— Нам давно известно, что ты хотела бы нас видеть в преисподней. Но мы не какие-нибудь слабаки, чтобы испугаться пустой болтовни и наглых выходок.

Королева повернулась к своему мужу:

— Не слишком-то ты благосклонен ко мне, если позволяешь говорить такое этим мерзавцам, в которых ты, кажется, испытываешь нужду.

Покраснев от гнева, Кетиль проворчал сквозь зубы:

— Мне плевать на тебя и твою упрямую ненависть! Мы не боимся сразиться с этим парнем!

Адилс сделал знак служанкам принести еще хмельного меда. Остальная часть вечера прошла мирно. Берсерки сидели мрачные, остальные дружинники веселились. Ирса внимательно рассматривала Свипдага, который сидел в конце залы, болтая, попивая мед вместе с другими воинами, причем он казался самым веселым гостем на этом пиру.

Позднее состоялся хольманг.

Это обычай, распространенный среди язычников, когда один воин отвечает на вызов другого, вступая с ним в схватку. Они отправляются на маленький островок, называемый «хольм», где никто посторонний не может помешать им. Четырьмя ивовыми вешками отмечают поле боя, и тот, кто в схватке будет вытеснен за его пределы, считается побежденным. Кроме того, удары принято наносить по очереди. Такая схватка может продолжаться до первой крови, или пока один из соперников не запросит пощады, или до смерти.

В этот раз за поединком наблюдало гораздо больше людей, чем обычно. Адилс собственной персоной приплыл в сопровождении своих двенадцати берсерков и уселся на ствол дерева, поваленного на краю травянистого луга. По другую его сторону, в тени деревьев смутно поблескивали железные кольчуги воинов вокруг легкой фигурки, закутанной в голубой плащ. Это была Ирса, приехавшая также со свитой воинов, которые были верны скорее своей королеве, чем конунгу.

Свипдаг возвышался поодаль, одетый в кожаную куртку и клетчатые штаны. Голову его покрывал шлем, однако воин не стал надевать кольчугу, ибо в силу своего характера не

хотел иметь никакого преимущества перед своими противниками. Не было у него и щита, поскольку его секиру следовало в бою держать двумя руками. Ирса начала кусать губы, когда увидела это. Ее голова поникла.

Кетиль злорадно взглянул на нее, прежде чем направиться туда, где колыхалась высокая трава. Он начал раскачиваться из стороны в сторону, стараясь таким образом вогнуть себя в раж. Слюна текла по его бороде. Берсерк пыхтел: его щеки покраснели от натуги. Он грыз край щита, размахивал мечом и издавал зверские крики.

Свиптаг зевнул.

— Я никогда не согласился бы, чтобы твой удар был первым, — обратился он к противнику, — если бы знал заранее, как утомительно будет ждать, пока ты распалишь свое кобылье сердце.

Кетиль взревел и заскрежетал зубами. Его меч взлетел вверх и со свистом обрушился вниз. Секира Свиптага парировала удар на полпути с оглушительным звоном и снопами искр. Затем она наотмашь ударила по щиту противника. От такого удара берсерк зашатался.

Ирса, возбужденно дыша, поднесла к груди сжатые кулаки.

Кетиль с трудом приходил в себя. Он рубил и рубил, уже не думая об очередности ударов, и каждый из них был преисполнен силы. Однако Свиптаг успешно отражал каждый удар противника и отвечал не менее мощными ударами, круша щит берсерка. Его сильные руки, привыкшие валить лес и ворочать огромные камни на отцовском хуторе, уверенно управлялись с тяжелой секирой. Грохот боя переполошил стаю птиц, которые заматались, отчаянно крича.

Внезапно секира Свиптага всей мощью обрушилась на шлем берсерка. Наполовину оглушенный, Кетиль выронил щит. Острый край секиры с мерзким чавканьем вошел глубоко между его ребрами. Кетиль вскрикнул и опустился на одно колено. Его голова упала на грудь. Свиптаг точным ударом рассек шею берсерка. Кетиль растянулся на земле. На его лице застыло изумление.

— Свиптаг! Свиптаг! О, Свиптаг! — кричала Ирса, смеясь и плача одновременно.

— Клянусь собственным удом, я отрежу твой, прежде чем ты сдохнешь! — свирепо крикнул другой берсерк и поспешил на поле боя, чтобы отомстить за павшего товарища.

Несмотря на то что Свидпаг истекал потом и тяжело дышал, он нашел в себе силы встретить нападавшего широкой улыбкой. Справиться с этим глупым берсерком было еще проще. Свидпаг сумел восстановить дыхание, дразня своего противника, подобно тому как на отцовском хуторе он дразнил быков забавы ради. Однако в нужный момент он легко сумел распороть живот самонадеянному великану. Кровь хлынула ручьями.

Вот уже третий берсерк, обезумев от ярости, отделился от свиты конунга. Он бежал через луг все быстрее, отчаянно размахивая своей секирой над головой. Свидпаг внезапно шагнул в сторону и со всей силы пнул нападавшего в голень. Безумный берсерк, потеряв равновесие, шлепнулся наземь. Секира Свидпага настигла его, перебив позвоночник.

Адилс, пораженный увиденным, крикнул своим людям, чтобы те стояли на месте. Но четвертый берсерк ослушался его. Едва успел Свидпаг, обернувшись, отразить коварный удар в спину. Вновь кинулся на него берсерк, пытаясь сбить с ног. Секира Свидпага стремительно летала в воздухе, оставляя за собой хвост кровавых брызг. Вот он упал от удара щитом, однако успев при этом размозжить нападавшему коленную чашечку. Свидпаг быстро перекатился по земле в сторону, схватил свою секиру и ловко вскочил на ноги. Вошедший в раж берсерк не чувствовал боли, поэтому он поначалу не заметил, что покалечен. Однако подняться на ноги ему так и не удалось, и он сумел противопоставить атакам своего противника только убогую защиту, на которую был способен одноногий инвалид. Свидпаг действовал быстро. Вновь его секира нанесла точный удар, и уже четыре поверженных воина лежали на лугу, а над ними роились тучи мух. Ирса воспрянула духом.

Раскрасневшийся, покрытый свежими ранами Свидпаг тяжело дышал. Его одежда была измазана землей, а волосы слиплись от пота.

В диком гневе конунг Адилс закричал срывающимся голосом:

— Великий урон ты нанес мне и теперь должен будешь заплатить за это! Гей, мои воины, все разом покончите с ним!

— Не бывать этому, пока мы живы! — закричала в ответ Ирса и бросилась вперед. Верные королеве воины последовали

за ней. По приказу Ирсы они построились вокруг Свипдага кольцом, плотно сомкнув щиты.

Оставшиеся восемь берсерков окружили их, рыча от ярости, улюлюкая, посылая проклятия и насмешки, делая вид, что вот-вот бросятся на противников. Воины королевь стояли непоколебимо, выставив вперед копья и мечи. За их спинами лучники то и дело дергали тетивы своих луков, наполняя воздух жужжащими звуками, точно рой разозленных ос готовился броситься на противников. Даже берсеркам бессмысленно было нападать на эту рать, превосходящую их числом.

Ирса подошла к своему дрожащему от ярости мужу и сказала:

— Уйми своих псов. Мои люди собираются защищать Свипдага до тех пор, пока ты не отпустишь его с миром.

— О, ты счастлива сегодня, разве не так, Ирса-сука? — ответил Адильс. Он даже сделал вид, что собирается ударить ее. Она сжала кулаки, ответила на его взгляд не менее яростным взглядом и продолжила свою речь:

— Он не набивался на драку, а приехал, чтобы поступить к нам на службу. Это твои проклятые берсерки, подобно троллям, надели на него. Ну что ж, он преподал им хороший урок! Я говорю тебе — реши дело миром! Немедленно отзови своих псов! Поверь, Свипдаг принесет тебе больше славы, чем все берсерки на свете, которые только поганят землю.

— Что заставляет тебя заботиться о моей чести, Ирса?

— Сказать правду, совсем небольшое, но, похоже, тебя она волнует еще меньше.

Далее речь Ирсы стала мягче. Прошедшие годы научили ее тому, как показать Адильсу истинную суть вещей. В конце концов она сумела помирить своего мужа со Свипдагом. Когда победитель берсерков появился в усадьбе и люди конунга и королевь узнали о случившемся, они столпились вокруг пришельца и признались ему, что никогда еще среди их соратников не было такого смельчака. Однако королева Ирса нашла возможность шепнуть ему на ухо:

— Будь начеку. Эти восемь берсерков никогда не нарушат свою клятву покончить с тобой.

Свипдаг кивнул. Прошлым вечером во время пира в королевских палатах он услышал историю о том, как был убит конунг Хельги восемь лет назад. Он подумал с юно-

шеской горячностью, что это было самым подлым из всех известных ему злодеяний, и сегодня, женщина, больше всех пострадавшая тогда, пытается спасти ему жизнь.

— Да, пожалуй, я пока еще причинил им меньший ущерб, чем бы мне хотелось, моя госпожа, — сказал он ей.

Ее глаза расширились от страха.

— Что ты имеешь в виду? Нет, Свипдаг! Берегись! Никогда не оставайся один!

Тут к ним подошли другие воины, и стало невозможно вести столь прямые речи.

По настоянию королевы Адильс отвел Свипдагу этим вечером почетное место рядом со своим тронем, выказывая учтивое обхождение и расхваливая своего нового воина, пока продолжался пир. Берсерков не было в зале. Адильс уже успел побеседовать с ними так, чтоб никто не слышал, о чем они говорили. Позже он уверял, что пытался их успокоить. Свипдаг отметил про себя, как они неуклюже уходили из залы, стараясь скрыть свою утрюмую радость. Но сын хуторянина вел себя так, словно ему ничто не угрожает. Он провел целый день, затачивая свою секиру — дескать, ни один, даже самый хороший, работник не сможет справиться с этим лучше, чем он сам. Когда конунг посоветовал ему расположиться на ночлег не в зале, а в отдельном доме для гостей, что стоял на другом конце двора, Свипдаг от души поблагодарил его... а сам, выбравшись из залы тайком под покровом темноты, увязал свое оружие и кольчугу в узел из стеганой куртки и до поры спрятал его в темном углу сеней, вместо того чтобы отнести его в дом для гостей.

В зале продолжали пировать. Хмельное лилось рекой. Было уже довольно поздно, когда Адильс пожелал ему доброй ночи. В сенях было темно, как в яме. Свипдаг был рад этому. Он сумел на ощупь найти свой шлем и кольчугу, так что никто этого не видел.

Твердо держась на ногах — ведь на самом деле он выпил гораздо меньше, чем пытался показать, — Свипдаг пересек двор усадьбы. Около дома для гостей все произошло так, как он ожидал. Восемь берсерков выступили из тени и набросились на него.

Свипдаг усмехнулся и отступил к стене, давая противникам подойти поближе. В ночной темени было трудно разглядеть, где друг, а где враг. Свипдаг единственный мог без

опаски бить направо и налево, и к тому же он был закован в броню.

Свиптаг успел убить еще одного из берсерков, когда то, что должно было произойти без лишнего шума, услышали воины в зале и выбежали посмотреть, что происходит. Они быстро прекратили драку, раздраженные позором, который берсерки навлекли на всю дружину.

Адильсу ничего не оставалось, как согласиться с этим и обвинить берсерков в том, что они не подчинились его воле и попытались сделать то, что им было строго запрещено. Конунг тут же объявил их вне закона. Берсерки покинули усадьбу, обещая однажды вернуться, чтобы отомстить за унижения и захватить всю Свитьод. Но только проклетия и язвительные насмешки неслись им вслед.

— Не стоит придавать значение их угрозам, — заметил Адильс миролюбиво, когда все воины вернулись в залу. — Ты показал, чего стоят на деле эти увальни.

— Я не совсем уверен в этом, мой господин, — ответил ему Свиптаг. Теперь он мог себе позволить напиться вдоволь хмельного меда.

— Что ж, отныне ты один должен будешь заменить мне этих двенадцать берсерков и в одиночку совершать то, что было под силу им вместе, — сказал Адильс, криво улыбаясь, и внимательно посмотрел в сторону Ирсы. Взор королевы, устремленный на Свиптага, казалось, лучился солнечным светом.

— И даже больше, — добавила она, — ибо сама королева желает, чтобы ты занял их место.

— Согласись, — продолжала Ирса, с трудом сдерживая дыхание, — и добрая норна исполнит твои желания!

Свиптаг был немного смущен, поскольку больше не хотел служить Адильсу. Однако сегодня он снискал высокие почести, да и в дальнейшем мог бы претендовать на почет и богатство, ради которых и приехал сюда. Ирса смотрела на него умоляюще...

— Да, — сказал Свиптаг. — Воистину я благодарен тебе за честь, моя госпожа.

3

Хрольфу сыну Хельги исполнилось только шестнадцать зим, когда наместники и вожди провозгласили его верхов-

ным конунгом раздробленных датских земель. Однако, надея на столь высокой властью, они прекрасно понимали, что великими правителями не рождаются и Хрольфу еще долго придется продвигаться на ощупь, пока он не овладеет искусством повелевать. Не имело значения, насколько он был умен — все равно ему трудно было избежать ошибок и просчетов. Молодой конунг был слишком мягок с воинами своей дружины, которая из-за этого превратилась в дикую шайку головорезов. Многие бонды были недовольны тем, что по примеру Адильса Хрольф принял к себе на службу дюжину берсерков.

Но он терпеливо объяснял тем, кто был не согласен с его деяниями:

— Я скорее похож на своего дядю Хроара, чем на своего отца Хельги. Мне больше нравится строить, чем разрушать. Однако Хроар не сумел бы стать тем, кем он стал, и не смог бы совершить то, что совершил, без своего брата, чьи меч и щит часто выручали его. Я же одинок в эти тяжелые времена, и, прежде чем мы сможем мечтать о мире, мы должны покончить с войной. Пока этого не произошло, я вынужден пользоваться теми средствами, что есть под рукой.

Хрольф унаследовал огромные сокровища и при необходимости тратил их без сожаления. Ни у одного другого конунга дружинники не были столь хорошо устроены, одеты, обуты, вооружены, накормлены, да к тому же богато награждены, как у Хрольфа. Хоть и были эти воины своенравны, но они очень любили своего господина. Прикажи он им штурмовать Асгард, и они ринулись бы в атаку без колебаний. (Многие часто поговаривали об этом, ибо Хрольф, как и его предки, не слишком-то жаловал богов) Конунг нашел множество дел для своих людей, а сам тем временем учился властвовать.

За четыре года он очистил леса Зеландии от разбойников, а ее побережье — от викингов. Хрок ярл поднял было восстание в Сконе, но Хрольф быстро переправился через пролив и одержал в битве с мятежниками сокрушительную победу; Хрок был убит. Во имя его матери Сигню Хрольф устроил своему врагу пышные похороны, а затем нашел для этой земли такого правителя, которому он мог бы доверять. Потом Хрольф присоединил к своим владениям Мен, Лангеланд и несколько меньших островов. Порт Роскильде снова процветал, так же как и другой небольшой рыбацкий порт на

Зунде, который торговцы и рыбаки называли Чепинг-Хавен. В перерывах между походами Хрольф объезжал свои владения или восседал на троне в палатах Лейдры, выслушивая своих подданных, верша суд над ними и стараясь научить их повиноваться новым, более справедливым законам.

— Я сделаю так, чтобы вернулись славные времена Фроди Миротворца и Хроара Мудрого, — говаривал он, — и чтоб наше королевство стало таким же большим и сильным, как тогда.

Тем временем подрастала его сводная сестра Скульд.

После того как Ингьяльд Саксонец отослал Фрейвар дочь Хроара домой, она вышла замуж за Ульфа сына Асгейра, могущественного наместника северной части Зеландии. Хрольф дал ему титул ярла и поручил Скульд его заботам. Ульф прекрасно управлял своими землями, и вечно занятому конунгу не было необходимости часто встречаться со своим ярлом. Но по истечении четырех лет Ульф послал за Хрольфом в Лейдру, приглашая приехать после осенних жертвоприношений в честь нового урожая. Посланец добавил от себя:

— Ульф говорит, что дело серьезно, вот только не сказал почему.

Хрольф, сурово посмотрев на скорохода, спросил:

— А сам ты что думаешь?

Было видно, что посланец почувствовал себя не в своей тарелке. Хрольф невесело улыбнулся и добавил миролюбиво:

— Ладно, я не собираюсь вытряхивать из тебя правду. Передай Ульфу, что я охотно приеду.

Величествен был конунг, когда въезжал он в усадьбу Ульфа. Хрольф, хоть и не отличался высоким ростом, как его отец, был сильным и крепко сбитым мужчиной. Его походка напоминала кошачью. За счет прирожденной ловкости и мастерского владения мечом он легко одерживал победы над более рослыми воинами. Рыжевато-русые волосы, широкие скулы, большие, серые, широко расставленные глаза под густыми бровями, прямой и немного курносый нос, полные губы — так выглядел Хрольф, но под густой мягкой бородой цвета янтаря прятался волевой подбородок Скьельдунгов. Обычно он говорил гладко, без спешки и редко повышал голос.

Также подобно кошке он был всегда чист и опрятен. Если поблизости находилась баня, он любил ежедневно наведы-

ваться туда, чтоб попариться и отскрести себя всласть. Люди шутили, что конунг Хрольф гостеприимен ко всем, кроме блох.

Любил Хрольф красивые одежды. В этот раз на нем была белая льняная рубашка, расшитый золотом красный кафтан, широкий пояс из прекрасно выделанной кожи с серебряной пряжкой, голубые штаны с белыми поножами, сапоги из тюленьей кожи с позолоченными шпорами, отороченный мехом куницы шафрановый плащ, застегнутый гранатовой фибулой, а к тому же имел он золотые запястья на руках, золотые кольца на пальцах и вызолоченные ножны с мечом на боку.

Всего лишь два десятка дружинников сопровождали его. (Поскольку Северная Зеландия — бедная, малозаселенная земля, Хрольф не хотел обременять ее правителя большим количеством постояльцев.) Эти молодые воины были закованы в железо, блестящее и звеневшее при движении, за их спинами развевались разноцветные плащи. Как только отряд приблизился к цели своего похода, дружинники затрубили в рога и пустили своих лошадей галопом. Настоящий ураган — шумный, сверкавший всеми цветами радуги — заполонил двор усадьбы ярла.

Ульф и Фрейвар приветствовали гостей, при этом они казались встревоженными. Хрольф заявил, что ближе к полудню он желает осмотреть окрестные земли, и хозяин с хозяйкой решили не упустить возможность поговорить с ним с глазу на глаз.

Они вместе вышли из усадьбы в сопровождении нескольких воинов, которые последовали за ними на достаточном расстоянии, чтобы не слышать, о чем будут говорить господа. День был по-осеннему прохладным. Ветер гулял по скошенному полю и вересковым пустошам. Облака проносились по выцветшим холодным небесам. Где-то у самого горизонта аисты стремили свой полет все выше и выше, пока не исчезли вдали. Несколько ворон важно расхаживало по стерне, хлопая черными крыльями. Неказистый лесок на окраине поля почти растерял под напором ветра свои красные, малиновые и желтые листья. А далеко на севере, как клинок, поблескивала морская гладь.

— О чем вы хотели говорить со мной? — спросил Хрольф.

— О твоей сестре Скульд, — ответила Фрейвар (она была стройна, а ее муж — невысок и коренаст), — которая заставляет

нас опасаться за своих собственных детей, ведь она может их вовлечь в нечто страшное.

— Я даже опасаясь, что она может накликать беду на всю нашу землю, — продолжал Ульф, окидывая взором округу. — Это суровая страна, здесь множество потаенных мест, где обитают всякие существа, опасные для человека. Здесь есть болота, откуда не возвращался никто, будь то зверь или человек. Есть здесь и курганы, где, как стемнеет, появляются блуждающие огни и зловещие призраки. Я сам часто слышу по ночам стук копыт и волчий вой. Всякий смертный старается держаться подальше от подобных вещей, но только не Скульд.

— Она всегда была странным ребенком, — вздохнула Фрейвар. — Она ведь никогда не плакала, даже когда была маленькой. Никогда не искала любви и не показывала, что сама любит кого-нибудь. Обычно она держалась особняком, была своевольна и часто закатывала истерики, чуралась женской работы, ужасно любила лазать по деревьям и плавать. О, плавала она, что твоя выдра. К тому же с детства ей нравилось бродить по лесам, а теперь она пристрастилась к охоте, рыбалке и оружию.

— Конечно, мне доводилось слышать об этом, — сказал Хрольф. — Что ж, не удивительно, что у нее душа мужчины, — вспомните, кто был ее отец.

— Я думаю, лучше вспомнить, кто была ее мать, — проворчал Ульф. — Таких девчонок-сорванцов мне доводилось видеть и раньше. Обычно они сильно менялись после того, как их груди набухали, подобно почкам весной. Да и Скульд стала теперь потише, хотя упрямства ей не занимать и она по-прежнему остра на язык. Все слуги боятся ее, — уж слишком зло она обходится с ними. Но меня особенно беспокоит то, как она относится ко всему, что связано с колдовством. Я не говорю о руне, что многие накалывают на пальце, как амулет на счастье, нет. Я слышал, как она шептала непонятные заклинания на неведомом языке и делала колдовские знаки. Однажды ее застали на вересковой пустоши у старого дольмена, когда руки ее были обагрены кровью птицы, которую она разорвала на куски. В тот раз Скульд убежала в лесную чащу и бродила там, как волчица, или разбойница, или троллиха. Затем она вернулась домой, но не желала рассказывать, где была и что делала. Когда ее плащ соскользнул, мы увидели, что под плащом она прячет кость со

странными знаками, начертанными на ней. Я даже не знаю, где она ее раздобыла.

Хрольф поморщился.

— Меня это не слишком заботит, — ответил он. — Может, это были просто детские игры, хотя и немного опасные. А сколько ей сейчас? Двенадцать? Может быть, я смогу завоевать ее доверие и понять, что это на нее нашло.

Этим вечером за трапезой он усадил Скульд рядом с собой на скамью. Скульд, казалось, была этому рада.

В отблесках костра, наполнявших залу, где теплый воздух был пропитан запахами жареного мяса, а на полу плясали причудливые тени, Скульд не походила на существо из потустороннего мира. Она была очень красива. Угловатость, свойственная ее возрасту, не делала девушку неуклюжей, наоборот, ее походка была не по годам плавной. Неприбранные локоны ниспадали вдоль белого платья простого покроя до самой талии, черные волосы поблескивали, как лесное озеро в свете звезд. Ее тонкое лицо было красиво очерчено, кожа — белоснежна, губы — алы. Но особенно обращали на себя внимание глаза — большие, миндалевидные, зеленоватые, подобно морским волнам, менявшие порой цвет от почти синего до золотистого. Голос девушки был глубоким, хотя в гневе он звучал пронзительно, как скрежет пилы.

В этот раз она все время улыбалась и часто подымала свой кубок, чтобы чокнуться с рогом, из которого пил Хрольф.

— Добро пожаловать, брат, — сказала Скульд. — Не часто мне доводилось видеть тебя.

— Что ж, попробуем это исправить, — ответил Хрольф.

— Когда? — оживилась Скульд. — Сидя в этом убогом лягушачьем болоте, я только зеваю от безделья. Возьми меня с собой!

— Ну, еще не пришло время, — заметил Хрольф, — ведь тебе надо многому научиться, чтобы стать хорошей женой.

— Женой! — закричала она. — Чтобы варить, жарить, мыть, подметать, приглядывать за всем и вечно ждать чего-то среди этих пьяных мужланов! А потом, когда один из них назовет меня своей, везде поспевать, чтобы угодить ему, и каждый год подвергать свою жизнь опасности, в крови и муках плода детей... О нет!

— Ты знатного рода, Скульд. И должна быть достойна этого, то есть честно выполнять свои обязанности. Ведь знаешь, я бы тоже с большей охотой травил оленя, вместо того чтобы сидеть и слушать вопли всех этих тупых олухов, надеясь по чести рассудить и успокоить их. Неужели ты думаешь, что походам или погоням за разбойниками всегда сопутствует хорошая погода и мне не приходится то и дело разбивать лагерь в грязи под проливным дождем, или страдать от голода и вшей, или желудочных коликов? Неужели...

— Хватит! Ты живешь в огромных палатах, где пируешь со своими соратниками и наложницами; ты ходишь в далекие земли, за моря, где встречаешь новых людей, слушаешь их сказания; скалды в твою честь слагают прекрасные висы; ты из обломков вновь собираешь воедино великую державу, и, когда ты умрешь, люди будут помнить тебя, — твое имя не будет забыто вовеки... Так неужели ты думаешь, что дочь твоего отца, рожденная от женщины из рода эльфов, не желает себе того же?

— Хорошо, мне следует обдумать твои слова, — ответил Хрольф, с нелегким чувством вспоминая о событиях, связанных с рождением этой девушки. — Скажи мне, помнишь ли ты что-нибудь из своего раннего детства?

Скульд присмирела. (Действительно, настроение девушки менялось очень быстро.) Пристально посмотрев перед собой, она ответила:

— Я не совсем уверена, что действительно помню что-нибудь... Иногда мне кажется, я чувствовала кругом зеленоватую прохладу, в которой клубились странные образы и море дрожало, как музыка... Звучали песни, переборы струн и серебряные трубы, или это были морские птицы, или грезы? Да, мои сны совсем не похожи на сны обычных людей.

— Мне говорили, что ты часто убегаешь в полном одиночестве. Ведь ты знаешь, что это небезопасно.

— Да, это так.

— Куда же ты ходишь?

Скульд весело рассмеялась:

— Нет, милый братец, теперь твоя очередь отвечать на вопросы. Расскажи мне о Лейдре, Роскильде и о мире вокруг. Расскажи что-нибудь удивительное. О, пожалуйста!

Стараясь завоевать ее дружбу, Хрольф согласился. Она слушала как зачарованная, наклонив голову и глядя на него

во все глаза. Время от времени она задавала умные вопросы. Было видно, что она захвачена тем, что слышит. Он даже подумал, что, возможно, их отец что-нибудь неправильно понял и злой рок вовсе не тяготит над ней.

Однако этой ночью, когда на небе взошла полная луна, памятью о словах Ульфа — мол, Скульд то и дело исчезает из дома после темноты, — Хрольф подозревал пару своих людей и строго наказал им:

— Найдите себе укромное место, откуда можно следить за двором усадьбы, и бодрствуйте по очереди всю ночь напролет. Если увидите мою сестру Скульд — немедленно придите и разбудите меня.

— Можем ли мы осмелиться на такое, мой господин? — спросил один из них с сомнением. — А если ты будешь видеть вещей сон...

— Имеющий значение для страны, — продолжил за него Хрольф. — Понятно. Но то, что происходит с моей сестрой, может оказаться важнее этого. Поэтому, раз уж мы здесь, я решил отступить от этого правила. Вы должны позвать меня, но незаметно, так, чтоб никто больше вас не увидел.

По этой же причине он отказался от предложенной Ульфом рабыни и лег в одиночестве в одной из светлиц. Он даже не стал раздеваться. Его ожидание было вознаграждено, когда в густом сумраке одна из досок в стене бесшумно отодвинулась в сторону и чья-то рука начала трясти его за плечо.

Хрольф, последовав за посланцем во двор, остановился на миг, опершись на свой меч.

— Она только что направилась туда, — прошептал один из воинов, указывая в направлении леса.

— Молодцы, — похвалил их Хрольф. — Ждите меня здесь.

— Мы не отпустим тебя одного, господин!

— Нет, я пойду один. У меня нет времени спорить... — сказал им Хрольф и поспешил прочь из усадьбы.

Маленький лунный диск плыл высоко в небе, затмевая звезды своим ярким светом. Воздух был недвижим и пронизывающе холоден. Иней покрывал стерню на полях и вересковый стланник. Хрольф с трудом поспевал за Скульд. Фигурка в белом платье смутно виднелась далеко впереди. Она спешила, не оглядываясь по сторонам. Хрольф подумал, что, если бы Скульд заметила его, ей бы ничего не стоило скрыться из виду в предательском свете луны.

Чем дальше она забиралась в чащу, тем труднее было преследовать ее. Кустарник царапал лицо, сухие листья шуршали, а ветки то и дело ломались с треском под ногами. Лунный свет, казалось, только сгушал непроглядную ночную темень. Скульд двигалась проворнее и тише, чем ожидал Хрольф.

Неожиданно он вышел на заросший травой луг. Остановившись на минуту, молодой конунг перевел дыхание.

Кроны деревьев по краям луга почти касались сухой травы, которая была сплошь покрыта инеем, сверкавшим в лунном свете. В середине луга возвышался высокий жертвенный камень, что воздвиг здесь когда-то неведомый народ своему неведомому богу. Послышался вдалеке волчий вой, постепенно затихающий в чаще, и от него озноб пробрал Хрольфа до костей.

Перед камнем стояла женщина. Высокая, хорошо сложенная, одетая в сверкающий наряд, она, казалось, внушает благоговейный трепет. Волосы — чернее ночи — свободно струились вокруг лица, черты которого поразительно напоминали его сестру Скульд. Но больше всего ему запомнились ее глаза. Даже в зыбком свете луны они были золотистыми, точно у кречета. Простертая вверх рука незнакомки сжимала обнаженный меч.

— Стой, странник! — скорее пропела, чем проговорила она. — Ты не должен следовать дальше...

— Я ли сплю, или все мы — лишь плоды сна? — спросил Хрольф. (Его голос, казалось, доносится откуда-то издалека.) — Да и выполнили ли мои люди мое приказание на самом деле?

— Неважно, спишь ли ты или бодрствуешь — ответь, за кем ты здесь охотишься, Хрольф сын конунга Хельги?

— Я ищу свою сестру.

— Не надо искать ее, ибо найдешь ты лишь одну скорбь. Беда всегда приходит неожиданно; никогда не пытайся узнать свою судьбу. Возвращайся домой, конунг, вновь берись за кормило власти и веди свою державу вперед. Добейся того, что люди будут помнить всегда.

— Кто ты, узнавшая меня?

— Не спрашивай об этом, ибо только роковая смерть требует имени, чтоб оплакать его.

— Но кто ты, и почему ты предупреждаешь меня, прекрасная госпожа? Не твоя ли дочь та девушка, что должна принести мне много бед?

— Слово нельзя изменить, если оно уже произнесено. Даже норны не могут этого. Слушай меня, сын Хельги, ибо я желаю тебе добра. Отпусти эту девушку, а сам живи своей жизнью. Ты весь лучишься солнечным светом, так живи в любви и радости и не бойся прихода тьмы. В конце концов ты посмеешься над норнами и победишь в той битве, которую проиграешь.

Взгляни. Этот меч зовется Скофнунг. Мне его дали гномы. Владей этим прекрасным мечом, и пусть его слава будет так же велика, как и твоя слава, Хрольф. Повергай зло, стой за свой народ, о Хрольф, сын моего возлюбленного.

Как только конунг принял меч, незнакомка тут же исчезла; а Хрольфу ничего не оставалось, как возвращаться домой.

Так же как и Грам, которым Сигурд сразил Фафнира, и Тирфинг проклятый, и Луви, о котором вы узнаете дальше, — Скофнунг был одним из волшебных мечей, что никогда не ржавели и всегда поражали противника. Прекрасен он был: длинный и широкий, мерцающий, то золотистый, то голубой клинок; черная рукоять из дерева неизвестной породы, украшенная вызолоченной резьбой; головка рукояти из ограненного прозрачного камня, который в отблесках света переливался огнем; на перекладине были вырезаны руны, которые никто не мог прочесть.

С тех пор Хрольф больше не пытался выяснить, чем Скульд занимается по ночам в лесной чаще.

4

Свиптаг должен был сопровождать конунга Адильса в походе, а потом, в Упсале, — принимать участие во всех королевских пирах. Когда Ирса возвратилась в столицу, молодого шведа все чаще можно было видеть в покоях королевы. Конечно, Адильс не был в восторге от этого, однако не мог найти способ помешать им, ведь ничего зазорного в их дружбе не было. Встречи Свиптага и Ирсы всегда проходили в присутствии кого-либо из людей конунга. Хотя, возможно, согладатаи и не всегда могли рас-

слышать того, о чем они говорили, в этих долгих беседах не было замечено ничего предосудительного. Свипдаг любил рассказывать о былом, о том, что поведали ему бонды, жившие рядом с усадьбой его отца, а королева — о том огромном мире, что был знаком ей с детства, сопровождая свой рассказ множеством мудрых изречений.

По мере того как их дружба крепла, Свипдаг все больше поверял Ирсе свои надежды и мечты, а она — вспоминала счастливые дни, проведенные вместе с конунгом Хельги. При этом оба отчаянно старались, чтобы никто не подслушал их разговоров. Однако ничего нельзя было утаить от Адильса, который прекрасно понимал, куда дует ветер.

Он помалкивал до поры и был по-прежнему приветлив со Свипдагом. Действительно, новый дружинник был ему весьма полезен, ведь недаром он был самым сильным и опытным воином конунговой рати и всегда выигрывал любые состязания. Кроме того, будучи умным, вежливым, умеющим выслушать своего собеседника и неизменно веселым, Свипдаг легко снискал любовь своих товарищей по оружию.

Прошел год. Снова наступила весна. Свипдаг и Ирса полюбили прогулки под цветущими деревьями, а позже — по зеленым летним лугам.

Тем временем конунгу донесли о пришедшей войне. Берсерки, которых он выгнал со службы, уже успели вернуться в Свитьод. Там они собрали под свои знамена множество кораблей с викингами с финских берегов и дальних островов Балтики. Теперь все головорезы прибыли на озеро Мэлари и начали грабить, убивать и разорять округу.

Адильс внимательно посмотрел на Свипдага.

— А ведь все это из-за тебя, мой друг, — сказал он как можно мягче. — Повелеваю тебе выступить против этих разбойников. Возьми с собой столько воинов, сколько потребуется.

Молодой воин почувствовал, что краснеет.

— Не рано ли мне становиться во главе твоей дружины... — начал он, но Ирса с жаром прервала его, воскликнув:

— И первым сложить свою голову на поле боя...

— Нет, нет, именно сейчас ты должен показать себя, — усмехнулся Адильс. — Быть тебе вождем!

Свипдаг, поразмыслив, ответил:

— Тогда я требую, чтобы ты дал в мое полное распоряжение тех двенадцать воинов, на которых я укажу.

Адильс на мгновение скривился, но ему ничего не оставалось, как ответить согласием.

— Может быть, ты возьмешь с собой кого-нибудь из моих людей, — предложила Ирса.

Свиптаг, покраснев еще больше, принялся благодарить ее.

Он тщательно отобрал двенадцать соратников как среди тех, кто благоволил к королеве, так и среди тех, кто поддерживал конунга. Все эти двенадцать сильных воинов были рады видеть своим вождем Свиптага. В храме дружинники поклялись в верности друг другу на золотом запястье, окунув его в чашу с кровью вола и призвав в свидетели Фрея на земле, Ньёрда — на море и Тора — в небесах. После этого дружинники отбыли в поход, а конунг остался дома.

Недаром Свиптаг всегда любил прислушиваться к старым и опытным воинам. Теперь он знал множество приемов военного искусства: и как правильно построить свою рать клином, и как незаметно устроить засаду, спрятав своих воинов в высокой траве.

Когда враги попытались атаковать дружину Свиптага, они попали в засаду и жестоко поплатились за свое вероломство: один из берсерков пал в битве, а с ним и немалая часть толпы головорезов; остальные бежали к своим кораблям и поспешно уплыли прочь.

Свиптаг и его воины вернулись в Упсалу с этим радостным известием. Конунг щедро отблагодарил их. Королева Ирса обратилась к Адильсу, когда дружинники заполнили залу:

— Воистину наши воины стали лучше, с тех пор как Свиптаг появился среди них, по сравнению с тем временем, когда здесь верховодили эти берсерки.

Конунг с кислой миной на лице вынужден был согласиться с ней. Ему пришлось устроить пир в честь победы, на котором он преподнес воинам богатые подарки. Но они померкли по сравнению с теми, что Ирса подарила им неделю спустя.

Год пролетел быстро. Свиптаг был назначен воеводой конунговой дружины, что наложило на него множество новых обязанностей. Теперь ему приходилось часто отправляться на охоту, или рыбную ловлю, или в морские походы;

подолгу гостить вдали от Упсалы и самому принимать множество гостей. В доме Свипдага помимо многочисленной челяди постоянно жили одна или две молодые наложницы. Однако теперь он находил еще больше поводов для встречи с королевой Ирсой, доводя этим ее мужа до белого каления.

Тем временем на следующее лето берсерки, которые, казалось, избегли смерти, только чтоб лелеять свою ненависть, собрали многочисленную рать и снова высадились в Свитьод. Они поняли, что не стоит повторять ошибку прошлого похода и высаживаться вблизи от Упсалы, где у конунга под рукой всегда достаточно славных воинов. В этот раз они оставили свои корабли значительно севернее, на берегу Ботнического залива, затем направились в горы и вскоре достигли Вестманланда. Отсюда они намеревались нанести стремительный удар по Упсале. Дорогой они непрестанно грабили, убивали, жгли, разрушали все что попадалось им на пути, а также изрядно пополнили свои ряды разбойниками, людьми, объявленными вне закона, и прочими негодьями, встретившимися им в горах.

Вести об этом скоро достигли Адильса. Он вновь призвал Свипдага и приказал ему идти в поход. В этот раз в его распоряжении было в три раза меньше воинов, чем в прошлый, ибо берсерки хорошо выбрали время для нападения, ведь почти все сильные мужчины находились в это время далеко от Упсалы, занятые уборкой урожая.

— В этот раз мы поступим по-другому, ибо враг уже близко, — сказал Адильс. — Возьми с собой всех, кого сможешь собрать, будь то старые бонды или необученные молодые парни, и встречай врагов лицом к лицу, а я со своей дружиной обойду их и ударю с тыла.

Свипдаг нахмурился:

— Мой господин, нам будет сложно не столько встретиться с этими викингами, сколько друг с другом.

— Все будет в порядке, можешь положиться на наших лазутчиков и скороходов, — ответил Адильс высокомерно, не желая больше слушать никаких возражений.

Ирса нашла возможность прогуляться со Свипдагом вдоль реки, в сопровождении только глухой старухи-служанки.

— Боюсь я за тебя, — печально сказала она. — Чувствую, что мой супруг считает, что не случится большой беды, если

ты проиграешь битву в горном краю. Тогда все будут считать, что эти подлые берсерки отомстили за свои обиды, и Адильс сможет снова принять их на службу за небольшую плату... — ее голос задрожал, — и они вскоре появятся среди нас.

Он взглянул на ее склоненную голову и сказал, понизив голос:

— Каждый воин должен покориться судьбе. Но то, о чем ты говоришь, не случится, пока в моих жилах осталась хоть капля крови, моя госпожа.

В ее взгляде была та же тоска, какую ему доводилось видеть однажды в глазах пойманного в сети лебеда.

Поспешно собранная рать Свипдага, состоящая сплошь из неуклюжих новобранцев, неожиданно напала на берсерков. Жестокая битва разразилась в узком ущелье между красными скальными стенами, среди водопадов, зеленых перелесков и цветущих лугов.

Берсерки сумели с помощью угроз и плетей построить своих своенравных соратников в боевом порядке. Шаг за шагом они начали теснить ряды шведов, значительно превосходя их числом. Однако ничего не было слышно о дружине конунга, состоящей из опытных воинов.

Говорят, что в это время Свип, старый хуторянин, внезапно проснулся и, глубоко вздохнув, обратился к Хвитсерку и Бейгаду:

— Вашему брату Свипдагу требуется подмога, ибо ведет он жестокую битву и нет счета врагам. Он уже лишился ока, и много тяжких ран покрыли его тело. Трое берсерков сложили головы в схватке с вашим братом, но еще троих предстоит ему одолеть...

Спешно вооружились братья и, прихватив с собой столько людей, сколько могли собрать, погнали своих коней туда, куда указал им отец. Когда они достигли горного ущелья, битва все еще продолжалась, несмотря на вечерние сумерки. К тому часу викинги уже в два раза превосходили числом войско Свипдага. Яростно бились шведы. Их воеводитель уже едва держался на ногах от тяжких ран. Много воинов пало. Но конунг со своей дружиной все не шел им на помощь.

Однако и силы врагов были на исходе, ведь не так-то легко размахивать тяжелым мечом много часов подряд. К тому же многие ратоборцы истекали кровью, а еще больше было

убито. Боевые порядки берсерков распались на немногочисленные группки воинов, положение которых было плачевно: некоторые еще пытались отбиваться своими затупившимися клинками, используя их как дубины, другие спешили уползти прочь с поля боя, надеясь бегством спасти свою жизнь. В этот момент внезапно появился маленький, но хорошо обученный отряд свежих воинов с острыми мечами и секирами, готовых с диким упорством добиваться победы.

Братья ринулись прямо туда, где сражались последние три берсерка, и, обменявшись с ними несколькими ударами, прикончили своих давних врагов. Еще несколько викингов пало, и ужас охватил остатки разбойничьего воинства. Люди Свипдага воспрянули духом и с новой силой обрушились на них. Враг был разбит наголову. Викинги запросили пощады и были взяты в плен. К тому же шведы захватили все, что те успели нагнать во время похода.

Поскольку пленники обещали немедленно убраться во свояси, да и невозможно было бы прокормить их всех в этих пустынных местах, победители отпустили их, а сами отправились напрямик в Упсалу. Свипдаг, тяжело раненный в битве, был предоставлен заботам своих братьев. Он то и дело впадал в забытие, и они серьезно опасались за его жизнь.

Когда победители прибыли в столицу, то нашли Адильса в его королевских палатах. Конунг сердечно отблагодарил воинов за победу и мужество, проявленное ими в битве, заметив мимоходом, что, к сожалению, потерял из виду отряд Свипдага и не смог вовремя прийти на помощь. Но вскоре стало известно, что на самом деле Адильс с войском находился неподалеку от поля битвы, но приказал своим дружинникам не трогаться с места.

Свипдаг терпел ужасную боль. Особенно его терзали глубокие раны на руках и голове, на которые пришлось наложить швы. К тому же он потерял левый глаз. Слабость одолела его могучее тело. Много недель он провел в постели в бреду, терзаемый жестокой лихорадкой. Королева Ирса ухаживала за ним. Не обращая внимания на зловоние, исходящее от его загноившихся ран, она обмывала их и пыталась разными снадобьями облегчить страдания. Ирса относилась к Свипдагу как к родичу. Когда воин начал поправ-

латься, она сама приносила ему молоко и мясной отвар и сидела у его постели все время, пока он бодрствовал.

Наконец, немного оправившись от болезни, исхудавший Свипдаг, с трудом передвигая ноги, вошел в залу в сопровождении своих братьев и предстал перед Адильсом.

— Рад снова видеть тебя, — сказал конунг, стараясь придать искренность своим словам. — Вижу, ты хочешь мне что-то сказать.

— Позволь мне уйти, — сказал Свипдаг.

Он старался не смотреть на Ирсу, которая учащенно дышала; то и дело прикладывая палец к губам.

— Я собираюсь найти такого господина, который бы больше дорожил своей честью, чем ты. Желаю я лишь, чтобы ты отплатил мне за охрану твоих земель и за те победы, что я одержал от твоего имени.

— Как хочешь, однако должен сказать, что только из-за досадной случайности мы не присоединились к тебе в битве с берсерками. Оставайся у меня вместе со своими братьями, и все будет прекрасно. Вы займете самое высокое положение.

Свипдаг с трудом сдержался, чтобы не обвинить конунга во лжи, ведь в действительности Адильсу не нужна была их верность. Конунг и не настаивал особенно. Он то и дело посматривал на Ирсу масляными глазками, но королева молчала. Тогда Адильс спросил, куда же собрались отправиться братья.

— Мы еще не решили, — ответил Свипдаг. — Я хочу познакомиться с другими народами и их конунгами, а не торчать до старости здесь, в Свитьод.

— Хорошо, — сказал Адильс довольно, — чтобы доказать свое расположение, обещаю вам свою защиту, когда бы вы ни приехали в мои владения.

Свипдаг взглянул на Ирсу.

— Я непременно вернусь, — пообещал он.

Поутру братья начали собираться в поход. Когда все было готово к отъезду, Свипдаг поднялся в покои Ирсы. Окна светлицы, где находилась королева со своими служанками, были распахнуты навстречу белым облакам и цветущим деревьям, чьим медвяным запахом был пропитан воздух. Она долго рассматривала его постаревшее лицо: худые скулы обтягивала пожелтевшая кожа; на том месте, где раньше был

глаз, чернел страшный шрам. Тишина воцарилась в светлице.

— Я бы хотел... поблагодарить тебя, моя госпожа, — сказал он очень тихо после затянувшейся паузы, — за ту честь, что ты мне оказала.

— Ты достоин ее, — ответила она шепотом, едва слышным сквозь шум ветвей за окном. — Мой Хельги спит вечным сном, но я не буду больше видеть его убийц каждый день рядом. — Пряжка выпала из ее рук. Ирса протянула руки к Свипдагу: — Ах, зачем ты уезжаешь?

— Если я останусь, это не кончится добром для нас обоих, — вырвалось у него. — Видимо, избавив тебя от проклятых берсерков, я стал чем-то вроде обнаженного меча между тобой и конунгом.

— Меня никогда ничто не связывало с ним! — закричала Ирса, как будто ее служанок не было рядом.

— Я только усугублю твою горе, моя госпожа, — ответил Свипдаг. — В конце концов, из-за меня твоя жизнь может подвергнуться опасности.

Она кивнула, глаза ее затуманились.

— Скорее я могу стать причиной твоей гибели. Ты прав, здесь больше нет для тебя места. Иди же, и пусть удача всегда сопутствует тебе. — Она больше не могла держать себя в руках: — Увижу ли я тебя когда-нибудь?

— Если только рок не воспрепятствует нашей встрече, от всего сердца клянусь, что сделаю все для того, чтоб она состоялась.

Перед тем как Свипдаг покинул светлицу, они сказали друг другу еще лишь несколько слов. Затем она услышала удаляющийся стук копыт.

5

Братья прибыли к отцу с матерью, и в родном доме Свипдаг провел несколько месяцев, набираясь сил и мужества пережить удар судьбы, сделавшей его одноглазым. Теперь он был менее жизнерадостным, чем прежде.

Однако Свипдаг был еще молод и целый мир по-прежнему простирался перед ним. Как только его здоровье пошло на поправку, страсти с новой силой начали терзать его душу. Хвитсерк и Бейгад тоже были рады отправиться на поиски

новых приключений. Братья спросили Свипа, где бы им найти лучшее применение своим силам.

— Сдается мне, самую высокую честь и богатую добычу можно заслужить, если вступить в дружину конунга Хрольфа Датчанина, — посоветовал им отец-хуторянин, — воистину ему служат все самые лучшие воины Северных Земель.

— А как он отнесется ко мне? — не унимался Свипдаг.

Его отец пожал плечами и продолжал:

— Все зависит от тебя самого. Но я слышал, что подобных конунгу Хрольфу найти нелегко. Никогда он не жалеет ни золота, ни драгоценностей, чтобы наградить достойного. Говорят также, хотя он и не отличается мощью телесной, но красив лицом, а главное, велик в своих помыслах и знаниях. Еще говорят, он бывает надменен с теми, кого обуревают гордыня, но всегда добр и сердечен к слабым и к тем, кто признает его силу и власть. Любой бедняк не боится встречи со своим конунгом и может быть удостоен королевским мудрым словом, что само по себе уже великая честь. В то же время Хрольф подчинил себе всех соседних правителей и сделал их своими данниками. Многие добровольно поклялись ему в верности и живут теперь в мире, управляя своими землями по законам Датской державы. Воистину имя конунга Хрольфа не забудут, пока существует этот мир.

Свипдаг кивнул. Ему уже доводилось слышать нечто подобное в Упсале.

— После того что ты сказал, — молвил задумчиво одноглазый воин, а его братья в это время согласно кивали, — похоже, нам следует отправиться к конунгу Хрольфу и поступить к нему на службу.

— Что ж, вам самим решать, — отвечал старый хуторянин, не скрывая своей печали, — хотя я бы предпочел, чтобы вы остались с нами дома.

Однако братья не прислушались к словам отца, как он надеялся, и вскоре попрощались с ним.

После отъезда сыновей старый хуторянин взял руки своей жены в свои и сказал задумчиво:

— Похоже, мы выкормили молодых орлов, вот только сами не в силах лететь за ними... Но ничего, у нас есть еще дочери и внуки.

О походе этих молодых воинов особенно нечего рассказывать. Добравшись до Зунда, братья за небольшую плату

переправились на корабле вместе со своими конями и высадились в Чепинг-Хавен, а затем верхом пересекли Зеландию и оказались в Лейд্রে.

Берега Роскильде-фьорда притягивали множество поселенцев. Хрольф — как, впрочем, и Хельги до него — считал за благо, чтобы его дружинники, которые слыли отчаянными драчунами и задирами, подольше находились в викингских походах вдаль от Лейдры. Этот город, основанный самим Даном, издавна являлся столицей датских конунгов, хранящей память о Скьёлде, пришедшем из-за моря. К тому же Лейдра была превращена в неприступную крепость. Частокол окружал не только королевские палаты и большие дома знатных горожан, но и все лачуги, службы, бани, амбары, конюшни и кузни, день напролет оглашавшие окрестности звоном металла. Многие, кому приходилось работать в палатах конунга, предпочитали жить на хуторах, разбросанных по зеленым полям и лесам, что, казалось, простирались от Лейдры до края света.

От ворот города брали свое начало четыре прекрасные дороги, уходившие на север, юг, запад и восток. Множество повозок, всадников, пешеходов сновало туда-сюда через городские ворота. У стен Лейдры бродячие торговцы разбивали свои шатры и палатки, предлагая прохожим различные товары. Повсюду пестрела круговерть богатых нарядов, слышался шум болтовни и взрывы смеха, даже крики — если случалась потасовка между двумя парнями, прискакавшими на своих жеребцах с дальних хуторов. Всевозможные запахи смешивались в воздухе, наполняя его то ароматом жаркого, то пряным благоуханием сена, то сладковатым запахом сосновых досок, сушащихся на летнем солнце. Там быки тащили повозку хуторянина, следом за которой скакал конный воин в полном вооружении; здесь могучий кузнец обрушивал свой молот на раскаленный кусок железа; где-то визгливо пела пила плотника; голые детишки играли с мохнатыми псами в проулках между строениями; женщина несла кувшин с водой из колодца, питавшегося подземными ключами; молодая девка строила глазки трем незнакомцам, наблюдавшим за этой картиной.

— Сдается мне, этот город немногим меньше Упсалы, — заметил Хвитсерк.

— Да, а судя по тому, как много здесь торговцев с товаром, — отзывался Бейгад, — он много богаче.

— Вот-вот, я и хотел сказать, что по величию и богатству он превосходит все, что я видел.

— И в особенности удивительны палаты конунга, — вмешался Свипдаг, указывая вперед.

В прошлом году, ставшем седьмым годом правления конунга Хрольфа, он отстроил заново свою усадьбу, сделав ее столь же огромной и величественной, сколь велики были палаты его дяди. Хрольф, правда, не стал заново золотить оленьи рога, памятуя о том, что это принесло несчастье его родичу, однако не пожалел великолепной деревянной резьбы, чтобы украсить каждую панель, балку и колонну своих палат.

— После мрачной пещеры, где обитает конунг Адильс, здесь все кажется особенно красивым, — сказал Свипдаг, когда они вошли в залу.

Конунг находился там, играя в кости с одним из своих людей. Когда братья приветствовали его, он откинулся на скамье, улыбнулся и спросил, как их зовут. Они назвали себя, добавив, что Свипдаг некоторое время состоял на службе конунга Адильса.

Хрольф нахмурился, хотя продолжал говорить достаточно ровным голосом:

— Тогда для чего вы прибыли ко мне? Ведь я не друг Адильсу.

— Мне это известно, — отвечал Свипдаг. — Однако я желаю стать твоим воином, да и мои братья тоже. Надеюсь, мы тебе пригодимся.

— Погоди, — остановил его Хрольф, — Свипдаг?.. Да, мне доводилось слышать о вас, ведь это вы убили берсерков Адильса и совершили много других подвигов.

— Да, это наших рук дело, господин, — подтвердил Свипдаг, а затем добавил менее уверенно: — Твоя мать королева Ирса была мне другом.

Лицо Хрольфа просветлело. Он усадил их на скамью и потребовал принести им пива. Их беседе не было конца. Вечером, когда дружинники вернулись в палаты из города, сам конунг представил им братьев из Свитьод, стоявших около его трона.

— Никогда не думал, что кто-нибудь из воинов Адильса сможет стать моим другом, — сказал Хрольф, — но, поскольку они поклялись мне в верности, я с радостью принимаю их

в свою дружину и надеюсь, что они оплатят добром за мое доверие.

— Где нам занять места на скамье, господин? — спросил Свипдаг слегка принужденно.

Хрольф указал справа от себя. Там тянулась пустующая скамья перед первым в ряду дружинником.

— Сядьте рядом с тем богатырем, имя которому Старульф, и оставьте место еще для двенадцати воинов.

Это были воистину почетные места. После такой чести братья должны были доказать свою доблесть в битвах. Когда все расселись, Свипдаг спросил своего соседа, почему не заняты эти двенадцать мест. Старульф ответил, что они принадлежат двенадцати берсеркам конунга, которые сейчас пребывают в дальнем походе. Свипдаг неодобрительно сдвинул брови.

Хрольф не был женат, поскольку не нашлось ни одного королевского дома, с которым бы он хотел породниться. Однако у него было две дочери — Дрифа и Скур, которых ему родили его возлюбленные, простые хуторянки. Обе девочки были милостивы. Их возраст уже позволял прислуживать в зале во время пира. Им сразу полюбились братья из Свитьод.

Так же отнеслись к братьям и все дружинники Хрольфа, и с годами их дружба только крепла. На следующий год, говорили воины, сам конунг возглавит новый поход, ибо настала пора вернуть себе остров Фюн, второй из датских островов. Многое меняется в жизни воина, когда он прославит себя в битвах. Ведь не женитьбой же, поездками по местным тингам, охотами и всяческими состязаниями ограничивается жизнь дружинника, даже если его господин — самый великий и щедрый из всех правителей. Свипдаг, Хвйтсерк и Бейгад заявили, что с радостью отправились бы в поход хоть сейчас.

Однако время шло. Минуло лето. Уже осень подходила к концу, когда из похода домой вернулись двенадцать берсерков.

Когда Свипдаг увидел вошедших в зал неповоротливых грубиянов, вооруженных до зубов, словно для битвы, он подумал, что они очень напоминают тех, кто причинил столько бед Ирсе. Его уже успели предупредить о том, как ведут себя эти берсерки. Действительно, они начали обходить всех воинов в зале, и вождь берсерков стал требовать от каждого,

чтобы тот признал себя менее отважным, чем он сам. Даже конунг не избежал этого. Чтобы сохранить мир с этими звероподобными воинами, которые были очень полезны на поле боя, Хрольф вынужден был отвечать так:

— Трудно сказать наверное, ибо ты великий бесстрашный воин, завоевавший высокую честь в битвах и известный своими подвигами среди многих народов севера и юга.

Остальные дружинники поступали так же, стараясь подобрать такие слова, чтобы как можно меньше задеть свою честь. Однако в их голосах было легко слышать и страх, и стыд.

Бородатый гигант подошел к одноглазому шведу и обратился к нему с тем же вопросом. Свидпаг вспыхнул и выхватил свой меч из ножен. (Хрольф позволял своим людям иметь оружие в зале, говоря, что не хочет оскорблять их своим недоверием.)

— Ни в чем я не уступлю тебе! — крикнул он.

Зловещая тишина повисла в зале, изредка прерываемая треском поленьев в кострах. Берсерки замерли в изумлении. Их вождь опомнился первым и воскликнул:

— Ну, ударь меня по шлему!

Свидпаг не заставил себя упрямить. Раздался скрежет металла о металл. Однако его клинок не нанес существенного ущерба ни шлему, ни кольчуге, которые, несмотря на свое прозвание, носили все берсерки. Их вождь отступил и обнажил свой клинок. Оба воина были готовы к схватке. Хвитсерк и Бейгад тоже взяли за оружие.

Конунг Хрольф подбежал к воинам. Он бросился между ними, едва не поранив себя.

— Эй, ратоборцы, достаточно, перестаньте. Не смейте проливать кровь. Ты, Агнар, и ты, Свидпаг, — оба славные воины, и невозможно сказать, кто из вас самый лучший, к тому же вы оба мои верные друзья.

Воины закричали, свирепо сверкая глазами. Но их конунг продолжал стоять у них на пути и говорить одновременно сурово и мягко. Слишком много ссор пошло среди дружинников, говорил он. Он больше не желает, чтобы так продолжалось. Все его люди — смельчаки, и он не хочет терять ни одного из них. Отныне всякий, кто затеет драку со своими товарищами по оружию — будь то братья из Свитьод, победившие двенадцать берсерков Адильса, или другие прославленные воины, — будет объявлен вне закона и навсегда

изгнан из Дании. Пусть наконец наступит мир в королевском доме!

В дальнейшем Хрольф сумел настоять на своем, а одноглазый пришелец снискал уважение и почет в глазах дружины.

6

Когда пришла весна, конунг датчан вновь собрал войско и повел его в Лангеланд. Сначала он покорил Туре, а затем и весь юг Фюна. Повсюду победы сопровождали Хрольфу. Всех поверженных конунгов он заставлял клясться в верности и платить дань. День ото дня дружина Хрольфа становилась все многочисленней, ибо множество воинов желали поступить к нему на службу, поскольку знали конунга датчан как самого мудрого и щедрого из всех властителей мира. Но он выбирал только самых лучших для пополнения своего войска.

Только одно обстоятельство не давало Хрольфу покоя. Свипдаг напомнил ему о сокровищах его отца конунга Хельги, которые присвоил коварный конунг Адильс.

— Но они по праву принадлежат тебе, — говорил Свипдаг, — и то, что ты до сих пор не овладел ими, наносит ущерб твоей чести. Кроме того, ты ведь любишь упражнять мускулы, разрывая золотые кольца и запястья, и для этого тебе требуется все больше и больше таких колец.

Хрольф сначала только улыбнулся шутке товарища, но вскоре послал гонцов к своей матери, королеве Ирсе, с просьбой вернуть сокровища.

Она ответила, что ее обязанность — по мере сил беречь наследство конунга Хельги, но не только она одна распоряжается этими сокровищами.

— Конунг Адильс слишком жаден, и к тому же он и пальцем о палец не ударит, если только я попрошу его об этом. Но передай моему сыну, что, если он сам явится за своим наследством, я приложу все силы, чтобы помочь ему в этом.

Гонцам показалось, что вроде бы она еще прошептала:

— И я смогу вновь увидеть моего Хрольфа...

Впрочем, они не были в этом уверены.

Гонцы возвратились в лагерь датчан и передали Хрольфу послание его матери. А поскольку многое еще следовало

совершить в том походе, он решил отложить посещение Упсалы до лучших времен.

Например, Хрольф еще не покончил с одним важным делом. Старый конунг Оденсе, некогда сумевший освободиться от власти Лейдры, умер. Ему наследовал его сын Хьёрвард, который был весьма слабовольным властителем. Хотя новый конунг Оденсе мог собрать гораздо больше воинов из окрестных земель, чем Хрольф привел с собою из-за Бельта, он предложил решить дело миром. Хрольф хорошо принял его в своем лагере, и они долго торговались. В том году датчанам было пора заканчивать поход. К этому времени они уже установили свою власть над недавно завоеванными землями, упрочив положение верных ярлов и своих наместников, да и пора сбора урожая была не за горами.

Хрольфу хотелось использовать свое преимущество, ведь Хьёрвард был почти готов признать его верховную власть, но, взвесив все за и против, конунг датчан предложил своему гостю договориться о союзе. К тому же сестре Хрольфа Скульд пора уже было замуж. В конце концов они расстались друзьями, и Хрольф пригласил Хьёрварда приехать к нему на будущий год.

Конунг Оденсе так и поступил, явившись в Лейдру с великой свитой. Хрольф принял гостя с подобающими почестями. Скульд в то время жила в Лейдре. Ей недавно исполнилось семнадцать.

Когда Хьёрвард впервые увидел ее, он просто остолбенел, кровь прилила к лицу. В то время он был пышущим здоровьем молодцом, со вздернутым носом и рыжеватыми волосами, слегка начинающим полнеть. В целом он выглядел прекрасно, особенно из-за того, что борода его и ногти содержались в полном порядке, а богатые одежды были выше всяких похвал.

— Го-говорили мне, как ты прекрасна с виду, моя госпожа, — проговорил он заикаясь, — но на самом деле ты еще прекрасней.

— А не слишком ли я смугла? — рассмеялась Скульд и, дразня его, провела ладонями по своему нарядному одеянию. Это движение еще больше подчеркнуло гладкость и белизну ее кожи и лихорадочно-зеленоватый блеск ее глаз. В лице Скульд не осталось ничего детского. Ее тело в роскошном платье казалось хрупким и удивительно женственным. Ее

походка, бесшумная и величественная, не могла не взволновать сердце молодого конунга.

Возможно, многие мужчины пытались бы свататься к ней, если бы не покров тайны, окутывавший ее с рождения. Она научилась быть любезной и в речах, и в манерах, и даже могла казаться уступчивой — правда, только в тех случаях, когда это было ей выгодно. Сейчас девушка молчала под восхищенными взглядами этого влюбленного простака, который еще не ведал о ее истерических порывах, взбалмошном и жестоком характере и жажде сокровищ. Многие из людей Хрольфа догадывались, что Скульд была ведьмой, но никто не знал, насколько глубоко она погрязла в ведовстве и чем она занималась, когда в одиночестве исчезала из дома.

Народ удивлялся, что, как только в палатах конунга заговорили о свадьбе, Скульд внезапно стала очень мила к тому, кто надеялся стать ей мужем.

— Мне бы хотелось, чтобы ты всегда считал меня прекрасной, конунг Хьёрвард, — прошептала она однажды, взяв за руку своего будущего жениха.

— Да, да, так всегда и будет... я буду желать только тебя и никого другого... — ответил тот.

— Пойдем же посидим, выпьем по чаше меда вместе, — предложила Скульд.

С тех пор каждый вечер они сидели рядом и всегда были так увлечены друг другом, что не замечали ничего вокруг.

Свиппаг однажды сказал братьям:

— Насколько я знаю Скульд, она захочет стать настоящей королевой, а не женой какого-то зависимого правителя из тех, что платят дань. Я даже осмелюсь предположить, что она попытается помешать Хьёрварду принести клятву в верности нашему Хрольфу.

— Ну, ей никогда не добиться этого! — сказал Хвитсерк и грубо захохотал.

— Если Хьёрвард не уступит — быть большой войне, — отозвался Бейгад. — Ведь за ним поднимется половина Фюна, которую мы еще не успели подчинить. А Хрольф твердо намерен собрать под своей властью все земли, которыми когда-то владели его предки.

— Если Хрольф и Хьёрвард расстанутся врагами, — воскликнул Хвитсерк, — стоит ли выдавать Скульд замуж?

Поскольку отец Скульд погиб, теперь ее брат решал, кому и на каких условиях достанется девушка. У язычников женщина может выбирать себе мужа, только если она осталась вдовой или разведена, а если она выходит замуж в первый раз, ее родственники редко принимают во внимание ее волю.

Вот что ответил Свипдаг:

— Я не поручусь, что она не решится сбежать с Хьёрвардом. Хотя почему-то сомневаюсь в этом. Наш Хрольф — хитрец, и он уже наверно приготовил какой-нибудь план.

Что это был за план, все узнали через несколько дней. Два конунга отправились на охоту в сопровождении многочисленной дружины. Под сенью зеленой листвы задорно трубили рога и охотничьи псы заливались лаем. Олени, чьи рыжеватые бока испещряли солнечные блики, испуганно пускались прочь и падали, сраженные меткими стрелами. Дикий вепрь, наскочив на копые, яростно метался, сотрясая землю, пока не упал замертво.

Наконец охотники расположились на отдых на лесной поляне. Все были веселы и счастливы. Хрольф расстегнул пояс с мечом и обратился к Хьёрварду:

— Не поддержишь ли ты мой меч?

Житель Фюна кивнул и взялся за рукоять. Освобожденный из ножен, клинок Скофнунга блеснул в его руке. Хрольф улыбнулся:

— Очень хорошо, — сказал он, спустив штаны. — Меч пришею тебе по руке, а?

— В самый раз! — воскликнул Хьёрвард и взмахнул клинком, прежде чем вернуть его хозяину.

Справив нужду, конунг датчан забрал назад свое оружие, вновь прицепил его к поясу, а затем сказал:

— Нам обоим хорошо известно, что тому, кто держит меч воина, пока тот, расстегнув пояс и спустив штаны, облежится, — следует и в дальнейшем подчиняться его воле. Поэтому отныне ты станешь моим данником, и тебе придется выполнять все мои приказы.

Напряженная тишина водарилась вокруг. Хьёрвард пролопотал, что это лишено смысла: мол, порой, после принесения обета верности, может, кто и должен держать меч старшего, но не так, как это было только что, ведь он не давал никаких клятв... Стараясь сдержать улыбку, Хрольф дружески похлопал его по плечу и сказал, что не должно

двум товарищам воевать, дабы объединить свои владения, что затевать свару не хочет конунг датчан.

— Ты мой данник Хьёрвард, — продолжал Хрольф, — еще больше прославишься в битвах и возьмешь богатую добычу, и твоя страна станет еще могущественней, ведь недаром Скульд — моя сестра...

Так они торговались еще много дней, подчас в довольно грубых выражениях, а их воины ни на минуту не выпускали из рук оружия. В конце концов Хьёрвард признал верховную власть Хрольфа и женился на Скульд, и свадьба их была отпразднована с пышностью необыкновенной.

— Сдается мне, наш господин не шутил тогда в охотничьем лагере на поляне, — сказал Свипдаг своим братьям, — он хотел показать Хьёрварду, что легко сможет подчинить его своей воле силой. Однако нам пришлось бы дорого заплатить за это. А так Хьёрвард может спасти свою честь, сказав, что его обманули. Но в конечном итоге он получил ту женщину, которой возжелал.

— Похоже, что он будет иметь зуб на Хрольфа, — заметил Хвитсерк.

— Да и Скульд тоже, — добавил Бейгад.

Свипдаг кивнул:

— Ну, сам по себе этот лентяй не опасен, а что касается его молодой жены... никто не знает, на что она способна.

Скульд и Хьёрвард отбыли в свою усадьбу в Оденсе. Они платили дань Хролфу, присылали в Лейдру воинов по первому требованию и управляли своей страной по датским законам. Очень быстро Хьёрвард оказался у своей жены под каблуком. Она вертела им как хотела и при этом оставалась бесплодна. Он уже не осмеливался ни солгать ей, ни запретить приводить в дом жутких финских кудесников и даже порой по первому ее требованию уезжал из усадьбы туда, куда она его посылала.

Один рыбак рассказывал шепотом, как однажды он с сыновьями был застигнут штормом, который погнал их лодку прочь от родных берегов, пока не выбросил ее на пустынную отмель неподалеку от Хиндсхольма. Приказав сыновьям стеречь лодку, он отправился на поиски пресной воды, поскольку все их припасы пропали во время бури. В наступающих сумерках он разглядел на высоком берегу над самым морем чей-то силуэт, едва различимый на фоне чернеющих туч. Рыбак подхватил свой топор и поспешил

туда, надеясь на помощь в своей беде. Когда же он подобрался ближе, то узнал королеву Скульд... Вне всякого сомнения, это она стояла у самой кромки обрыва, ведь рыбаку доводилось видеть супругу конунга раньше, когда в Оденсе он возносил молитвы богам, прося их даровать ему удачу. Распущенные волосы Скульд и ее платье развевались на ветру. Высоко подняв шест с лошадиным черепом на верхушке, этот зловещий символ самого черного колдовства, и направив его на восток в сторону Зеландии, королева гневно грозила кулаком, рассыпая проклятия и пророча кому-то беды и несчастья.

СКАЗАНИЕ О БЬЯРКИ

1

Если путник сумеет преодолеть высокие и крутые Кельские горы, что громоздятся к западу от шведского Вестманланда, он окажется в пограничном норвежском краю Уплёнде. Здесь правил когда-то конунг по имени Хринг. Все дети его умерли в младенчестве, и лишь единственный сын Бьёрн выжил. Мальчик подавал большие надежды, но народ опасался, что королевский род, ведущий свое начало от самого Тора, может на нем пресечься. И когда королева умерла, конунг и все его подданные усмотрели в этом великую опасность. Многие уговаривали Хринга жениться снова. В конце концов, несмотря на почтенный возраст, конунг согласился и, чтоб найти достойную супругу, послал воинов на юг во главе с вождем своей дружины по прозванию Ивар Тоший.

Оседлав своих коней, люди Ивара спустились горными ущельями к Осло-фьорду, снарядили три ладьи и отплыли в Ютландию. Не успели они достичь Скагеррака, как разразился ужасный шторм. Стараясь держаться подальше от подветренного берега, отчаянно налегая на весла и вычерпывая воду, дружинники обогнули южную оконечность Норвегии. Буря продолжала свирепствовать, унося их на север. Порой казалось, что ветер слабеет и пора разворачивать корабли, — но новые мощные удары волн обрушивались на смельчаков и шторм, что приходит из бескрайней водной пустыни, простирающейся до самой Ирландии, разражался с новой силой.

Две ладьи затонули. Вздущаяся мозолями кожа ключьями слезала с ладоней, пальцы кровоточили, истощенные мускулы утратили былую силу — люди Ивара уже не справлялись с тяжелыми веслами. Пришлось поднять парус и держать его по ветру, чтоб плыть на безопасном расстоянии от рифов и скал, едва различимых там, где сквозь всхлипы дождя и ветра слышался рокот прибоя.

После многих дней и ночей они достигли фьорда, что глубоко врезался в горный массив, сверкавший снежными шапками вершин. Здесь пришлось вытащить на берег единственную ладью, каждый шов которой дал течь. Ивар не осмеливался больше доверять изорванным снастям; волны во время шторма смыли за борт или вконец испортили запасы провизии; да и сильные встречные ветры продолжали свирепствовать под низким пасмурным небом, предвещая скорый конец срока, благоприятного для мореплавания. Ничего не оставалось, как зазимовать в этих суровых краях, чтобы охотиться, засаливать мясо впрок и плести прочные кожаные и лыковые канаты для замены корабельной оснастки.

— Может быть, мы сможем что-нибудь купить у финнов, если найдем их здесь, — сказал Ивар. — Сдается мне, мы находимся в их землях. Издав гортанный смешок, он продолжал: — Может, какая ведьма продаст нам попутный ветер, что держит она в мешке с крепко завязанной горловиной.

Воины толпились вокруг, дрожа под своими плащами. Морось окутывала их, над головами чернели мрачные скалы, все промокли, замерзли и падали с ног от голода и усталости.

Когда лагерь был готов, Ивар с полудюжиной своих людей отправился обследовать окрестности. Они долго карабкались по скалистым кручам, пока не достигли соснового леса, где мягкая палая хвоя шуршала под ногами, а вдалеке между стволами проблескивал ледник. Ближе к сумеркам воины вышли к маленькому, но прочно сбитому бревенчатому дому. Рядом в загоне стоял северный олень. Навстречу им выбежал пес, сверкая угольно-черными глазами, и был он огромен, как Гарм, который когда-нибудь проглотит Луну. Пес-великан не залаял и не зарычал на пришельцев, но все вдруг почувствовали, что нечто жуткое

творится в этих местах, и постучали в дверь как можно осторожнее.

Молодая служанка впустила их в дом. Внутри сидели у очага еще две женщины. Первая была хорошо одета и казалась красивой, несмотря на свой почтенный возраст. Но люди Ивара жадно смотрели только на ее соседку. Как и две другие, это была настоящая финка, невысокая красавица с роскошными изгибами тела, широкими скулами, золотистыми волосами и чуть раскосыми голубыми глазами. Никогда еще им не доводилось видеть столь милое девичье лицо. Она улыбнулась и, обратившись по-норвежски к гостям, пригласила их войти, как будто трем одиноким женщинам нечего опасаться вооруженных мужчин. Ивару показалось, что это было действительно так: недаром по стенам были развешаны деревянные палочки и кости, испещренные рунами, кремневые ножи, пропахшие пылью мешки, громадные котлы и прочая утварь, говорившая о том, что хозяйки этого дома весьма сведущи в колдовстве.

Тем не менее Ивар и его люди нашли здесь радушный прием, еду и питье и добрый совет, где охотиться, чтобы добыть все, что им требовалось. Он же в свою очередь повел рассказ о королевском поручении и своих странствиях, а затем спросил, почему столь утонченные и прекрасные дамы живут так одиноко.

Старшая отвечала в мерцающей тьме:

— Всему есть причина, друзья. Причиной же тому, что мы живем в этих глухих местах, стал могущественный конунг, посватавшийся к моей дочери. Она отказала ему. Он стал угрожать прийти и взять девушку силой. Отец ее пребывает далеко, на войне, и я подумала, что лучше всего спрятать мою дочь здесь.

— Кто ее отец? — спросил Ивар.

— Она — дочь конунга финнов, а я — его наложница.

— Могу я узнать ваши имена? — спросил он снова, вспоминая, что финны не любят открывать свои имена чужестранцам, чтобы враги не могли произнести их в своих заклинаниях и наслать злые чары.

— Меня зовут Ингебьёрг, а дочь мою — Хвит.

Ивар задумался, откуда у них норвежские имена, но вспомнил, что немало норвежцев совершило походы в Финляндию, торгуя, грабя, взимая дань мехами и кожами с местных племен. Постепенно жители захваченных ими се-

верных поселений изгнали пришельцев за пределы своих земель, но там осталось много полукровок, да и многие финны с тех пор знали оба языка.

Служанка совсем не знала норвежского, но Ингебьёрг прекрасно говорила на нем, а Хвит владела норвежским еще лучше, если судить по тем нескольким словам, когда она решалась ответить чем-то большим, чем легкой улыбкой.

Этой ночью Ивар наконец выпался на камыше, расстеленном на полу.

В последовавшие месяцы он был частым гостем в том доме: приносил с собой в подарок мясо, а потом — и золотые украшения. Часто беседуя с Ингебьёрг и насколько возможно часто — с Хвит, он убедился, что девушка и вправду дочь сильного вождя, которого жители Уплёнда могли бы даже считать настоящим конунгом. К тому же девушка была действительно прекрасна. Ивар подолгу лежал без сна, страстно желая ее. Конечно, она не была обучена тому, что должна ведать дочь конунга, но при этом казалась сообразительной и быстрой в учебе. В любом случае Уплёнд — отнюдь не датское, шведское или гаутское королевство. Его населяли люди, не знавшие толка в изящных манерах. И, может быть, было бы даже неплохо скрепить союз с финнами подобным браком, размышлял Ивар. Все равно путь торговцев-северян к Осло-фьорду лежал через его страну.

Однако не все в девушке нравилось Ивару. Несомненно, Хвит была колдунья. Куда она и ее мать отправлялись во время Йоля? Как они могли пробраться сквозь снежные заносы? Правда, все финны-самоеды умеют быстро и без труда преодолевать большие расстояния на лыжах. Однако почему вокруг дома нигде не видно лыжни? Может быть, они уходили в глубь страны, к тем трем высоким скалам у реки, где финны совершали жертвоприношения. Скалы высились в долине, в которой солнце появлялось только в середине лета, а в середине зимы не появлялось вовсе. Странники-норвежцы клялись, что ведьмы, в отличие от прочих людей, не благословляют солнце, а проклинаят его.

Была Хвит ведьмой или нет, но она была прекрасна. Да и Ивар, уставший, истосковавшийся по дому, не желал продолжать странствие.

Ранней весной, когда его корабль был готов к отплытию, он спросил девушку, не хочет ли та отправиться с ними в Уплэнд и стать женой конунга Хринга.

Она в замешательстве опустила глаза и, помолчав, прошептала:

— Пусть моя мать решает.

Ингебьёрг нахмурилась перед тем, как ответить:

— Как гласит старинная поговорка — не было бы счастья, да несчастье помогло. Это плохо, что мы не можем спросить согласия у ее отца. Твои сородичи никогда не были нам друзьями... Однако я осмелюсь сказать «да», ради того чтоб спасти ее...

Ивару показалось, что здесь было что-то не так, особенно когда мать осталась на берегу. Хотя она и не ответила прямым «нет», в ее «да» тоже не было радости. Но почки на деревьях распускались, и ему не терпелось отплыть домой, а Хвит была прекрасна.

Итак, они отплыли. Путь до Осло-фьорда был легким и скорым. Оттуда они верхом добрались до усадьбы конунга, где девушку представили Хрингу.

— Ты желаешь ее? — спросил Ивар. — Или нам отправить ее обратно?

Конунг был сильным мужчиной, хотя последняя зима, полная горя и печали, сделала его седым и угрюмым. Вскоре он безумно влюбился в Хвит и женился на ней, вопреки желанию некоторых своих советников. «Неважно, что она не богата, — говорил он. — Она прекрасна».

Но он... он с каждым днем старел. И новая королева вскоре заметила это.

2

Неподалеку от королевской усадьбы жил хуторянин по имени Гуннар. Молодость он провел в дальних походах, в поисках славы и богатой добычи. Теперь он женился и обзавелся хозяйством. Единственную его дочь звали Бера. Поскольку королевич Бьёрн был одних с ней лет, он сумел проторить тропинку по лесам, горным кручам и ледяным речным бродам к хутору Гуннара и стать товарищем его дочери. Не один год они вместе играли в нехитрые детские игры и всегда были рады друг другу. Подростки часто бродили в лесу, весело карабкались туда, где лес граничит с

цветущими лугами у подножия снежных вершин, подолгу лежали рядом светлыми летними ночами, похожими на томительный полуденный сон, или в звенящем холоде любовались сполохами северного сияния в полнеба.

Однажды, когда они разделись, чтобы попариться в бане, Бера внезапно покраснела и ее руки заметались, стараясь прикрыть наготу. Бьёрн смущенно отвел глаза, более взволнованный и неловкий, чем его подруга. После этого они стали еще ближе друг другу. Их родители, улыбаясь и покачивая головами, начали потихоньку поговаривать о том, что через несколько лет, видно, быть помолвке. Тем временем дети вступили в пору юности, оба высокие и красивые: он — белокурый, сильный и ловкий, она — темноволосая, милая, но ужасно упрямая во всем, что было важно для нее.

В это время отец Бьёрна женился во второй раз.

Вынужденный много воевать с дикими племенами и соседними конунгами, Хринг часто по несколько недель проводил вдали от дома. В его отсутствие королева Хвит управляла страной. Ее не любили за то, что она всегда была высокомерна, тщеславна и холодна со всеми, кроме Бьёрна. К счастью, в Уплёнде народ жил в основном в маленьких деревеньках и на хуторах, разбросанных далеко друг от друга, и люди не слишком от нее зависели.

Однажды конунг Хринг решил вновь отправиться в поход. Бьёрн захотел идти вместе с ним. Этот поход должен был бы сделать из него настоящего воина. Но королева наедине с мужем потребовала, чтобы королевич остался и помогал ей. Конунг вскоре согласился, поскольку она превратила своего мужа — некогда сильного воина — в эту рыбу, заглатившую крючок ее удочки. Бьёрн пытался противиться воле отца, но с ним старый конунг мог еще оставаться неумолимым. В конце концов сыну конунга не осталось ничего другого, как смотреть вслед дружине, которая ушла в дальний поход без него.

Сдерживая слезы, Бьёрн бросился ничком на ложе в своей светлице. Так он лежал некоторое время без движения, погруженный в горькие раздумья, как вдруг дверь распахнулась и захлопнулась вновь. Послышался звук опускаемой щеколды. В комнате появилась королева Хвит в бесстыдном наряде, с распущенными локонами. Она приблизилась к Бьёрну, погладила его по голове и сказала нараспев:

— Бедный Бьёрн, бедный милый Бьёрн! Не стоит так печалиться. Я тебе сочувствую всей душой.

— Хорошо, но зачем ты устроила все так, чтобы я остался дома? — проворчал он.

Она улыбнулась и заморгала ресницами.

— Я видала тебя в борцовской схватке, в состязании бегунов, я знаю, как ты прекрасно владеешь разным оружием и умело охотишься на кабанов и лосей, — и тебе не стоит сомневаться в своих воинских доблестях. А вот в искусстве управления страной и в... других вещах... тебе предстоит еще постичь целый мир. Это твой шанс — выйти из тени отца! А теперь иди ко мне, мой милый медвежонок, насладись моей любовью.

Она назвала его так, потому что «Бьёрн» по-норвежски значит «медведь».

Юноша вскочил.

— Поди прочь! — закричал он. — Вон отсюда!

Она удалилась, даже не рассердившись. В течение нескольких следующих дней королева постоянно искала с ним встречи и в конце концов потребовала шепотом, чтоб на рассвете юноша тайком пришел в ее спальню, ибо она хочет сообщить ему нечто важное. Против своей воли Бьёрн подчинился.

Хвит была одна в своих покоях, погруженных в сумрак. Она бросилась к нему, бормоча о своей любви и стараясь затаять его в постель.

— Посмотри на меня, мой медведь! Посмотри, как я молода и полна сил, и при этом отдана Хрингу, высохшему как старое дерево! О, приди, и я покажу тебе, что значит жизнь во всей ее полноте!

Слишком пораженный, чтобы пошевелиться, он застыл, онемев на мгновение. Затем в гнев ударил ее по щеке. Хвит пошатнулась и отпрянула.

— Ты, глупая сука, — зарычал он, — разве я не говорил тебе, чтоб ты держалась от меня подальше?!

Она тяжело вздохнула, перед тем как прошипеть подобно гадюке:

— Это глупо с твоей стороны... Я не привыкла быть побитой и отвергнутой. Ты думаешь, Бьёрн, что лучше лапать хуторскую девчонку, чем любить меня и пользоваться моей любовью. Что ж, хорошо, как хочешь... Но за свое

бессердечие и... безрассудство — ты получишь награду! Вот она!..

И, сорвав перчатку из волчьей шкуры, она ударила его по лицу.

— Ты обошелся со мной безжалостно, как медведь, Бьёрн! И ты сам — суший медведь, так и оставайся им! Знай, ты превратишься в настоящего медведя, свирепого и дикого, который не знает другой пищи, кроме коров из стад твоего отца. Ты задерешь многих из них и никогда не освободишься от этого проклятия. И то, что ты знаешь об этом, — будет тебе худшим наказанием!

Пронзительно вскрикнув, Бьёрн, этот сильный мускулистый юноша, словно подхваченный неведомой силой, на мгновение закружился на месте и бросился вон из палат, но, едва миновав двор усадьбы, поплелся прочь, тяжело волоча ноги. Смех Хвит, пронзительней кошачьего визга, летел ему вдогонку сквозь сумрак наступающего рассвета.

Ни одна душа не знала, куда пропал Бьёрн и что с ним стало. Некоторые боялись, что его задрал огромный серый медведь, что начал нападать на королевские стада. Он убивал скот, проникая тихо, как ласка, на скотные дворы, и его удавалось увидеть только издалека. Охотники не раз пытались покончить с ним. Но тех осталось не так-то много в это военное время. Более коварный, чем обычный зверь, медведь затаивался и ждал, пока люди подойдут ближе, и неожиданно нападал сзади, убивая и калеча одних и обращая в бегство других. Перепуганные хуторяне скоро поняли, что ничего нельзя сделать, пока конунг со своей дружиной не вернется из похода.

Бера оплакивала своего возлюбленного.

Лето шло на убыль. Однажды, ближе к вечеру, она отправилась в лес по ягоды. На обратном пути, под холодным ветром и низкими серыми небесами, девушка внезапно остановилась и, бросив корзинку, закричала, поскольку сквозь кусты продирался тот самый медведь, огромный, заросший отливавшей железом шерстью. Она в ужасе оглянулась вокруг в поисках спасения: нет ли поблизости дерева, на которое можно бы было вскарабкаться, или какой-нибудь скалы... А медведь по-прежнему стоял на том же самом месте в нескольких саженьях от нее. Вдруг ей показалось, что зверь издал нечто, больше походившее на мурлыканье, чем на рычание. Медленно, подолгу останавливаясь, прежде чем

сделать новый шаг, девушка подошла ближе. Ей казалось, что все это похоже на чудо. Она подбадривала себя, стараясь не поддаваться страху, и наконец остановилась, не в силах двинуться дальше. Медведь был совсем рядом. Она посмотрела в его глаза, и голова закружилась у нее, когда показалось девушке, что она узнала глаза Бьёрна, сына конунга. Медведь отвернулся и затопал прочь. Она побежала следом и забрела высоко в горы, где кряжистый дуб возвышался среди поблекших трав и где взгляд путника невольно устремляется то к долинам, простертым в голубой тени, то к снежным вершинам, которые словно тонули в небесах. Но в этот вечер в холодных сумерках Бера видела только очертания огромной фигуры у входа в пещеру подле родника. Медведь поднылся на задние лапы... Да и был ли это медведь?..

Она кинулась в объятия Бьёрна.

Через некоторое время он сказал, что должен накинуть на себя какую-нибудь одежду. Смеясь и рыдая, она крепче прижалась к нему, воскликнув, что не даст ему замерзнуть. Когда он направился в пещеру, девушка последовала за ним. Внутри на песчаном полу едва тлел костер. Бера подкинула дров, весело заметив, что теперь это станет ее обязанностью. Как только пламя осветило пещеру, она увидела охапку сена, покрытую шкурами, и еще теснее прижалась к своему возлюбленному.

— Ты должна уйти, — сказал он запинаясь, — это не место для тебя, ибо я бываю человеком только ночью, а на рассвете снова превращаюсь в зверя.

— Так недолго... и ни минуты больше... но, может быть, я могу ждать тебя здесь, мой любимый? — заплакала она тихо.

Бера прожила в горах несколько недель. Когда Бьёрн возвращался на закате, она вытирала слюну, капающую с его морды, варила принесенные им ребра, бедро или окорок и ждала, когда медведь снова превратится в человека. Утром она расчесывала шкуру, что стала теперь его дневной одеждой, целовала ужасную голову и долго махала вслед, пока могла видеть Бьёрна в медвежьем обличье, ковыляющего вниз по склону. Остальное время она оставалась наедине с солнцем, облаками, дождем, ветром и небом. Немного вздремнув, собирала хворост и орехи на зиму, стараясь сделать пещеру похожей на человеческое жилье. Время от времени плакала, но чаще пела.

Впоследствии она не рассказывала ничего больше о своей жизни у горных вершин. Кто знает, может, и в самом деле медведь не бродил день и ночь среди людей в поисках добычи? Ездил ли она верхом на его загривке, ликуя, как та девчонка, которой она была в недавнем прошлом? Совершал ли он набеги на пчелиные улья, чтобы принести ей немного сот, переполненных медом, как и он сам был переполнен любовью к ней? Плела ли она венки, чтобы украсить его голову?

Брал ли он ее с собой, когда отправлялся на поиски эльфов? Несомненно, судя по тому, что произошло дальше, Бьёрн должен был общаться с ними. Ведь он только наполовину принадлежал миру людей, а вторая половина его естества была прочно связана с Волшебным миром. Несомненно, такая жизнь должна была повлиять и на Беру, приблизить ее к духам лесов и гор. Смеялась ли она шалостям русалок, спасалась ли бегством, едва завидя водяного, разрезающего гладкую поверхность озера, залитого лунным светом? Сидела ли она у ног вертлявого гнома, что был хоть и стар, но крепок, как тот дуб у ее пещеры, слушала ли его загадки и рассказы о былом? Убегала ли она в страхе, заслышав, как сотрясается земля под ногами троллей? Доводилось ли ей слышать, как в ночном поднебесье павшие в битвах герои с гиканьем выезжают из Асгарда во главе с Одноглазым Копьеносцем на восьминогом жеребце?

Встречала ли она эльфов, этих высоких, сумрачных существ — хотя порой озорство и веселье переполняет их, — что приходят из своих потайных дворцов с высокими крышами или владений богов, которым они служат? Видела ли она, как эльфы танцуют в лунном свете вокруг священных камней, воздвигнутых в далекой древности, — жуткие и прекрасные в роковой верности своему предназначению в этом мире. Одна из женщин этого племени любила подолгу беседовать с Бьёрном о былом и грядущем страны, называемой Данией. И после тех бесед Бьёрну нужна была вся радость, которую Бера могла ему дать. И Бера с Бьёрном любили друг друга, пока не приходил ненавистный рассвет.

Осенью из похода вернулся конунг Хринг, и хуторяне рассказали ему о том, что случилось с его сыном, или точнее, о том, что, как им казалось, случилось с королевичем. Услышав, что Бьёрн пропал, став, похоже, жертвой зверя, постоянно нападающего на королевские стада, старик в отчаянии

закрыв лицо руками. Долго сидел он так, прежде чем сумел овладеть собой. Потом королева стала сильнее всех молить его собрать достаточно людей и охотничьих псов, чтоб затравить это чудовище и наконец избавить от него округу. Хринг посмотрел на нее искоса и сказал, что непременно так и сделает.

Однако перед всеми остальными он старался вести себя так, будто этот медведь не так уж и опасен. Хвит продолжала настаивать на своем, так же как и его друг Гуннар, чья дочь тоже пропала, так же как и многие другие: у кого-то близких задрал медведь, прочие просто боялись столкнуться с этим ужасным зверем. В конце концов Хвит язвительно заметила:

— Похоже, тебе неостанет мужества сохранить свои владения? Конечно, я и сама смогу позаботиться о них, ибо худая участь ожидает того правителя, что полагается в своих делах только на асов.

Хринг вздохнул и отвернулся от нее. На следующее утро он созвал охотников со всех уголков страны.

Несколько ночей спустя ложе зашуршало под Бьёрном, когда он проснулся и привлек Беру к себе. Она прильнула к нему, слушая стук его сердца, чувствуя запах сухого сена и шкур и его собственное, столь дорогое для нее тепло. В полутьме, сквозь завывания ветра она услышала его голос:

— Я видел сон. Завтрашний день станет днем моей гибели. Они обложат меня со всех сторон, чтобы убить.

Бера зарыдала. Он прервал ее рыдания поцелуями и продолжал все тем же глухим шепотом:

— Что поделать, в моей жизни было мало радости, разве что те минуты, когда мы были вместе, но теперь и это должно закончиться. Молчи! Я оставляю тебе золотое запястье с моей левой руки. На завтра иди к конунгу и попроси его отдать тебе то, что будет у зверя ниже левого локтя. Он выполнит твою просьбу. Возможно, королева поймет, о чем ты просишь, и предложит тебе отведать медвежьего мяса. Ты не должна...

— Я не смогу!..

— Ты знаешь, что беременна от меня. У тебя родятся три сына, и эта еда может принести им большой вред, ибо королева — отвратительнейшая из колдуний.

Но ты отправляйся домой к своим родителям и там дай жизнь нашим детям. Больше других ты будешь любить одного из них, хотя трудновато будет тебе совладать с ними со

всеми. Когда они перестанут слушаться тебя, приведи их в нашу пещеру. Там ты найдешь сундук с тремя замками. Руны, вычеканенные на его крышке, расскажут тебе, что каждый из них унаследует от меня. Там будут также храниться три вида оружия, и каждый из юношей получит то, которое я ему предназначил.

Он постарался поцелуями осушить ее слезы.

— Назови наших сыновей добрыми именами: пусть первого зовут Фроди, второго — Тори, а третьего — Бьярки — ибо всех их запомнят надолго.

Она прижалась к нему, и ей показалось, что слышит она слабый шепот:

— Отныне все они будут отмечены знаком зверя. Даже тот, кто будет казаться избегнувшим этой напасти, в конце концов также будет отмечен этим знаком...

Бьёрн замолчал и снова принялся утешать ее, как мог.

На рассвете Бьёрн превратился в медведя. Когда он вышел из пещеры, Бера последовала за ним в тусклый свет нового дня. Оглянувшись на шум, она увидела сотню охотников, взбирающихся вверх по крутым склонам. Перед ними целая свора собак скалила зубы и заливалась лаем.

Медведь лизнул ее руку и бросился на охотников. Собаки и люди окружили его. То была тяжелая и долгая схватка. Он убивал каждую приблизившуюся к нему собаку, вспарывая брюхо, ломая хребет, разрывая пополам. Немало раненых было и среди людей. Копья и стрелы поражали медведя, пока тот из серого не стал кроваво-красным. Круг охотников сомкнулся. Он все еще пытался вырваться, но везде были щиты и клинки. Медведь начал натекать на копья, потом запутался в кишках, что свешивались из его распоротого брюха. Не осталось пути, по которому он мог бы вырваться на свободу. Зверь повернулся в сторону конунга и, налетев на человека, стоявшего на пути, разорвал его на куски.

Но после этого медведь уже был настолько изранен, что пал на землю без сил. Его дыхание выходило с кровью. Люди сомкнулись над ним, вскинув топоры и копья, — и прикончили его.

Потом, когда охотники стали поздравлять друг друга, чуть не лопааясь от гордости, Бера решительно подошла к конунгу Хрингу. Ее уста были твердо сомкнуты.

— Ах, Бера, дорогая, где же ты была все это время?.. — спросил конунг, узнав ее.

— Это неважно, господин, — ответила она, — но, во имя старых добрых времен, отдашь ли ты мне то, что у твоей добычи ниже локтя?

Он взглянул на нее, прежде чем кивнуть своей седой головой, и сказал громко, чтоб его люди обязательно услышали:

— Конечно. Должно быть, ты, заблудившись, долго голодала. Воистину я позволяю тебе взять то, что ты просишь.

Неподвижная, как статуя, Бера смотрела, как охотники освежвали и разделали тушу. Потом она нашла в себе силы приблизиться к бесформенной массе и встать подле нее на колени. Никто не увидел, как она сорвала золотое запястье и спрятала его у себя на груди. Отряд с ликующими криками направился назад к королевской усадьбе. Бера пошла вместе со всеми, потому что могло бы показаться странным, если бы она, после столь долгого пребывания в глуши, не отправилась в королевские палаты на пиршество.

Королева Хвит встретила охотников в веселом расположении духа и, пригласив всех в дом, отдала приказ приготовить медвежье мясо для пира. Увидев Беру, грустно забывшуюся в угол, она запнулась, сжала кулаки и удалилась. Едва начался хмельной пир, как королева сама внесла в залу деревянный поднос с кусками брызжущего жиром жареного медвежьего мяса.

Подойдя прямо к Бере, она заговорила так, чтоб ни у кого не возникло сомнения в чистоте ее намерений:

— Как приятно узнать, что ты жива. Бедняжка, ты, должно быть, ужасно голодна. Вот, отведай жаркого.

Девушка отступила назад к скамье.

— Нет! — взмолилась она.

Хвит держалась с удивительным спокойствием. Было что-то пугающее в облике этой женщины, одетой в призрачно-белое платье, мерцающее в сумраке, так же как мерцали ее глаза и зубы.

— Почему ты не слушаешься меня? — сказала она. — Не стоит отвергать кушанье, что поднесла тебе сама королева, оказав тем самым высокую честь. Отведай немедленно, или ты получишь кое-что похуже.

Она достала свой нож и, подцепив острием кусок мяса, поднесла его к губам девушки. Измученная, сраженная горем и охваченная страхом за своих еще не рожденных детей, Бера не знала, что делать. На них стали обращать внимание.

Если бы эти люди знали правду, как бы они поступили? Она сомкнула ресницы и сжала кулаки, чувствуя, как комок горячего мяса вталкивают ей в рот. Запах пригоревшей крови отдавался болью в висках. Бера проглотила кусок целиком.

Королева рассмеялась:

— Вот видишь, не так уж и плоха медвежати́на на вкус, малютка Бера.

И она подцепила новый кусок. Едва он коснулся губ Беры, как она, подобно морской волне, отпрянула с неожиданной силой и, выплюнув мясо, с криком пала к ногам королевы:

— Нет, не надо! Хватит меня мучить, уж лучше сразу убей!

Хвит снова рассмеялась:

— Может быть, этот кусочек не слишком хорошо приготовлен? — и она подцепила третий.

Бера проскользнула мимо нее и бросилась прочь из залы. Королева не могла допустить, чтоб присутствующие неверно истолковали происходящее, и сухо промолвила:

— Ну ладно, ладно. Что-то она слишком чувствительна для хуторской девки. Я только хотела немного развеять ее грусть.

Бера вернулась домой к отцу и матери. Слишком тяжела была эта ноша для ее плеч, поэтому им она рассказала все, что с ней произошло на самом деле.

3

Хвит больше не пыталась причинить Бера злю. Может быть, не смела, а может быть, ей казалось, что и так сделано достаточно и теперь можно тайно наслаждаться плодами черного злодейства. Тем временем Бера в муках родила ужасного на вид первенца. До пояса он выглядел как человек, а ниже походил на лося. Когда Гуннар хотел забрать этого визжащего выродка и бросить его на горном склоне, чтобы он умер от голода или волки растерзали его, — она закричала вся в поту, преодолевая боль:

— Нет! Это же сын Бьёрна. Он хотел назвать его Фроди!

Затем она родила другого мальчика с безобразными собачьими лапами вместо ног, хотя в остальном он не отличался от других детей. Она назвала его Тори. Наконец

родился третий сын. На нем не было никакой порчи. Это был Бьярки, который стал ее любимцем.

О годах, что последовали за этими событиями, мало что можно рассказать. Поначалу люди, должно быть, обходили стороной этот дом, в котором поселилось злосчастье. Однако Гуннар был богат и пользовался уважением: он построил капище, посвятив его Тору, где часто приносил жертвы богам, — и его стада множились год от года, а урожаи были всегда обильны. И казалось, что он или его домашние ничем не могли прогневать богов или земных властителей. Об уродах, что родила его дочь, знали все, тем более что те не любили сидеть дома. Вскоре жизнь потекла как и прежде, разве что не стало больше тесной дружбы между Гуннаром и конунгом Хрингом. Однако злобный нрав королевы Хвит вынудил и многих других его подданных сторониться королевских палат.

Гуннар и его жена почитали разумным покуда хранить в тайне, кем был отец их внуков. Бера говорила всем, что родила их от бродяги, напавшего на нее во время скитаний по Уплёнду. Такое часто случалось. Будучи миловидной и сильной, да к тому же имея большое приданое, она привлекала к себе множество поклонников, но ни один из них не стал ее мужем.

Дети быстро росли. Лось-Фроди на своих длинных, обросших шерстью ногах споро скакал по двору туда-сюда, стуча копытами — цок-цок, — и ему стоило труда ступать медленно, как это делают люди. Он всегда опережал в беге всех, кроме своего брата Тори по кличке Собачья Лапа, а когда тот подрос, никто из окрестных мальчишек не мог одолеть его в драке или в поединке на деревянных мечах.

Уродливым великаном был Фроди — неотесанным, грубым, и ему удавалось ладить только со своими братьями. Те, однако, были самыми видными среди местных парней, и различали их соседи лишь тем, что у Тори ноги были собачьи. И если средний сын был так же сварлив, как и старший, то у младшего — Бьярки — было просто золотое сердце.

Тем не менее, проводя все время в компании своих братьев, он не мог избежать их влияния. Чем старше они становились, тем больше шумели и все меньше слушались взрослых. Играя с соседскими мальчишками, они бывали жестоки и властны, — и многим из тех, кто попадал к ним в руки, изрядно доставалось.

Худшим был Лось-Фроди. В двенадцать лет он был широк в кости и могуч, как взрослый мужчина, и мог бы быть не менее высоким, если бы не ноги, делавшие фигуру приземистой и неуклюжей. Фроди начал даже нарушать покой королевского двора, часто задевая стражников и вызывая их на драку. Впадая в раж, он безжалостно разил противников своими острыми копытами и бил кулаками, огромными, как кувалды. Несколько человек скончалось от побоев.

Это стоило Гуннару изрядного количества золота и привело к ссоре между дедом и внуком.

В конце концов Фроди направился, щелкая копытами, к Бере и сказал ей, что хочет уйти.

— Не желаю иметь ничего общего с этими людишками, — зарычал он. — Они столь слабы и беспомощны, что им кажется, будто я могу их поранить, если просто подойду близко.

Бера вздохнула:

— Возможно, оно и к лучшему. Но сначала пойд и возьми то, что оставил тебе отец.

Они вместе отправились в горы. Бера не была там с тех пор, как Бьёрна затравили охотники. Колышущиеся травы, впитавшие солнце; свежие цветы; шелестящая листва деревьев; ястреб, парящий в вышине среди облаков, которые, казалось, сбивают снег с вершин; дрозд, заливающийся долгой трелью, и заяц, обратившийся в бегство, — все уже забыло о ее жизни в этих местах. Когда мать и сын вошли в пещеру, они сразу увидели там запертый на три замка бронзовый сундук такой изумительной работы, что он не мог быть делом человеческих рук. Некоторое время ей пришлось вчитываться в рунические письма, вычеканенные на крышке сундука, чтобы постичь их смысл. Едва она дотронулась до замков, как те сами собой открылись. Внутри лежали прочные кольчуги, дорогие одежды, золотые кольца и запястья и прочие драгоценности. Руны говорили, что Лось-Фроди должен унаследовать лишь малую толику этих сокровищ.

— Тогда я возьму то, что мне принадлежит, — усмехнулся он и попытался схватить шлем, но тот выскользнул у него из рук, и ему так и не удалось ничего извлечь из сундука. — Ну ладно, тогда я завоюю то, что мне не пришлось унаследовать, черт побери!

Может быть, даже слеза скатилась по его щеке?

Сквозь сумрак, ступившийся в глубине пещеры, Фроди разглядел стальной проблеск и поспешил туда, раздираемый любопытством. Он увидел, что в гранитную скалу, вздымающуюся из более мягких пород подобием стены, были вогнаны неведомой силой могучий и прекрасный длинный меч, огромная боевая секира и короткий меч с изогнутым клинком.

— Ха! — закричал Фроди, ухватив рукоять длинного меча.

Он отчаянно пытался выдернуть это мощное оружие, так что пот лил с него градом. Однако ему не удалось даже поколебать меч, как, впрочем, и секиру. Но как только Фроди сжал рукоять короткого меча, тот мгновенно выскользнул на свободу. Удивившись этому, Фроди промолвил:

— Тот, кто разделил эти сокровища между нами, был не слишком-то справедлив.

Яростно стиснув рукоять двумя руками, он в сердцах рубанул мечом по скале. Но клинок не сломался, а со звоном врезался в гранит.

Некоторое время он рассматривал свое оружие и наконец сказал:

— Не беда, что мне досталась эта нехитрая шутовина. Сдается мне, она тоже умеет кусаться.

Затем он повернулся к сундуку и, схватив то, что ему еще предназначалось, убежал прочь, даже не простившись с матерью. И она его больше никогда не видела.

Через несколько месяцев стало известно, что Лось-Фроди обосновался в глуши Кесельских гор, куда вела только одна дорога. Там он построил себе хижину и жил в ней как разбойник, убивая и грабя путников. Потребовалось бы собрать немало смельчаков, чтоб дать ему достойный отпор. Если ему не оказывали сопротивления, он довольствовался тем, что отбирал у своих жертв все пожитки, но если те пытались отбиваться, то он без жалости убивал и калечил их.

Конунг Хринг, прослышав о его проделках, понял, что здесь не обошлось без колдовства. Однако он сказал, что не считает своим долгом охранять от разбойников все торговые дороги Гаутланда.

После того как Фроди пропал, Тори Собачья Лапа и Бьярки стали вести себя немного потише, но оба по-прежнему оставались неутомимыми. Через три года и средний из братьев попросил у матери разрешения уйти.

Бера отвела его в пещеру, где хранилось то, что предназначалось ему. Это была гораздо большая доля, чем унаследовал его старший брат. Тори также попытался вытащить прекрасный длинный меч, но не сумел. Зато он легко освободил секиру из объятий камня, а это тоже было могучее оружие. Затем Тори облачился в дорожные одежды, попрощался с матерью, дедом и бабкой и ушел на запад.

Все сыновья Беры были заядлыми охотниками. Поэтому Тори сумел обнаружить неприметные для глаз обычного человека следы брата на Гаутландской дороге и пошел по ним. На вершине скалистого утеса, в сумраке елей он увидел бревенчатый дом, крытый дерном. Войдя внутрь, он уселся на единственную лавку и поглубже надвинул шапку.

В вечернем сумраке послышался стук копыт, земляной пол задрожал от тяжелых шагов, и в проеме двери появился Лось-Фроди. Он был пяти локтей росту и невероятно широк в кости. Свирепо уставившись на пришельца, едва различимого во мраке, он выхватил свой тесак и сказал такую вису:

*Выскочит из ножен
мой короткий меч —
знает он на славу
Хильды ремесло.*

Хильда — это валькирия, а ремесло ее — война и смертоубийство. Яростно засопев, Фроди мощным ударом вогнал клинок глубоко в скамью.

Тори весело молвил в ответ:

*Может ловко
мой топор
ту же речь
в ответ проречь.*

И он открыл свое лицо. После нескольких лет жизни в одиночестве, без друзей Фроди был переполнен свойственной ему грубой радостью, когда наконец узнал в пришельце своего брата. Он предложил ему свой кров и половину добычи.

Тори ответил, что ему ничего не нужно, он, дескать, собирается провести здесь несколько дней, а потом уйдет дальше.

На что Лось-Фроди воскликнул:

— Я не женщина, чтоб пытаться удержать тебя здесь, к тому же я только наполовину человек. Так же как и ты, братец. Ладно, слушай, я дам тебе хороший совет... кое-что интересное мне рассказали те, кого я недавно подстерег, в благодарность за то, что я их пощадил. Иди в страну гаутов и поселись на берегах озера Венер в Западном Гаутланде. Жители этих земель платят подать верховному конунгу Бйовульф. Их собственный конунг умер, и они хотят собраться в середине лета, чтобы выбрать себе нового правителя. А делают они это так. В центре площади, где обычно собирается тинг, устанавливают трон с таким широким сиденьем, что на нем могут уместиться двое обычных мужчин, и тот, кто сумеет занять его, не оставив места для других, становится конунгом. Похоже, что ты как раз того сложения, что требуется.

— Да, странный обычай, — сказал Тори.

Фроди усмехнулся:

— Мне видится в нем не меньше смысла, чем во всяком другом человеческом деянии. Либо они заполучат в конунги великана, который поведет их к победам, либо это место займет какой-нибудь толстяк, слишком ленивый, чтоб начать войну.

— Сдается мне, для побед им хватает Бйовульфа. Благодарю тебя за добрый совет.

— Надеюсь, что смогу еще помочь тебе... что ж, уходи, если считаешь, что должен идти! — кивнул Фроди.

Итак, Тори отправился в Западный Гаутланд, где местный ярл хорошо его принял. Люди восхищались ростом и обликом пришельца. Когда собрался тинг, те, кто ведал его законами, посчитали, что Тори лучше всех подходит для трона конунга, и бонды провозгласили его своим господином.

Много сказаний сохранилось о конунге Тори Собачья Лапа. Он обзавелся множеством друзей, в числе которых были — и местный ярл, на чьей дочери он женился, и сам верховный конунг. Когда Бйовульф пал в схватке с драконом, беды обрушились на Гаутланд. Тори выступил на стороне Виглейка, которого старый правитель хотел видеть своим преемником, и в сраженьях завоевал ему трон.

Тем временем Бьярки оставался дома.

Прошло более трех лет.

Его мать была счастлива с ним. Младший сын Бьёрна рос одновременно добрым и отважным. Не было ему равных ни в охоте, ни в драке. Он больше не состязался со своими приятелями ни в борьбе, ни в беге и ни в чем другом только потому, что те все равно не смогли бы одолеть его. Все понимали это, ведь недаром Бьярки возвышался на целую голову над самым высоким из местных парней. Он был таким широкоплечим и плотным, что не казался слишком высоким, но мог, не запыхавшись, догнать коня или оленя и был гибок, как лоза. Хорош и лицом, и статью, Бьярки был похож на своего брата Тори: густобровый, прямоносый, веснушчатый. Его рыжие волосы горели огнем, а глаза сияли голубизной. Но, в отличие от брата, он не бегал по-собачьи вприпрыжку, а широко шагал, как человек.

Сначала Бьярки был постоянно весел, но со временем начал задумываться. Бера наблюдала за переменой в настроении сына с растущей тревогой. И она совсем не удивилась, когда однажды тот пригласил ее прогуляться по зеленому лесу. Здесь он спросил ее о своем отце. Какие муки испытывал он, слушая рассказ матери! Но теперь он хотел знать все.

Горе и радость сменяли друг друга в этом долгом повествовании о Бьёрне и королеве Хвит, погубившей влюбленного сына конунга.

Бьярки в сердцах стукнул кулаком о ладонь, да так, что птицы взлетели с веток.

— Мы должны отомстить этой колдунье за все, что она сотворила! — закричал он.

— Берегись ее, — взмолилась мать.

И она рассказала ему о том, как та заставила ее есть медвежье мясо и чем это обернулось для его братьев Лося-Фроди и Тори.

Бьярки процедил сквозь зубы:

— Сдается мне, Фроди следовало бы давно отомстить за нашего отца и себя самого, вместо того чтобы разбоем добывать богатства да убивать беззащитных людей. И странно, что Тори до сих пор пребывает вдали отсюда и все еще не преподнес этой старой карге подарок на память.

— Они ничего не знают, — прошептала Бера.

— Хорошо, тогда, — зарычал Бьярки подобно волку, — я сам отплачу ей за всех!

Мать попыталась предостеречь сына от колдовских чар коварной Хвит. Он обещал быть всегда начеку, и месть свою подготовил с тщанием.

Дед Бьярки, Гуннар, совсем ослабел от старости. Поэтому Бьярки и Бера вдвоем пришли в палаты конунга Хринга. Они увидели, что королевские палаты совсем обветшали: краска облупилась со стен, двор зарос сорняками, лишь несколько сонных стражников и слуг встретили они внутри. Не нашлось достойного покоя, где бы конунг мог принять их как должно. Да и сам Хринг сильно постарел. В нем, в отличие от Гуннара, совсем не осталось достоинства. Его руки постоянно тряслись.

Бера предстала перед конунгом со своим сыном и рассказала ему обо всем, что произошло. В доказательство она показала запястье, снятое с лапы убитого медведя.

Конунг повертел его в своих скрюченных пальцах, внимательно всмотрелся слезящимися глазами в узоры и прошептал:

— Да, да, я узнаю его. Ведь я сам когда-то подарил это запястье моему Бьёрну, моему сыночку... О, я догадывался, я не был слеп тогда, но ничего не мог поделать... потому что я очень любил ее.

Сильный молодой голос Бьярки взлетел к самым стропилам дома:

— Пусть же с Хвит будет покончено сейчас же... Иначе я сам отомщу ей!

Стараясь сдержать дрожь, хотя день был по-летнему теплым, конунг Хринг стал умолять их решить дело добром. Он сулил золото и всяческие богатства, о коих можно только мечтать, если Бьярки сохранит все в тайне. Он обещал дать своему внуку земли в управление и титул ярла, а потом тот сможет стать конунгом всего Уплёнда, после того как Хринг уйдет в мир иной, а этого не так уж долго осталось ждать... Ведь Хвит не родила ему наследников... Только подарите ей жизнь...

— Не бывать этому, — сказал Бьярки, — прежде всего потому, что я не желаю называть эту дьяволицу своей госпожой. И ты — ты тоже пойман ею в ловушку, и она управляет твоей державой и твоим разумом. Никогда та, что убила моего отца, не будет чувствовать себя спокойно в Уплёнде.

Хринг как-то весь съежился и казался совсем уничтоженным. Он мог бы позвать стражу, но, вероятно, понимал,

что Бьярки, побеждавший любого в состязаниях, всегда сумеет прорубить себе путь среди щитов и мечей, направленных на него. А может быть, он боялся, что стражники не встанут на защиту королевы, которую они ненавидели? По-юношески беспечный, Бьярки пересек двор и распахнул дверь в покои королевы.

Служанки Хвит разбежались, пронзительно крича, и королева, корчась от злобы, предстала перед ним одна. Ее лицо, искаженное гневом, как зеркало отражало душу этой женщины, что была еще более жалкой и истощенной, чем ее плоть. Бьярки схватил мешок из толстой кожи, натянул ей на голову и крепко затянул горловину.

Ослепшая, она уже не могла сотворить необходимые заклинания, а только царапалась и шипела от ненависти. Бьярки услышал ее злобный шепот:

— Ха! Я знаю, я провижу: настанет день, и другая ведьма погубит тебя...

Он нанес ей удар кулаком. Ее голова запрокинулась, и Хвит упала навзничь.

— Это за моего отца! — вскричал он, рывком поднимая ее на ноги.

Удар следовал за ударом:

— Это за мою мать! Это за Лося-Фроди! Это за Тори Собачью Лапу!

Когда ведьма наконец испустила дух, он связал ей лодыжки, протащил по округе, чтоб все видели ее позорную смерть, обезглавил и сжег.

Так, далеко от родного края, умерла Хвит, дочь конунга финнов. Большинство челядинцев конунга посчитали, что ее смерть не была слишком суровой.

Потом Бера показала Бьярки пещеру. Он забрал оставшуюся, большую часть сокровища и легко вытащил длинный меч из камня.

Руны на его клинке гласили, что этот меч зовется Луви. То был лучший клинок в мире, ибо выкован он не человеческой рукой. Его нельзя было ни класть под голову, ни отдыхать, опираясь на его рукоять, и к тому же точить его владелец мог лишь трижды в жизни. Как бы ни был нанесен удар, он всегда будет смертельным, и повторный удар не потребуется. Следуя советам матери — она вспоминала порой об эльфах, — Бьярки сделал для меча ножны из коры березы.

Старый конунг Хринг ненадолго пережил свою жену. Когда он умер после болезни, народ провозгласил Бьярки новым конунгом.

Бьярки правил три года, преуспев в искоренении вреда, причиненного королевой-ведьмой. Однако он остался таким же беспокойным, как и его братья. Уплёнд вряд ли мог быть хорош для такого молодца, как он. Здесь были высокие горы и славная охота, но, пожалуй, этим и ограничивались достоинства отчизны Бьярки. Люди в такой глуши со временем превращались в этаких простаков из-за постоянных забот и хлопот о своем хозяйстве. Самое лучшее, думал Бьярки, было бы отправиться в далекие страны, став купцом или викингом. Почему бы не отыскать того, что эта земля никогда не даст?

Прежде всего Бьярки решил позаботиться о том, чтоб его мать ни в чем не нуждалась. Вальслейф ярл занимал высокое положение, был вдовцом и к тому же нравился Бере. Бьярки устроил их свадьбу и сам подвел жениха к невесте. Затем он созвал тинг и сказал людям, что собирается в дальний поход и тем следует выбрать нового конунга.

Наконец все было готово к отъезду.

Был у Бьярки конь, достаточно сильный и статный, чтоб нести такого великана. То был единственный его спутник в дальнем пути. Большая часть золота и серебра ушла в обмен на оружие и одежду, зато Бьярки имел все необходимое для дальнего похода.

В пути он наконец смог дать волю своей радости. Высоко в небесах жаворонки слышали его песню.

О его странствиях ничего не известно, кроме того, что однажды он, как и его брат Тори, подъехал к логову Лося-Фроди.

Бьярки спешил и привязал своего коня в стойле, расположенном в глубине дома. Он легко узнал некоторые из вещей, сложенных в углу, потому что они были похожи на те, что он сам взял из сундука эльфов в пещере, и почувствовал, что кое-что из них еще может ему пригодиться.

На закате Фроди вернулся домой и увидел незнакомца, развалившегося на его лавке да еще прячущего лицо под глубоко надвинутой шапкой. Даже для разбойника Фроди гость всегда оставался гостем, чья жизнь свята. Он ввел свою лошадь в стойло и обнаружил, что та не идет ни в какое сравнение с конем незнакомца. Повернувшись, он сказал:

— Ну, нахал, как это ты осмеливаешься сидеть здесь на моей лавке, даже не спросив у меня дозволения!

Бьярки еще ниже надвинул шапку и не ответил.

Стараясь испугать его, Фроди со скрежетом выхватил свой короткий меч из ножен. Два раза он проделывал это, но незванный гость не обращал на него никакого внимания. Разбойник в третий раз обнажил клинок и приблизился вплотную к незнакомцу. Как бы ни был могуч Бьярки, грозный Лось-Фроди превосходил своего младшего брата в росте и весе. Однако тот по-прежнему спокойно сидел. Фроди зарычал, брызгая слюной:

— Не хочешь ли ты побороться со мной?

Он надеялся сломать шею этому невеже во время привычной молодецкой забавы и тем самым избавить себя от необходимости выставить его вон из дома, нарушив законы гостеприимства.

Бьярки рассмеялся, вскочил на ноги и обхватил Фроди вокруг обросшей грубой шерстью груди. Изнурительной была эта схватка. Противники кружились и прыгали, так что стены дрожали.

Внезапно шапка упала с головы незнакомца и Фроди узнал в нем своего брата. Он прекратил борьбу и прорычал:

— Добро пожаловать, родич! Что ж ты сразу не сказал мне, что это ты? Слишком долго мы дрались.

— Ох, может быть, стоит продолжить наш поединок? — сказал в ответ Бьярки.

Он тяжело дышал, и его пропотевшая одежда липла к телу.

Лось-Фроди помрачнел.

— Плохо бы тебе пришлось, родственничек, если бы мы всерьез продолжили схватку... — проворчал он. — Я могу только радоваться, что вовремя узнал тебя... Подойди-ка...

Он крепко обнял брата, густой запах леса, исходивший от него, ударил Бьярки в ноздри.

— Давай пить и есть. Ты должен рассказать мне обо всем!

Бьярки остался у Фроди на несколько дней, которые они проводили в долгих беседах, если не отправлялись на охоту. Старший брат предложил Бьярки навсегда остаться в его доме и делить награбленную добычу поровну. Тот отказался. Он не любил убивать людей лишь для того, чтоб завладеть их имуществом.

— Мне было жаль многих из них, особенно слабых и малорослых, — признался Фроди, пряча лицо в сумраке, чуть рассеянном отблесками очага.

— Рад слышать это, — сказал Бьярки, — но лучше бы ты позволил каждому уйти с миром, даже если ты можешь приумножить свои богатства, убив его.

— Я выбрал себе невеселый удел, — сказал Лось-Фроди, — и через мгновение добавил: — А что до твоих намерений, я могу многое рассказать об этом мире, хотя и пребываю в лесу в одиночестве. Путники и... кое-кто еще... рассказали мне много интересного. Если ты желаешь славы и богатства, ступай к конунгу Дании Хрольфу. Самые лучшие воины приезжают к нему, чтобы поступить на службу, ибо он самый отважный, мудрый и щедрый правитель в Северных Землях.

Не успел он закончить свой рассказ, как Бьярки решил последовать его совету.

На следующее утро Лось-Фроди отправился проводить брата, скрашивая путь своей грубой болтовней. Наконец настала пора прощаться. Бьярки спешился, чтобы дружески похлопать Фроди по плечу. Тот грубо толкнул брата, и он отступил назад. Улыбка скривила уродливые губы разбойника.

— Ты не так силен, как должен быть, родственничек, — сказал старший брат.

Достав нож, Фроди надрезал кожу на своем бедре.

— Испей моей крови, — сказал он, указывая на струйку, сочившуюся из пореза.

Как во сне, Бьярки преклонил колена и повиновался.

— Поднимись, — приказал Фроди.

Не успел Бьярки выпрямиться, как получил еще один мощный толчок в грудь. Но теперь тот, кто был моложе на час, остался стоять даже не шелохнувшись.

— Полагаю, что это питье пойдет тебе на пользу, родственничек. Теперь ты можешь справиться с чем угодно, и я от души желаю тебе удачи.

Он с силой топнул ногой на обочине дороги, и копыто сквозь почву и грязь со звоном врезалось в скальный грунт, уйдя в него по бабку. Вытащив его, он сказал:

— Через день я буду приходить к этому следу и смотреть, чем он заполнится. Если ты умрешь от болезни — плесень выступит на граните, если ты утонешь — след заполнит вода,

но если ты погибнешь от меча или секиры — там будет кровь, и тогда я приду отомстить за тебя... ибо ты мне дороже всех людей на свете.

И Лось-Фроди ускакал прочь по лесной дороге.

Бьярки, стряхнув с себя грусть, отправился в долгий путь. Ничего дурного не приключилось с ним, пока он добирался до озера Венер. В то время конунг Тори Собачья Лапа пребывал то ли на войне, то ли на охоте — точно не известно. Жители Гаутланда очень удивились, увидев, что их властелин возвращается, ведь Бьярки верхом выглядел в точности как Тори.

Не понимая, что творится, Бьярки почел за благо не спорить с хозяевами, пока все не разузнает. Он позволил гаутам привести себя в королевские палаты и усадить на трон. Когда же настал вечер, его проводили в опочивальню к самой королеве.

Когда они остались одни, Бьярки сказал:

— Я не стану спать с тобой под одним одеялом.

Королева несколько отстранилась от пришельца, когда узнала, кто он на самом деле. Но она тоже сочла разумным скрывать, кто приехал к ней, ибо ведьмы или норны могли быть причастны к этому.

Некоторое время все шло своим чередом. Хотя Бьярки и королева не стали любовниками, но остались добрыми друзьями.

Когда Тори вернулся домой и обнаружил там своего брата, он был сам не свой от радости и заключил его в крепкие объятия. Услышав рассказ о том, что случилось, конунг заметил, что если и есть такой человек в мире, кому бы он мог без опаски доверить свою супругу, так это его брат. Он хотел, чтобы Бьярки остался у него, и готов был с ним поделиться всем, что имел.

Бьярки ответил, что желает иной судьбы. Тори предложил, чтобы его воины следовали за ним, куда бы он ни поехал. Но и от этого Бьярки отказался.

— Я направляюсь в Данию, к конунгу Хрольфу, — сказал он. — Хочу узнать, правду ли говорят, что его воины гораздо богаче, чем конунги в других землях.

— Может быть, и так, — сказал Тори сухо. — Но тем не менее я лучше останусь здесь. — И добавил более серьезно: — Помни, те птицы, что залетают выше других, чаще попадают в когти ястреба.

— Уж лучше так, чем всю жизнь прожить подобно кроту, — сказал Бьярки.

Тори хотел было ответить, но вовремя сдержался.

Когда пришла пора прощаться, Тори отправился проводить брата. Они простились как добрые товарищи, хотя каждый остался при своем мнении.

Мало что можно сказать о дальнейших странствиях Бьярки: он благополучно добрался до Зунда, заплатил за переправу, а там уже было рукой подать до Лейдры.

4

Год подошел к осени: каждый новый день становился все короче и холоднее. Когда Бьярки был уже близок к концу своего путешествия, дождь стал лить с рассвета и до заката, не давая ему заночевать где-нибудь на свежем воздухе. Однако он продолжал свой путь, желая как можно скорее добраться до Лейдры; и на исходе дня, промокнув насквозь, оказался на вересковой пустоши. Его конь был измучен долгим переходом, из последних сил скользя и хлюпая в глубокой — по колено — грязи. Ливень шумел по-прежнему, пронизывая ледяными струями сгустившуюся темень. В конце концов Бьярки сбился с пути.

Через некоторое время конь споткнулся о нечто, смутно напоминавшее могильный холм. Бьярки спешил, чтобы рассмотреть неожиданное препятствие поближе, и обнаружил, что это бедняцкое жилище, из тех, что не лучше землянки, крытой дерном и торфом. Дымник был чем-то прикрыт, но слабый красноватый свет изнутри проникал сквозь щели вокруг двери. Бьярки постучал. Какой-то мужчина слегка приоткрыл дверь. Он сжимал в руках топор, свирепо озираясь и недовольно ворча. Норвежец подумал, что в этой мрачной берлоге вряд ли что-либо могло бы привлечь грабителей. Даже его жена, жавшаяся поближе к глиняной плошке с углями в поисках толики тепла, была не из тех, на кого стоило обратить внимание.

— Добрый вечер, — сказал Бьярки. — Могу я остаться здесь на ночь?

Хуторянин, сглотив от пережитого напряжения, почувствовал себя наконец спокойно и сказал:

— Э, да я ни за что не прогоню тебя в такую мерзкую погоду и темень, чужестранец. Я по твоему выговору догадался, что ты не из наших краев.

Он помог расседлать и привязать коня рядом с хужиной, поскольку внутри не было места — в стойле стояла корова. Бьярки получил старый потертый плащ, в который он завернулся, скинув напрочь промокшую одежду; миску корнейев, несколько сухарей и место на камышовой подстилке в глублине берлоги, где сгушался мрак, пропитанный тяжелым духом. Вскоре все погрузились в сон.

Утром жена хуторянина Гида принесла Бьярки ту же самую еду на завтрак, поскольку ничего другого в доме не было. Тем временем мужчина, назвавшийся Эйлифом, принялся расспрашивать о новостях. В свою очередь Бьярки спросил о конунге Хрольфе и его дружине и о том, как быстро он сможет добраться до них.

— Ну, — сказал Эйлиф, — это совсем рядом. А ты, что ли, туда держишь путь?

— Да, — ответил Бьярки, — я хочу посмотреть, не найдется ли для меня службы при его дворе.

— Это как раз то, что тебе надо, — кивнул хуторянин, — ты ведь так силен и могуч на вид.

Как только он это произнес, Гида разразилась слезами.

— О чем ты плачешь, добрая женщина? — спросил Бьярки.

Она всхлипнула:

— У нас с мужем был единственный сын... звали его Хотт. Здесь мы обречены на слишком жалкое существование... А особенно туго пришлось в прошлом году, когда мы потеряли наше стадо. Эйлиф и я теперь с трудом можем продержаться на том, что осталось. И тогда Хотт отправился в палаты конунга Хрольфа, чтобы узнать, нет ли там для него какой работы... и они назначили его поваренком, но... — Ей пришлось остановиться, чтобы справиться со слезами. — Дружинники конунга стали потешаться над ним. Он должен был прислуживать за столом... и во время трапезы они, обсосав мясо, швыряли кости в него... и если попадали, то он бывал ранен... не знаю даже, жив ли он сейчас?... — Она поклонилась норвежцу в тусклом свете очага и продолжала более спокойно: — Единственное, о чем я прошу, за то, что приютила тебя на ночь в своем доме, чтобы ты кидал в него

маленькие кости, а не большие, если его еще не забили до смерти.

— С радостью выполню твоё желание, — сказал Бьярки, — к тому же считаю недостойным швырять кости в кого бы то ни было и вообще скверно обходиться с детьми или с тем, кто слабее тебя.

— Я рада это слышать, — сказала женщина, стараясь поймать его руку своими мозолистыми пальцами, — ибо твои руки выглядят слишком сильными, и мой Хотт не выдержал бы твоих ударов.

Бьярки попрощался со стариками и поехал в направлении, указанном ими. Дождь кончился, небо ослепительно сверкало, солнечные лучи искрились в лужах и на мокрых ветках, на которых пламенели последние листья. Скворцы собирались в стаи, малиновки прыгали по полям, кроншнепы весело посвистывали в прохладной ветреной сырости. Бьярки мало смотрел по сторонам. Брови его хмурились. Он не рассчитывал попасть к конунгу, чьи воины ведут себя подобно троллям. Вересковые пустоши и болота постепенно перешли в более благодатные земли: всюду были разбросаны богатые усадьбы, и ржаво-рыжие коровы дремали за изгородями. На полях работало множество людей. Бьярки то и дело останавливался поговорить. Девушки улыбались рыжеволосому великану, но он был сегодня не в настроении отвечать им. Вопросы, что он задавал хриплым голосом хуторянам, касались только конунга Хрольфа и его двора.

— А, — сказал один из них, — это хороший конунг, мудрый, и справедливый, и достаточно могущественный, чтоб отражать набеги викингов из дальних земель или ловить объявленных вне закона и вешать их... Правда, с его воинами трудно совладать, но он старается держать их в узде, хотя, без сомнения, ему и без того приходится думать о многом. Его не было здесь все лето. Год назад он подчинил себе конунга Хьёрварда с Фюна и выдал за него свою сестру. Обеспечив себе, таким образом, тылы и укрепив свою власть над всеми островами, он пытается теперь завоевать ютландские королевства. Когда он совершит это, честный человек сможет спокойно пахать свое поле, не опасаясь нападений извне. Конечно, прежде всего конунг должен разведать берега Ютландии. Поэтому с ним теперь всего лишь несколько кораблей с воинами. А все остальные сидят дома в Лейд্রে и от безделья слишком возомнили о себе... Конунг должен

вернуться домой со дня на день, ведь сейчас уже начались осенние штормы. Может быть, он уже вернулся. Откуда землепашцу знать об этом? У него и без того дел хватает. Пусть уж знать занимается тем, что ей положено, так?

Бьярки направил своего коня вдоль ручья, и уже к полудню Лейдра лежала перед ним.

В это время года, когда мало кто отправлялся в поход, крепость, опоясанная частоколом, пребывала в полном покое; ворота были распахнуты настежь и никем не охранялись. По улицам сновало множество женщин, детей, рабов, ремесленников, но среди них попадалось очень мало воинов. Бьярки предположил, что многие на охоте или где-то еще.

Он подъехал по грязному проулку к палатам конунга, стены которых были богато украшены резьбой. Двор был вымощен плитами, звеневшими под копытами коня. Он спешился у конюшни.

— Поставь моего коня среди лучших скакунов конунга, — крикнул он конюху, — задай ему овса и напои, да не забудь хорошенько вычистить его скребницей. А еще повесь мою упряжь в чистом углу, пока я за ней не пошлю.

Конюх удивленно уставился ему вслед. В роскошных одеждах, с ножом и мечом Луви у пояса, но без шлема и кольчуги, Бьярки вошел в главную палату королевского дома. Даже несмотря на дым костров и сумрак, особенно заметный после чистого осеннего неба, в зале оказалось гораздо больше воздуха и света, чем он ожидал. Стены, обшитые березовыми панелями, были украшены яркими щитами, вместительными рогами, шкурами диких зверей и свечами в подсвечниках. На панелях и стропилах под самой крышей были искусно вырезаны фигуры зверей и героев, а также сплетения виноградных лоз, но Бьярки не нашел среди них изображений богов. Словно на страже у трона конунга возвышались изображения Скьёльда и Гефьон. Несколько слуг сновало по расстеленному на полу можжевельнику, который освежал воздух, да несколько псов лежало здесь и там. За исключением этого, огромная зала казалась пустынной. Норвежец уселся на скамью рядом с дверью и стал ждать, что будет дальше.

Вскоре он услышал какую-то возню в дальнем углу. Его глаза привыкли к сумраку, и он смог разглядеть, что там свалена куча костей. Чья-то черная от грязи рука появилась

над ней. Бьярки встал и подошел ближе. Зловоние, исходившее от ключьев гнилого мяса, заставило его сморщиться.

— Есть тут кто? — спросил норвежец.

Послышался мальчишеский голосок, тихий от испуга:

— Я... Я... Меня зовут Хотт, знатный господин.

— Что ты там делаешь?

— Я строю крепость для себя, господин...

— Что-то грустно мне смотреть на твою крепость.

Бьярки подошел, поймал его руку и начал тащить к себе того, кто прятался за кучей костей. Худая рука — кожа да кости — безнадежно пыталась вырваться из железной мужской хватки.

— Ты хочешь убить меня? Не надо! Ох, если бы я успел хорошенько укрепить свое укрытие! Но ты развалил мою крепость...

Бьярки внимательно оглядел Хотта. На вид ему было около пятнадцати: он был высок, но на редкость худ. Его локоны были настолько спутаны и засалены, что всякий бы удивился, узнав, что они на самом деле русые; его лицо, казалось, состояло только из острого носа и огромных глаз. Мальчишку била дрожь.

— Я строю эту крепость, чтоб спрятаться в ней от костей, что швыряют в меня, — всхлипывал он, — я уже почти 3-3-закончил ее.

— Она тебе больше не понадобится, — сказал Бьярки.

Хотт съехался и прошептал:

— Ты хочешь... убить меня... прямо сейчас... господин?

— Не всхлипывай так громко, — продолжал Бьярки, но ему все же пришлось наградить заморыша парой подзатыльников, прежде чем тот затих.

Затем норвежец подхватил этого «восставшего из мертвых» и выволок наружу. До ближайших ворот в частоколе было не далеко. После короткого пути вдоль ручья они остановились там, где поток образовал небольшую заводь. Никто не обратил на них внимания. Бьярки сорвал с мальчишки грязные лохмотья, окунул его в заводь и, встав на колени, собственноручно скреб до тех пор, пока Хотт не покраснел как вареный рак. Встав на ноги, норвежец ткнул пальцем в кучу грязного тряпья и сказал:

— А это, будь добр, выстирай сам.

Хотт повиновался и, закончив стирку, поплелся, едва сдерживая дрожь, следом за норвежцем обратно в палаты

конунга. Бьярки занял то же место на скамье, что и прежде, и усадил парня рядом. Хотт не мог связать и двух слов. Он дрожал всем телом, хотя чувствовал сквозь пелену страха, что незнакомец хочет ему помочь.

Опустились сумерки. Воины королевской дружины постепенно возвращались в палаты. Они сердечно приветствовали пришельца, ведь недаром двор конунга Хрольфа славился своим гостеприимством. Кто-то спросил Бьярки, зачем он сюда пожаловал.

— Я думаю присоединиться к вашей дружине, если конунг возьмет меня, — ответил норвежец.

— Что ж, считай, что тебе повезло, — сказал один из воинов, — конунг возвратился домой как раз сегодня вечером. Сейчас он трапезничает в своей башне с несколькими близкими друзьями. Завтра ты сможешь увидеть его и он, несомненно, возьмет на службу такого статного парня, как ты.

Затем дружинник покосился на съжившегося Хотта.

— Лучше столкни этого сопляка со скамьи, — предупредил он, — негоже сажать его рядом с настоящими воинами.

Бьярки вспыхнул. Дружинник, окинув его взглядом с ног до головы, решил не лезть на рожон и не задевать такого великана. Хотт попытался сбежать, но Бьярки крепко сжал его запястье.

— Сиди, — приказал норвежец.

— Но если я осмелюсь сидеть здесь, они непременно убьют меня, когда напьются, — промямлил мальчишка. — Я должен работать... Отпусти меня... Лучше я заново построю мою костяную крепость!

— Останься, — сказал Бьярки, продолжая сжимать его запястье.

Хотт уже не пробовал сбежать, ибо с таким же успехом он мог бы попытаться сдвинуть гору. Тем временем слуги разожгли костры, взгромоздили столешницы на козлы, вынесли подносы с едой и до краев наполнили рога. Бьярки и Хотт сидели в стороне. Никто из воинов не хотел занять место рядом с тем, кого все презирали и высмеивали. Чем больше они хмелили, тем более свирепо смотрели на поваренка Хотта, который должен был бы прислуживать им за столом.

Наконец воины начали швырять в него небольшие кости. Бьярки вел себя так, будто ничего не замечает. Хотт был

слишком испуган, чтобы отведасть мяса или меда. Норвежец, давно отпустивший поваренка, поскольку тот даже шевельнуться боялся,пил и ел за двоих. Шум нарастал: гомон голосов, треск огня, собачий лай и вой. Неожиданно в алых отблесках огня мелькнула огромная бедренная кость. Она была столь велика, что могла запросто убить человека. Бьярки перехватил ее на излете, у самой головы пронзительно вскрикнувшего Хотта. Вскочив, он прицелился в кинувшего кость, и метнул ее обратно. Она попала прямо в голову воину. Раздался хруст, и тот упал замертво.

Ужас захлестнул палаты конунга Хрольфа. Дружинники, схватив оружие, кинулись к Бьярки. Он, заслонив грудью Хотта, положил левую руку на рукоять своего меча Луви, до поры не вынимая его из ножен, и мощными ударами кулака сбил с ног сразу нескольких атакующих. Затем норвежец торжественно заявил, что хочет видеть самого конунга. Новость быстро достигла покоев Хрольфа. Они представляли собой отделанную дорогими породами дерева вместительную палату, имеющую выход на широкую галерею, которая опоясывала двор. Внутри палата была обставлена гораздо скромнее, чем подобало жилищу такого богатого правителя. Хрольф восседал за трапезой в кругу своих приближенных — Свипдага, Хвитсерка, Бейгада и нескольких других воинов, что были с ним в летнем походе. Дружинники мирно беседовали, отхлебывая из рогов хмельное пиво. Вдруг двое стражников, вбежав по лестнице, сообщили, что какой-то воин, сильный как медведь, явился на пир и убил одного из их числа. Может быть, ему следует отрубить руки? Хрольф погладил свою золотистую бороду.

— Разве этот человек совершил убийство без всякой причины? — спросил он.

— Да... да, вроде так... — замялись те.

Так же мягко конунг поинтересовался, что же все-таки произошло на самом деле. Правда тут же выплыла наружу.

Хрольф снова уселся на скамью. Холодом блеснули его глаза, и все вспомнили, что этот хрупкий с виду мягкоголосый человек — сын Хельги Смелого.

— Не смейте убивать его, — начал конунг, и ябедники вздрагивали при каждом его слове. — К моему стыду и бесчестию, вы опять вернулись к своей дикой забаве — швырять кости в беспомощных людей. Часто я ругал вас за это, но вы

не вняли. Клянусь отрубленной головой Мимира, настало время вам получить урок. Приведите сюда этого человека.

Бьярки вошел. Он выглядел совершенно невозмутимым.

— Приветствую тебя, мой господин! — сказал он гордо.

Хрольф несколько мгновений разглядывал пришельца.

— Как твое имя? — спросил он.

— Твои воины прозвали меня «Хоттова ограда», — засмеялся норвежец, — но звать меня Бьярки, я сын Бьёрна, что был сыном конунга Уплёнда.

— Какую виру ты дашь мне за моего воина, которого ты убил?

— Никакой, господин. Он пал жертвой своего собственного деяния.

— М-м-м, я должен повидать его родичей... Ладно, станешь ли ты моим воином и займешь ли его место?

— Сочту за честь, мой господин. Однако Хотт останется при мне. Мы оба займем ближнее место на скамье у твоего трона. Многим твоим воинам придется сесть ниже, чем сейчас.

Конунг нахмурился.

— Не вижу никакой пользы от Хотта, — сказал он и, посмотрев снова в лицо норвежцу, добавил: — Ладно, пока он может трапезничать с моими дружинниками.

Бьярки сразу же поклялся в верности Хрольфу на мече Скофнунге, однако Хотту никто не предложил сделать то же самое. Норвежец спустился в залу, поманив подростка за собой, и начал искать, где бы им сесть. Он не хотел занимать самое лучшее место, но и те, что похуже, ему не подходили.

Бьярки выбрал подходящее место поблизости от трона и, столкнув со скамьи трех человек, уселся сам и усадил рядом Хотта. Когда гневные слова обрушились на него, он только пожал плечами и сказал:

— Я уже понял, что здесь за нравы, и решил не отставать от вас.

Конунг Хрольф сказал своим воинам, чтобы они перестали задираться, если не могут постоять за себя. Так Бьярки и Хотт остались жить в королевских палатах. Никто не осмеливался задевать их. Парень начал медленно набирать вес и перестал заискивать перед всеми. Но никто, однако, не стал им товарищем.

С приближением Йюля люди стали выглядеть какими-то испуганными. Бьярки спросил у Хотта, чем это вызвано.

— Чудовище... — прошептал Хотт, дрожа.

— Перестань стучать зубами и говори как мужчина, — проворчал Бьярки.

Юноша начал рассказывать, то и дело запинаясь:

— Вот уже две зимы подряд огромный жуткий дракон появляется здесь в это время года, прилетает невесть откуда на своих мощных крыльях. Он разоряет все вокруг, уничтожает стада и отары — ведь весь скот не загонишь в хлев. Эта напасть разорила моих родителей, так что им пришлось послать меня сюда.

— Не думал я, что дружинники Хрольфа позволят какой-то твари разорять владения и подданных своего конунга.

— Воины пытались убить его. Но их оружие было бес- сильно против этого чудища, и многие, самые лучшие из них, не вернулись домой. Я думаю, это не просто дракон. Это — нежить.

Хотт осмотрелся вокруг и зашептал на ухо Бьярки:

— Я слышал, как Свиндаг сказал своему брату, что, возможно, его насылают Скульд, королева-ведьма. Говорят, в Оденсе она вызывает всяких чудищ своими заклинаниями после того, как неудачно вышла замуж за тамошнего конунга, данника Хрольфа. В тех местах в жертву Одноглазому приносят рабов.

И Хотт, испугавшись собственных слов, убежал прочь. Став конюшим у Бьярки, он теперь не только чистил его скакуна, но и был у норвежца на посылках. Кроме того, в свободное время ему приходилось набивать синяки и шишки в упражнениях с оружием, которые он ненавидел всей душой и от которых тщетно пытался отвертеться.

Мало кто присутствовал на жертвоприношениях в канун Йюля, поскольку все боялись высунуть нос из дома после того, как стемнеет. Невесел был пир в королевских палатах. Конунг Хрольф поднялся и сказал:

— Послушайте меня! Повелеваю, чтобы каждый из вас сегодня вечером пребывал здесь в тишине и покое. Я запрещаю своим воинам сражаться с этим демоном. Пусть он делает с коровами всё что угодно, но я не желаю больше терять своих людей понапрасну.

— Да, господин! — послышались в ответ голоса, в которых сквозило облегчение.

Бьярки молчал, словно ничего не слышал.

Свет огней потускнел. Конунг со своей наложницей отправился в башню. Дружинники разлеглись на скамьях, завернувшись в одеяла. Они много выпили, чтобы подавить страх, и вскоре сумерки огласились их громким храпом.

Бьярки поднялся и растолкал Хотта, который спал на полу рядом с ним.

— Иди за мной, — прошептал он.

Заранее приметив, где в сених было развешено его боевое оружие, Бьярки нашел его в темноте и взял с собой. Ночь была пронизана холодной тишиной; было ясно и звездно; изогнутый месяц золотил своим сиянием пар от дыхания, застывавший инеем на морозе. Бьярки положил свою кольчугу и куртку на плиты мостовой.

— Помоги мне надеть все это, — приказал он.

Хотт едва сдержал крик:

— Мой господин! Уж не собираешься ли ты...

— Я собираюсь завязать твой хребет узлом, если ты разбудишь кого-нибудь. Перестань выть и подай мне руку.

К тому времени когда Бьярки облачился в кольчугу, Хотт был слишком напуган, чтобы идти сам.

— Ты, ты подвергаешь мою жизнь великой опасности, — промямлил он.

— Может быть, это будет для тебя не так уж и плохо, — ответил норвежец. — Давай пошевеливайся!

Но юноша не мог сдвинуться с места. Бьярки подтолкнул его и, схватив за плечо, потащил за собой со двора. Норвежец не стал брать из конюшни лошадь, боясь наделать лишнего шума.

Пока они не миновали городские ворота, старались идти как можно тише. Было слышно, как коровы мычат от ужаса на одном из королевских пастбищ неподалеку от города. Бьярки шумно зашагал вдоль ручья, тускло поблескивающего в темноте. Около пастбища ручей расширился, превращаясь в болотце. Сухой тростник вмерз в лед. Вдруг над загоном для скота огромная тень на мгновение закрыла звезды.

— Это чудовище!.. — завопил Хотт. — Оно хочет проглотить меня! А-а-а!

— Эй ты, трус, перестань скулить, — процедил Бьярки сквозь зубы.

Он разжал пальцы, и его ноша покатилась в болото. Хотт, пробив лед, нырнул как можно глубже в болотную жижу, стараясь спрятаться.

Норвежец поднял свой щит и выступил навстречу чудовищу. Парящее в вышине жуткое существо без перьев, с огромными серповидными крыльями, коварными когтями и хищным клювом, с хвостом, что твой корабельный канат, и чешуйчатым гребнем над зелеными глазами, заметило человека и бросилось на него. Бьярки широко расставил ноги и положил руку на рукоять меча. Но клинок словно застрял в ножнах.

— Ах ты нечисть! — вскричал норвежец.

Чудовище зашипело, закрыв собою звездное небо. Его крылья с шумом разрезали воздух.

С криком «Меч эльфов!» Бьярки дернул свой Луви из ножен, и треснули ножны. Меч, сверкающий в свете звезд, казалось, действует сам по себе. Крылатая нежить парила прямо над воином. Смердный дух исходил из драконьей пасти. Норвежец поднял щит и нанес точный удар. Тяжелое тело, пораженное клинком, с грохотом и свистом начало падать. Слышалось кланье огромных острых зубов. Бьярки, спотыкаясь, отступил. Любой другой на его месте был бы уже раздавлен в лепешку, но не Бьярки. Его верный клинок был уже снова направлен на врага. Луви вонзился как раз между крылом и лапой чудовища и, пробив шкуру, мясо и ребра, вошел прямо в сердце.

Чудовище, накренившись в полете, грохнулось оземь. Несколько мгновений оно продолжало крушить все вокруг. Земля дрожала под ударами его крыльев. И только когда большая часть крови вытекла на покрытую инеем землю, оно испустило дух.

Отдышавшись, Бьярки, справившись с учащенным дыханием, пошел за Хоттом. Ему пришлось вылавливать из болота ослепшего от страха мальчишку, который то и дело всхлипывал, дрожа мелкой дрожью. Норвежец потащил его туда, где лежало поверженное чудовище, сотрясаемое последними судорогами. Указав на рану, из которой била черная струя крови, он приказал:

— Пей!

— О нет, не надо! Я прошу тебя! — запричитал Хотт.

— Пей, говорю! Разве я не рассказывал тебе, что сделал для меня мой брат Лось-Фроди? Кто бы ни было это существо, явившееся прямо из преисподней, в нем заключена великая сила.

Хотт ползал, всхлипывая. Бьярки подхватил упрянца и пообещал, что ему придется худо, если он не подчинится. Мальчишка закрыл глаза и опустил губы в струю, которую отворил Луви. Бьярки заставил его сделать два долгих глотка. Затем норвежец отрубил голову зверю и, подняв ее вверх, воскликнул:

— Отведай-ка этого мяса!

Хотт подчинился. Он уже перестал дрожать, а когда начал жевать мясо, совсем успокоился.

— Почему, — удивился он, — почему мир стал вдруг таким прекрасным?

— Теперь ты себя лучше чувствуешь, а? — спросил Бьярки, вкладывая свой меч в березовые ножны.

— Я чувствую себя, как будто только что восстал из мертвых.

Бьярки пощупал его плечи.

— Я знал, что у тебя появится сила в руках, особенно после такого прекрасного ужина, — проворчал он. — Но что тебе действительно не помешает, так это немного потренировать их.

Он развязал пояс с мечом.

— Дай-ка я преподам тебе хороший урок.

Долго они боролись, прежде чем Бьярки сумел опрокинуть Хотта на одно колено. Гораздо дольше, чем если бы на месте парня был сам Свидга.

Поставив противника на ноги, норвежец радостно воскликнул:

— У тебя уже появилась малая толика силы. Думаю, что тебе больше не стоит бояться дружинников конунга Хрольфа.

Хотт простер руки к небу и воскликнул со всем просто-душием молодости:

— С этой ночи я никогда не буду бояться ни их, ни тебя, ни кого другого.

— Вот и хорошо, — сказал Бьярки, — мне кажется, что я сполна заплатил свой долг твоим отцу с матерью.

Норвежец был не намного старше Хотта и был не прочь пошутить.

— Помоги мне установить эту тушу так, чтобы все подумали, что чудовище по-прежнему живо, — сказал он.

Смеясь как пьяные, они выполнили задуманное и отправились назад в город. Придя в королевские палаты, они, как ни в чем не бывало, улеглись спать.

Утром конунг спросил, есть ли какие известия о драконе, не натворил ли он чего-нибудь ночью. В ответ ему сообщили, что, похоже, домашний скот, который пасся вокруг крепости, не пострадал.

— Идите и осмотрите повнимательней округу, — приказал Хрольф.

Несколько стражников отправились выполнять его волю. Через час они возвратились и сказали, что видели чудовище неподалеку: оно скоро будет здесь.

Воины забряцали оружием. Конунг приказал им храбро сражаться и сделать все возможное, чтоб покончить с этой нежитью. Он сам встал во главе своей дружины, чтобы первым встретить чудовище.

Завидя в утреннем сумраке смутные очертания огромной коричневатой туши, подпертой двумя мощными крыльями, дружинники построились полукругом и, сомкнув щиты, двинулись на него. Вскоре конунг сказал:

— Мне кажется, что оно даже не шевельнулось. Кто решится пойти вперед, посмотреть, в чем там дело?

Бьярки воскликнул:

— Это по плечу только очень отважному воину. — И, хлопав по спине юношу, следовавшего за ним, продолжил: — Хотт, дружище! Говорят, что ты якобы слабосилен и трусоват. Ступай и убей вон того гада. Ты же видишь, что никто другой не собирается сделать это.

Откинув белокурые волосы со лба, юноша неожиданно гордо вскинул голову.

— Да, — сказал Хотт, — я убью его.

Конунг удивленно вскинул брови:

— Не знаю, где ты приобрел такую храбрость, Хотт, но ты сильно изменился со вчерашнего дня.

— Жаль, у меня нет своего оружия.

Юноша указал на один из мечей, принадлежавших конунгу Хрольфу и прозывавшийся Голдхильт.

— Дай мне вон тот, с золотой рукоятью, и я убью чудовище или найду свою смерть в бою.

Хрольф пристально посмотрел на него перед тем, как сказать:

— Мне кажется, что этот меч достоин носить только отважный и надежный воин.

— Убедись, что я как раз из таких.

— Кто знает, может быть, ты изменился сильнее, чем мне казалось. Может быть, ты теперь совсем другой человек... Ну ладно, бери меч. Если ты сможешь совершить этот подвиг, я позволю тебе владеть им.

Никто ничего не успел сказать. Все были слишком захвачены зрелищем, разворачивающимся перед ними. Дружинники видели, как Хотт обнажил клинок и с криком бросился на чудовище. Одним ударом он поверг его наземь.

— Погляди, господин, — сказал Бьярки, — как славно он поработал.

Опешившие поначалу воины разразились радостными криками, стали размахивать оружием, бить клинками о щиты и, окружив Хотта, начали обнимать его, а потом подняли на плечи.

Хрольф стоял в стороне рядом с Бьярки. Конунг сказал тихо:

— Да, он действительно стал совсем другим. И тем не менее Хотт в одиночку не смог бы убить дракона. Может, это твоих рук дело?

Норвежец, пожав плечами, ответил:

— Может, и моих.

Хрольф кивнул:

— Я сразу понял, как только пришел сюда, что здесь не обошлось без тебя. Я по-прежнему считаю, что самое лучшее из того, что ты совершил, — сделал человеком жалкого неудачника Хотта.

Дружинники подошли к ним ближе. Хрольф повысил голос:

— Назовем его в честь меча с золотой рукоятью, который он получил. Пусть этот молодой воин отныне будет именоваться Хьялти.

Хьялти означает «рукоять» — и он стал рукоятью дружины Хрольфа, так же как Бьярки был ее клинком, а Свипдаг — щитом.

После этого дня Бьярки и его друг стали пользоваться расположением и даже некоторым поклонением со стороны

дружинников Хрольфа. Поначалу Хьялти не часто видели в королевских палатах. После того как он съездил навестить своих родителей, прихватив для них разные гостинцы, юноша постарался наверстать потерянное время, пуская пыль в глаза девушкам в округе. Бьярки по-прежнему был серьезен. Он заслужил близкую дружбу конунга, который щедро одаривал его и одноглазого Свипдага. Вместе эти трое мужей вели долгие беседы о том, как расширить и укрепить державу и что надо сделать для ее благоденствия и процветания.

Бьярки начал ухаживать за старшей дочерью конунга Дрифой, которая обещала стать настоящей красавицей. Он проводил гораздо больше времени среди дружинников, чем конунг, который должен был присутствовать на тингах, выслушивать жалобы рассорившихся бондов, вершить суд, принимать посланцев других держав и объезжать свои обширные владения, заботясь о них. А Бьярки тем временем прилагал все усилия, чтобы улучшить нравы дружинников конунга.

Свипдаг сказал ему:

— Думаю, что корень дурного поведения наших воинов — в этих двенадцати берсерках. Они запугивают других наших людей, и те, в свою очередь, вымещают обиды на более слабых. Я давно хотел избавиться от них и думаю, что конунг Хрольф желает того же, хотя эти грубияны весьма полезны на поле боя. К тому же они дали клятву верности конунгу, и нет повода прогнать их.

— Где они сейчас? — спросил норвежец.

— Возглавили отряд, что сражается нынче в Саксонских землях. Видишь ли, конунг не хотел брать это дело на себя. У его людей слишком много сородичей на юге. Однако саксы сильно беспокоили нас, подстрекаемые, как я полагаю, шведским ярлом из Альса. К тому же, как бы нам ни хотелось, мы не можем включить Ютландию в состав Дании, пока эти земли лежат под властью саксов. Наши воины решили остаться там на зимовку. Они вернутся только весной.

Потом Бьярки спросил у Хьялти, чего можно ожидать от этих берсерков. Юноша рассказал, как они, возвратившись из похода, хватают каждого из воинов и требуют, чтобы тот ответил, считает ли он себя столь же отважным, как они сами.

— Берсерки обычно проделывают это, только когда конунг пребывает вдали от дома, да и трех братьев из Свитьод они не решаются задевать, но всем остальным пришлось смириться с их норовом.

— Не много отважных воинов у конунга Хрольфа, если они терпят этих берсерков, — только и сказал Бьярки.

Шло время. Однажды вечером, когда дружинники приступили к трапезе, дверь распахнулась и в палату вошли двенадцать рослых мужчин, закованных в серебристую броню, которая сверкала, как ледяной наст в поле.

Бьярки прошептал Хьялти:

— Ты бы осмелился померяться силой с любым из них?

— Хоть с одним, хоть со всеми разом.

Дюжина, громыкая железом, подошла к трону и вступила в беседу с конунгом Хрольфом в своей обычной грубоватой манере. Он отвечал им мягко, насколько позволяла его гордость, стараясь сохранить нелегкий мир. Затем берсерки направились вдоль скамей. И один за другим голосами, полными скрытой ненависти, другие воины вынуждены были признать себя слабее их.

Агнар, вождь берсерков, оглядев Бьярки с ног до головы, сразу понял, что этот новичок, должно быть, не робкого десятка. Тем не менее он неуклюже подошел к норвежцу и прорычал:

— Ну, рыжебородый, уж не думаешь ли ты, что можешь сравниться со мной?

Бьярки улыбнулся:

— Нет, — ответил он ласково, — не думаю. Поскольку превосхожу тебя во всем, грязный сын кобылы.

Он вскочил на ноги, схватил берсерка за пояс и, подняв его высоко вверх, бросил на пол, да с такой силой, что раздался страшный треск. Хьялти поступил так же с другим вопрошавшим. Все разом закричали. Берсерки взвыли. Бьярки, возвышаясь над поверженным вождем, распластанным у его ног, одной рукой держал его за шиворот, а в другой сжимал нож. Хьялти вынул свой меч Голдхильт с золотой рукоятью и нанес легкую отметину тому, кто лежал перед ним поверженный и присмиривший.

Хрольф поднялся с трона и поспешил к ним.

— Остановись! — крикнул он Бьярки. — Не нарушай мир!

— Господин, — сказал норвежец, — этот мошенник рискует расстаться с жизнью, если не перестанет считать себя этакой важной шишкой.

Конунг пристально посмотрел на берсерков, что лежали ошеломленные у ног двух друзей.

— По-моему, он уже перестал, — сказал конунг, с трудом сдерживая улыбку.

Агнар промямлил что-то, и Бьярки позволил ему встать на ноги. Хьялти так же поступил с другим берсерком. Все снова сели на свои места. Видно было, что у берсерков тяжело на душе.

Хрольф поднялся и сурово обратился к своим дружинникам.

— Сегодня вечером, — сказал он, — мы все убедились, что, как бы ни был воин отважен, силен и благороден, всегда найдется второй ему под стать. Я запрещаю вам затевать новые стычки в моем доме. Неважно, кто нарушит мое повеление — это ему будет стоить жизни. Вы можете вымещать свой гнев и ненависть на моих врагах сколько угодно и таким образом заслужить честь и славу. Пока моя дружина не станет столь совершенной, как она должна быть, я не успокоюсь. Еще раз говорю вам: будьте достойны самих себя.

Все высоко оценили слова конунга и поклялись в дружбе, что было явным лицемерием со стороны берсерков. Они глубоко затаили ненависть против Бьярки и Хьялти, надеясь отомстить им за все, и ни разу не сказали им ни одного доброго слова. Тем не менее они не осмелились довести дело до беды. Им пришлось не только прекратить докучать дружинникам конунга, но и перестать заноситься перед всеми остальными. Вскоре не только свободные, но и рабы стали говорить, что двор конунга Хрольфа — самое счастливое место в этом мире.

Через некоторое время Хрольф присоединил Ютландию к своим владениям. Велики были его деяния, что вершились по берегам рек, на холмах и вересковых пустошах, в лесах и долинах, и коварны были замыслы, коим Хрольф противостоял. Саги о его походах могут быть очень долгими, ибо всегда они рассказывают о великих победах.

Дома конунг Хрольф жил в роскоши. Вот в каком порядке он рассаживал своих воинов: справа от него сидел Бьярки, наиболее знаменитый среди них и поэтому объяв-

ленный воеводой. Все стали называть его Будвар-Бьярки, так как «будвар» означает «сражение». Это прозвище настолько хорошо подошло ему, что и поныне многие называют его просто Будвар, как если бы это было имя, которое дал ему отец. Но Бьярки — истинное имя, его, и немало песен, горящих кровью и зовущих в бой, зовутся «Бьярмаал» — «Песнь о Бьярки». Как бы ни был он неистов в бою, он всегда оставался приветливым и прямодушным, жалел слабых и щадил врагов, которые сдались, никогда не брал женщину силой против ее воли и любил, когда малые дети смеялись его шуткам.

Справа от него сидел Хьялти Благородный. Сам конунг наградил его этим прозвищем. Каждый день пребывая среди дружинников, которые были в прошлом столь жестоки к нему, он даже не пытался мстить, хотя стал несомненно сильнее любого из них, да и конунг Хрольф посмотрел бы сквозь пальцы, если бы он хорошенько отделал некоторых особенно вредных.

Далее сидели несколько воинов, считавшихся одними из лучших: Хромунд Суровый, тезка конунга Хрольф Быстроногий, Хаакланд Грозный, Хрефил, Хааки Отважный, Хватт Высокородный и Старульф.

Слева от конунга занимали места те, кто по положению был не ниже Бьярки и Хьялти — Свидпаг, Бейгад и Хвитсерк. Еще левее восседали берсерки Агнара. Они всегда были утрюмы, и вряд ли это было приятное соседство для тех, кто сидел рядом. Только сила, которой они обладали, давала им право на почетное место. Как бы там ни было, старые раны беспокоили братьев из Свитьод не больше, чем других воинов. Разве что Свидпаг часто бывал печален, стараясь хмелем заглушить воспоминания о прошлом.

По обеим сторонам залы восседали лучшие воины, прославившие себя в битвах. Их было около трех сотен. Вместе они составляли буйную ватагу весельчаков и драчунов; город, да и окрестности всегда были наполнены их хохотом.

Кроме того, в королевском доме было полно челяди и гостей. Поскольку слава конунга Хрольфа росла с каждым днем, а торговые тракты и морские пути Дании были очищены от разбойников, — корабли часто прибывали в Роскилле, Чепинг-Хавен и другие порты, груженные товарами из финских земель или с берегов Ледовитого моря, а то и из Ирландии, или Руси, или из самого сердца Саксонии, или из

еще более далеких краев. Датчане торговали рыбой, янтарем, что приносят на берег волны, мясом, маслом, сыром и медом со своих хуторов. Также они сами строили большие корабли или пригоняли их из других мест.

Конечно, было накладно жить так, как привык конунг Хрольф, особенно если учесть, что он был самым щедрым из всех дарителей. Однако того богатства, что стекалось в столицу со всех уголков его постоянно расширяющихся владений, было достаточно для обширных запасов и многочисленных трат. Кроме взимания податей со своих подданных, он сам владел богатыми усадьбами и многочисленными кораблями, бороздившими моря. Ему не надо было обкладывать суровой данью рыбаков, землепашцев и купцов, даже когда его походы были неудачны, к счастью его врагов, и дружине не удавалось захватить богатую добычу, несмотря на постоянные победы.

Тяжелее было держать в руках дружину, когда та пребывала в безделье, хотя почти всегда это ему удавалось. Каждый из воинов владел чем-то — будь то земельные угодья или корабли, — за чем требовался постоянный присмотр. У каждого имелась где-нибудь поблизости возлюбленная, и в поисках тепла и уюта многие теперь отправлялись ночевать в свои дома рядом с королевскими палатами. Конунг поощрял успехи своих воинов в играх и ремеслах, так что все предавались им с охотой.

Однако, чем бы они ни занимались, Бьярки всегда был лучшим во всем. Он становился все больше дорог конунгу, который за короткое время пожаловал ему двенадцать больших усадеб и хуторов со службами по всей Дании, и, наконец, дочь Хрольфа Дрифа стала женой норвежца. Это была счастливая пара — рыжебородый великан и величавая молодая женщина с длинной прекрасной косой. Люди говорили, что они выглядят как Тор и Сиф.

А сам Хрольф по-прежнему оставался холостяком. Бйовульф был мертв, и Гаутланд пришел в упадок. Нигде в Северных Землях не было королевской дочери, достойной его, разве только в Свитьод, но конунг Адильс вряд ли согласился бы на этот брак.

— Кроме того, — сказал однажды Хрольф, обращаясь к Бьярки, — у меня столько дел, что женщина для меня — не более чем подруга в постели.

Воеводе показалось, что он услышал тоску в его голосе.

Однако больше Хрольф не возвращался к этому. Прошло пять лет с тех пор, как Бьярки впервые въехал в ворота Лейдры, и все эти годы прошли в тяжелых ратных трудах. На исходе последнего года события потекли быстрее. Ютландские правители и вожди перестали сопротивляться. Более того, они сами и все их подданные поняли наконец, что, если верховным конунгом станет Хрольф сын Хельги, они смогут получить гораздо больше, чем он потребует взамен.

Был заключен мир. Больше ни один из вождей не осмеливался напасть на соседа, не смел грабить, убивать, похищать людей, сжигать дома и опустошать земли, заставляя хуторян жить в вечном страхе. Поскольку верховному конунгу из Лейдры достаточно было только свистнуть, чтоб собралось гораздо больше воинов, чем мог собрать любой из местных вождей, и к тому же все дружинники Хрольфа были искусны и беспощадны в своем ремесле, так что мало кто желал встретиться с ними в честном бою. Было время, когда вороны потрошили трупы повешенных разбойников, а чайки выклевывали глаза мертвым викингам, выброшенным волнами на берег. Потом этим птицам пришлось поголодать. Рыбаки и землепашцы собирали свой урожай без страха за свою жизнь, и купец, замышлявший новое предприятие, или хуторянин, расчищавший под пахоту новые земли, осмеливались загадывать далеко вперед.

Верховный конунг был справедлив. Любая старуха-нищенка могла заговорить с ним, когда он проезжал по дорогам Дании, уверенная, что он терпеливо выслушает ее. Надменные правители, ярлы и наместники должны были отвечать за каждый свой проступок. Однако Хрольф никогда не был более суров, чем следовало. Когда ему приходилось разбирать ссору, он пытался, насколько возможно, примирить людей.

— Если ты немного даешь и немного берешь, — говорил он, — то это не делает тебя беднее. Зато после твоей смерти люди вспомнят твое имя и помолятся за тебя.

Мирная торговля распространялась все шире. Любой островитянин, любой житель Сконе или Ютландии мог поехать на базар и купить товары из тех, что делают заморские мастера. К тому же в Данию стали доходить свежие новости, саги и песни, помогавшие возвыситься душой над тесноватым мирком родного края.

Когда Хрольфу сыну Хельги исполнилось тридцать пять лет, он уже правил второй по размеру, но самой богатой и счастливой державой во всех Северных Землях. Громадный, как летнее небо, с таким трудом завоеванный покой покрывал ее, как шатер, и ни у кого не было повода для плача, кроме тех, кто покинул страну в ненависти, да еще той, что пребывала теперь далеко в Упсале и по-прежнему крепко любила Хрольфа.

СКАЗАНИЕ ОБ ИРСЕ

1

Несколько лет конунг Хрольф, подобно плотнику, сколачивал свое королевство. Кое-кто из воинов роптали, поскольку у них не было возможности проявить себя в битвах, но только не Бьярки, так как ему не нужно было ни доказывать свою доблесть, ни искать богатой добычи. Он становился все более рассудительным, особенно когда вернулся из родных краев.

Огромным был пир в Лейдре накануне Йоля. В зале было шумно, как никогда, ведь, помимо дружинников, приехало много гостей: данники, ярлы, наместники и бонды со всей державы, а также чужестранцы, зимовавшие в Роскильде. Мелкие хуторяне, нищие, странники — все были накормлены не хуже, чем старейшины самых уважаемых родов. Хрольфа печалило только то, что его зять Хьёрвард и сестра Скульд находились далеко. Что же касается остального, то он был счастлив и горд.

Скальды распевали старые песни о славных предках конунга и слагали новые — о нем самом, — и у Хрольфа не было недостатка в золотых кольцах и запястьях, чтобы награждать самых искусных, а также в прекрасном оружии и дорогих одеждах для подарков своим гостям. Костры в зале полыхали и гудели, факелы ярко горели, наполняя воздух сладковатым можжевельным запахом, всюду поблескивало золото, серебро и железо. Даже фигуры, вырезанные на колоннах и панелях, казалось, вот-вот выйдут из своих теней и присоединятся к общему веселью. Громкая болтовня, раскаты смеха, звон рогов и чаш с медом и пивом взлетали

под самый потолок подобно прибою. Скамьи были сплошь заняты знатными господами и дамами, чьи одежды сверкали всеми цветами радуги и звездным блеском драгоценностей. Повсюду сновали слуги, а собаки, высунув языки, хватили на лету кости и вертели хвостами. Столы, раскинутые на козлах, почти опустели. Бычье, кабанье, оленьи и баранье жаркое, лебеди, белые и серые куропатки, китовое и тюленье мясо, тунцы, камбала, треска, устрицы, омары, хлеб, масло, сыры, колбасы, дикий лук, яблоки, мед, орехи — всей этой густо приправленной снедью гости успели туго набить животы. Превосходное хмельное питье лилось рекой: пиво различных сортов, темное и светлое, густой мед, сладкое вино из датских ягод и из южного винограда. Уже многие гости почувствовали, что не меньший шум, чем в зале, стоит в их буйных головах. Однако никаких речей, кроме дружеской болтовни, еще не было сказано.

Конунг Хрольф, улыбаясь, посмотрел направо и налево и заговорил:

— Как много сильных мужей собралось в этой зале. — Он повернулся к Бьярки, который сидел необычно тихо рядом со своей женой Дрифой. (За ними Хьялти со служанкой у него на коленях были заняты веселой болтовней.) — Скажи, мой друг, знаешь ли ты другого конунга, у которого были бы такие подданные?

— Нет, — ответил норвежец. — Не знаю. Твои труды никогда не будут забыты. — И, помедлив, добавил: — Но сдается мне, что одно дело, бросающее тень на твою честь, осталось невыполненным.

У конунга Хрольфа сразу испортилось настроение; он спросил норвежца, что тот имеет в виду. Бьярки пристально посмотрел на него и ответил веско:

— Я говорю о том, что ты до сих пор не получил из Упсалы наследство твоего отца, сокровища, которыми конунг Адильс владеет без всякого на то права.

Свиппаг, сидевший слева от трона, знал о былой возлюбленной Хрольфа. Единственный глаз вдруг сверкнул на его угрюмом и всегда озабоченном лице.

Хрольфу нечего было возразить, потому что он стыдился этого. И, почувствовав себя задетым, он громко сказал:

— Будет нелегко завладеть этим наследством, ибо Адильс — человек неблагородный. К тому же он искушен в колдовстве и разных злодействах, вплоть до смертоубийства, даже в

сглазе, обрекающем людей на тяжкие недуги, да и во всех прочих мерзостях, какие только можно себе представить.

— Ты прав, — согласился Бьярки, — но ведь вполне естественно было бы потребовать назад то, что тебе причитается, а затем встретиться с Адильсом и посмотреть, что он на это скажет.

Хрольф мгновенно ответил:

— Ты напомнил мне о важном деле, ибо я должен отомстить за отца. — Он бросил быстрый взгляд в сторону Свиддага. — Адильс — самый жадный и жестокий из конунгов... И все же мы попробуем покончить с ним.

Бьярки усмехнулся и проворчал:

— Мне будет досадно, если я однажды не познакомлюсь поближе с этим конунгом.

Свиддаг прорычал:

— Я обещал, когда решил остаться здесь, что непременно навешу его снова. Господин, королева Ирса должна нам помочь.

— Хорошо, мы обсудим это позже, — сказал Хрольф.

Весь остаток вечера он старался выглядеть веселым.

Дрифа прошептала на ухо Бьярки:

— Теперь ты снова уйдешь. Я это знаю.

— Похоже, что так, — кивнул он уверенно.

Она сжала его руку:

— Ты всегда уходишь и оставляешь меня, ведь ты мужчина. Моя мать, ты помнишь... Мой отец позаботился, чтобы она вышла замуж за хуторянина. Единственный сын, которого она выносила, пал в хольмганге... Она говорила мне, что словно еще вчера укладывала его в люльку, а сегодня он уже в могиле. — Дрифа склонила голову, убрannую золотыми украшениями. — Что ж, иди. Ты должен идти, Бьярки, потому, что ты хочешь этого... Но только возвращаясь назад! Так недолго мы были вместе...

Конунг был погружен в заботы в течение нескольких следующих недель. Он подолгу вел тайные беседы со сведущими людьми, разрабатывал планы похода и готовился к нему.

— Если мы будем медлить, — говорил он, — Адильс развеет наши намеренья как дым, ведь у него будет достаточно времени устроить нам какую-нибудь гадость. Отправившись в поход зимой, мы сможем двигаться по твердой земле гораздо быстрее вестей о нашем приближении.

— А почему не отправиться морем? — спросил Бьярки.

Конунг Хрольф нахмурился:

— Это принесло несчастье моему отцу.

— Слишком опасно плыть в это время года вдоль побережья, состоящего из бесчисленных островов и шхер, — воскликнул Свипдаг, — любой неожиданный шторм легко выбросит наши корабли на берег, а я не поручусь, что конунг Адильс не найдет на нас что-нибудь в этом роде.

Поскольку Хрольф решил отправиться в Свитьод по суше, ему предстояло переплыть только пролив Зунд и высадиться в Сконе. Людям он сказал, что намерен объехать верхом эту часть своих владений, чтобы посмотреть, как там идут дела. Желая двигаться как можно быстрее, да к тому же не отзывать войска, необходимые для поддержания порядка в своей недавно созданной державе, он взял с собой не слишком много воинов: двенадцать вождей своей дружины, двенадцать берсерков и сотню воинов.

Дружинники отправились в путь на самых лучших скакунах, взяв с собой несколько запасных и вьючных лошадей. Их одежда, сшитая из превосходных мехов и ярких тканей, была достаточно плотной, чтобы предохранять от холода. Хрольф и каждый из двенадцати вождей везли на плечах по кречету, столь отменно обученному, что птицам не требовались клобучки и путы. Конунгова кречета звали Хайбрикс, он был из породы полярных соколов, большой и отважный, его глаза были похожи на те золотые щиты, что, говорят, освещали своим блеском палаты Вальгаллы. Сбоку бежал Грам, гигантский рыжий пес, который, бывало, побеждал волка, лося, кабана и мог справиться даже с человеком.

На границе Сконе и Гаутланда датчане повернули на север. Эта западная часть гаутских владений была суровой, густо заросшей лесами и малонаселенной. Воинам часто приходилось спать под открытым небом в спальных мешках на подстилке из лапника. Чтобы не привлекать к себе внимания, они не охотились, а ели только вяленое мясо, взятое с собой в дорогу. С ними не случилось ничего примечательного, поэтому, в сущности, и нечего рассказать об этих днях, пока однажды в сумерках они не подъехали к одинокому хутору.

2

Странное это было место. Нигде не было видно следов вспашки. Тонкий слой снега покрывал делянку, обрамлен-

ную по краям могучими елями, а сверху нависло сумрачное небо, обложенное облаками. Дом почти сливался с густой тенью леса, поэтому нельзя было сказать, велик он или мал. Плотный морозный воздух приглушал цоканье копыт, ржание утомленных лошадей, бряцание сбруи, скрип седельной кожи. Дыхание клубилось туманом.

Однако человек, стоявший у дома, был хорошо виден, только лицо его скрывала тень. В сумраке четко вырисовывалась могучая, пышущая здоровьем фигура незнакомца. Он был очень высок. С плеч его свисал синий плащ, рука сжимала копые.

Конунг подъехал к хуторянину.

— Приветствую тебя, мой друг! — сказал он. — Надеюсь, ты не будешь против, если мы разобьем лагерь на твоей земле? Поверь, мы не причиним тебе никакого вреда.

В ответ послышался низкий голос:

— Тебе не придется спать под открытым небом. Я приглашаю тебя провести эту ночь под моим кровом.

— Негоже, если я один приму твое приглашение, а мои люди останутся на морозе.

— Я приглашаю вас всех.

Хрольф удивился:

— А ты смельчак! Неужто и в самом деле ты можешь позволить себе такое гостеприимство? Ведь нас не так уж мало и вряд ли твой маленький хутор сможет вместить всех моих воинов.

Хуторянин засмеялся волчьим лающим смехом:

— Да, господин. Я прекрасно вижу, сколько людей пожаловало ко мне. Однако сегодня вечером у вас не будет недостатка ни в еде, ни в питье, ни во всем остальном.

Конунгу показалось недостойным ответить чем-то иным, кроме согласия:

— Хорошо, мы верим тебе.

— Воистину, добро пожаловать! — сказал хуторянин. — Следуйте за мной.

И он повел их на задний двор, где располагалась конюшня столь внушительных размеров, что в ней легко можно было разместить всех лошадей дружины. Несмотря на обилие сена и воды в яслях, все стойла были пусты. Новый знакомый сказал, что уже слишком темно, так что тот, кто не знает пути вокруг дома, не сможет завести лошадей в конюшню и он сам сделает это позже.

— Как твое имя, добрый человек? — спросил конунг.

— Кое-кто зовет меня Храни, — ответил тот.

Хрольфа удивило это необычное имя. Ведь его дядя Хроар называл себя так в те времена, когда скрывался от конунга Фроди. Еще более удивительным был дом, который им не удалось рассмотреть снаружи. Первое же помещение за дверью было сильно вытянуто в длину и ярко освещено, подобно зале в палатах конунга, хотя казалось необжитым, так же как и конюшня. Резные рунические письмена украшали стены.

— Как-то здесь неуютно, — прошептал Бьярки на ухо своему младшему другу.

— Однако лучше, чем снаружи, — ответил Хьялти.

Храни пригласил гостей рассаживаться. Были ли столы, раскинутые на козлах, уже накрыты подносами с дымящейся свининой и чашами, полными меда? Сам ли Храни прислуживал гостям за столом, так и не сняв свою шапку? Делал ли он это так же быстро, как управлялся с лошадьми? Позже дружинникам самым странным показалось то дремотное состояние, в котором они пребывали в гостеприимном доме хуторянина.

Вскоре большинство воинов захмелели и развеселились: они клялись, что никогда раньше не попадали в столь прекрасный дом, и забыли все свои сомнения.

Храни подсел к Хрольфу. Затем еще несколько воинов собрались вокруг них, и началась долгая беседа. Сначала конунг представился и назвал поочередно имена вождей своей дружины. Хуторянин кивнул и, в свою очередь, посоветовал, как лучше добраться до Упсалы. Свидгаг спросил, откуда тот знает дорогу, ведь хуторяне редко уходят далеко от тех мест, где родились.

— Хотя я уже старик, — ответил Храни, — я по-прежнему любопытен до всего, что подчас происходит далеко от моего хутора.

— Как ты можешь жить в этом доме в одиночестве? — спросил Бьярки.

— Но сегодня я не один, не так ли? — ответил Храни и опять залился своим волчьим смехом. — Здесь бывают гости гораздо чаще, чем вы думаете. К тому же у меня есть сильные сыновья, которые сейчас вдали от дома. А что касается вашей дороги... — И он начал рассказывать об этих краях и

людях, что жили здесь когда-то, нечто, чего люди Хрольфа никогда не слышали. С этого момента хозяин уже не давал разговору преждевременно угаснуть. Никогда гости не слышали более интересных историй, чем те, что рассказывал им Храни. Его речь была богата пословицами и звонкими ви-сами. Все почувствовали, что перед ними воистину великий мудрец.

Однако трудный день лежал у дружины за плечами. Вскоре усталость одолела воинов, конечно же, не без помощи отменного хмельного питья. Храни предложил им устраиваться на ночлег на скамьях и на полу. Сам он куда-то исчез. Огонь постепенно погас.

Конунг и его люди проснулись в середине ночи. Только едва тлеющие угли остались в очаге; их бледное мерцание едва позволяло различить что-нибудь в темноте. Было настолько холодно, что зуб на зуб не попадал. Многие побежали в конюшню и вернулись со спальными мешками, которые привезли с собой на вьючных лошадях. Натянув на себя побольше одежды, они залезли в мешки и заснули снова. Конунг Хрольф и его двенадцать вождей продолжали спать в том, что на них было надето с вечера, хотя каждый ужасно мерз, пока не наступило утро, и Храни, вернувшись с вязанкой хвороста, не бросил ее на тлеющие угли. Затем он спросил у Бьярки, как тому спалось.

— Отлично, — ответил норвежец.

Хуторянин посмотрел на конунга и сказал сухо:

— Я знаю, что некоторым твоим воинам показалось, будто ночью здесь было холодновато, и это правда. Но теперь эти смельчаки не должны тешить себя надеждой, что у них достанет сил противостоять испытаниям, которые конунг Адильс в Упсале может обрушить на них. Особенно если они так болезненно воспринимают обычные невзгоды. — Голос его стал более суровым. — Если тебе дорога твоя жизнь, отошли домой половину твоих людей, но и оставшиеся вряд ли смогут справиться с конунгом Адильсом.

— А ты не так уж прост, если предупреждаешь меня об этом, — сказал Хрольф тихо. — Что ж, я последую твоему совету.

Перед тем как они приступили к завтраку, конунг сумел найти верные слова, чтобы убедить пятьдесят воинов, замерзших больше других прошлой ночью, вернуться домой. После никто не мог вспомнить, как звучала эта речь и почему.

никто не почувствовал себя уязвленным. Когда остальные приготовились продолжать путь, им оставалось только поблагодарить хutorянина и пожелать ему счастья и удачи.

Потом дружинники долго скакали по холмам, заросшим высокими соснами, и по долинам, засыпанным снегом. Как только чувство тревоги покинуло их, они начали оживленно обсуждать, кем мог быть их давешний хозяин. Наконец Бьярки сказал грубо:

— Сдается мне, не только люди и звери обитают в столь диких краях, в чем я уже имел случай убедиться. Эти существа не всегда ведут себя недружелюбно... только 'вот, — добавил он через мгновение, бросив взгляд на шлем конунга, скакавшего впереди, — их приветливость может обернуться жестокой шуткой.

Вечером они снова подъехали к той же делянке, где стоял давешний хутор, и тот же высокий старик в широкополой шапке и синем плаще встретил их. Его грубо сколоченный дом по-прежнему высился в густой тени. Воины зароптали. Конунг Хрольф дернул поводья и положил руку на меч Скофнунг.

— Приветствую тебя, господин! — засмеялся хutorянин. — Зачем это ты стал навещать меня столь часто?

— Нам неведомы чудеса, что ты творишь с нами, — твердо отвечал конунг. — Похоже, ты принадлежишь к потустороннему миру.

— Я не причиню вам никакого вреда и в этот раз, — сказал Храни.

Конунг оглянулся на всадников.

— Лучшее, что мы можем сделать, — это заночевать здесь, раз уж нас снова приглашают, — сказал он им. — Скоро совсем стемнеет.

Опять расположившись в доме, воины почему-то почти ничему не удивлялись, да и гостеприимство им было оказано отменное. Вскоре все улеглись спать. Однако ночью многие проснулись от столь ужасной жажды, что едва могли двигать языком в пересохшем рту. Бочонок меда стоял в углу залы, и каждый подходил к нему и пил вдоволь, кроме конунга и его двенадцати вождей.

Утром Храни сказал Хрольфу:

— Вновь прислушайся, господин, к моему совету. Сдается мне, тем парням, что пили мед этой ночью, неостанет дерзости для продолжения похода, ибо худшие беды им

пришлось бы перенести, попади они в гости к конунгу Адильсу.

Однако ничего нельзя было сделать, так как по всей округе разразилась снежная буря. Слепая белизна окутала дом, но прочны были его деревянные стены и могли они противостоять любому ветру. Воины сели вокруг Храни, который рассказывал такие замечательные истории, что день пролетел быстро.

— Мы вроде как вдруг выпали из времени, — прошептал Свипдаг своему брату.

На закате буря стихла. Снега выпало меньше, чем можно было ожидать, и на следующее утро они снова стали собираться в путь. Храни принес дров и высек огонь. Удивительно быстро запылало пламя. Красные и голубые языки взлетали все выше и выше, взревев так же громко, как снежный буран. Волнами тепла обдавало сидящих вокруг огня людей. Некоторые попятились назад. Конунг Хрольф, памятуя о данной в юности клятве никогда не уклоняться от огня и железа, остался сидеть на прежнем месте. Так же поступили и его вожди, хотя пот струился с них градом и казалось, что скоро они вскипят, как варевое в котле.

Одиноким отблеск сверкнул под полями шапки хуторянина.

— Опять, господин, — сказал он, — тебе придется сделать выбор. Мой совет — пусть никто, кроме тебя и этих двенадцати воинов, не едет в Упсалу. Тогда, возможно, тебе удастся вернуться домой живым и здоровым, иначе и не надейся.

Разомлевший от жары конунг Хрольф старался говорить твердо:

— Я столь высокого мнения о тебе, что снова последую твоему совету.

Языки пламени вскоре опали. В эту ночь все воины спали спокойно и никакие дурные сны не мучили их.

Поутру Хрольф отослал домой пятьдесят своих воинов вместе с берсерками. И снова никто не оспаривал этот приказ до тех пор, пока они не отъехали слишком далеко, чтоб повернуть назад.

Вскочив в седло, конунг обратился к хуторянину:

— Может статься, что должен я во сто крат сильнее отблагодарить тебя за помощь.

— Что ж, когда-нибудь ты сможешь отплатить мне, — ответил Храни.

— Тогда прощай до того времени, — сказал Хрольф.

Его сокол забил крыльями, увидев двух воронов в небе; его пес зарычал на раздавшийся неподалеку волчий вой. Через мгновение хутор затерялся где-то в лесной заснеженной глуши.

Воины поскакали дальше: Хрольф, верховный конунг Дании, во имя чести намерившийся вернуть свои богатства и страстно желающий отомстить за своего отца; Бьярки, сын медведя-оборотня; Хьялти, обязанный своей храбростью крови из сердца убитого чудовища; Свипдаг, единственный глаз которого пронизывал взглядом и прошлое, и будущее; Хвитсерк; Бейгад; Хромунд; Хрольф, тезка конунга; Хаакланг; Хрефил; Хааки; Хватт; Старульф — воины, чью решимость не могли поколебать ни демоны, ни боги. Кречеты, сидевшие у них на плечах, были под стать их душам. Под серым зимним небосклоном их шлемы, наконечники копий и кольчуги ослепительно сверкали, их разноцветные плащи пестрели на фоне ярко-зеленых веток и голубых теней на белом снегу. Холод был им не страшен, дыхание клубилось в воздухе, седла скрипели. Но невелик был отряд смельчаков, выступивших против конунга Адильса и всей нежити, подвластной ему.

Когда они въехали в Свитьод, стали часто попадаться открытые пространства, многочисленные хутора и деревни, многие из которых невозможно было объехать стороной, так что отряд Хрольфа было хорошо видно издалека. Хотя воины не называли себя, слухи об их приближении уже полетели вперед и достигли самого Адильса, а тому не составило труда угадать правду. Или, может быть, он заметил их, вглядываясь в поверхность кипящего варева в одном из своих волшебных котлов, или услышал что-то в бульканье дьявольской похлебки. Однажды вечером он обратился к королеве, говоря громко, так чтобы слышали все:

— Сдается мне, конунг Хрольф сын Хельги находится на пути сюда.

Ирса несколько мгновений ловила ртом воздух, прежде чем смогла справиться с собой.

— Что ж, прекрасно, прекрасно, — улыбнулся Адильс, — несомненно, прежде чем мы разделим наследство, он получит такую награду за все свои невзгоды, что вести об этом достигнут самых далеких земель.

Наконец конунг Хрольф и его воины въехали в долину реки Фюрис. Крутом простирались луга, покрытые коричневым снегом, смерзшимся и звенящим под копытами лошадей. Впереди протекала река, и на ее высоком западном берегу вырисовывалась Упсала, увенчанная храмом. Крыша его поднималась к бледноватому небу, отливая золотым блеском, а за ними высились деревья священной рощи, голые, как скелеты. Несколько воронов хлопало крыльями на ветру и громко каркало.

Хрольф вскинул рог, висевший у него на плече, и протрубил три раза глубоко и протяжно, как трубят зубры, вызывая соперников на поединок. Пришпорив коня, он пустил его в галоп. Воины поскакали следом. Их кольчуги и наконечники копий ослепительно сверкали, а красные, синие и рыжевато-коричневые плащи развевались за их спинами на фоне серой смерзшейся земли. Доски моста отчаянно скрипели по копытам их мощных скакунов.

Жители Упсалы начали собираться на сторожевых башнях и у бойниц частокола, тревожно оглядывая окрестности. Ворота оставались открытыми, поскольку никто не видел причины бояться двенадцати всадников, хотя те и были прекрасно вооружены. Хрольф понимал, что не имеет права даже блеском своих глаз показать, как этот огромный город подавляет его. Дружинники въехали в городские ворота по глубокой колее, оставленной многочисленными возами. Горожане, их жены, ребятишки, возчики, свиньи, собаки, куры — все вынуждены были расступиться, чтобы пропустить воинов. Гневные возгласы летели вслед всадникам. Но никто не осмелился поднять на них копье, даже когда те повернули в сторону королевских палат.

Их ворота тоже были распахнуты настежь. Стражники заполонили все пространство двора, выставив стену щитов. Никто не обнажал оружия. Люди конунга Адильса облачились в парадные одежды и натянуто улыбались.

Датчане, дернув поводья, подняли своих коней на дыбы, кречеты распростирали крылья, блескующие на солнце, пес Грам яростно залаял. Свипдаг закричал:

— Скажите конунгу Адильсу, что в гости к нему прибыл сам Хрольф сын Хельги, верховный конунг датчан.

— Добро пожаловать, добро пожаловать, — ответил высланный навстречу челядинец. Он отнюдь не был удивлен подобной новостью. — Я почту за великую честь приветствовать столь славного воина и его соратников. — Он внимательно и неторопливо начал оглядывать гостей. — Воистину конунгу Адильсу, так же как и мне, очень жаль, что вы прибыли к нам столь малым числом. Чувствуйте себя как дома.

— Нас не так уж мало.

— А... Свипдаг сын Свипа, если не ошибаюсь... Ты вернулся?

— Я же обещал, что вернусь.

— Что ж, прошу всех пожаловать за мной.

Миновав дворовые службы, они подъехали к конюшне. Конюхи приняли поводья разгоряченных лошадей. Спешившись, Бьярки сказал им:

— Ну-ка, друзья, в первую очередь проверьте, расчесаны ли хвосты и гривы наших скакунов. Затем найдите им лучшие стойла в конюшне, задайте отменного корма и непременно держите их в чистоте.

От столь обидных поучений кровь бросилась в лицо их провожатому, и он сделал незаметный знак одному из мальчишек. Тот мгновенно исчез. Затем слуга занял датчан расспросами об их путешествии. Тем временем мальчишка вбежал к конунгу Адильсу и сообщил ему о выходе датчан.

Властелин Свитьод в сердцах стукнул кулаком по подлокотнику трона и произнес:

— Воистину трудно стерпеть их самонадеянность и высокомерие! Передай мой приказ главному конюху и проверь, чтобы он выполнил его. Отсеките хвосты этим лошадям до крестца и отрежьте их гривы у самых корней волос, так чтоб было видно кожу. Затем приведите их в стойла, самые худые, какие только сможете найти, только чтобы не издохли.

Мальчишка низко поклонился и ушел. Адильс глубже уселся на своем троне. Его била дрожь. И так же колыхались развешанные по стенам гобелены.

Наконец датчан повели в палаты. Никого не нашлось у дверей — похожих больше на вход в пещеру, — кто приветствовал бы их, как подобает. Один из стражников, глупо

усмехнувшись, только и сказал им, что конунг ждет их внутри, и с этими словами ушел прочь.

Хьялти положил руку на рукоять меча:

— Как они осмеливаются обходиться так с нашим господином?

Хрольф оглядел двор: стражники продолжали стоять у стен, построившись в шеренги, причем все они были одеты в кольчуги и хорошо вооружены.

— Не предпринимайте ничего, — сказал он сквозь зубы. — Наш приезд, увы, отнюдь не неожиданность для них.

Свидаг погладил свои длинные усы и сказал:

— Да, я тоже боялся этого. Дай мне пойти впереди. Я давно знаю этот дом, и у меня дурное предчувствие того, как они примут нас. Самое главное, что бы ни случилось, не стоит показывать, кто из нас конунг Хрольф. В противном случае он станет мишенью не только для всякого меча или копья, если до этого дойдет дело, но и для колдовства, коим, может быть, сейчас и занят Адильс.

Конунг вздохнул:

— Я полагаю, что должен радоваться тому, что моя мать не встретила нас, — сказал он. — Хотя минуло так много лет, она, возможно, все еще помнит меня. — Он выпрямился. — Не стоит медлить, иначе они подумают, что мы боимся.

Свидаг положил свою секиру на правое плечо, а на левом уселся его кречет. Одноглазый воин первым шагнул между возвышающимися у дверей шведскими стражниками. За ним последовали его братья Хвитсерк и Бейгад, затем Бьярки и Хрольф, а затем и все остальные, держась поближе друг к другу.

Сени были широкими и дымными. Свидаг, миновав их, вошел в главную залу королевского дома. Было похоже, что он шагнул в ночь — настолько густая темень царила там. Но, несмотря на это, он увидел, как изменились палаты конунга. Костры и жаровни погасли. Только несколько факелов мерцало высоко под потолком. В остальном зала была совершенно пуста и погружена в тишину. В холодной темноте она казалась более обширной, чем была на самом деле. Когда колеблющееся голубоватое пламя факелов оказалось далеко позади, воины остановились, словно у самого края мира.

Свидаг вышел вперед, сверкая броней. Его друзья тесно сгруппировались позади. Послышался странный шепот, и снова воцарилась тишина. Свидаг отступил.

— Яма! — предупредил он. — Я чуть не свалился в нее.

С помощью своего оружия датчанам удалось нащупать перекинутые через яму доски, не слишком широкие, но позволившие им перейти на другую сторону.

Там им показалось, будто на них набросили паутину. Они чувствовали, что затянuty в липкую, невидимую сеть, прочную, как канат.

— Руби ее! — крикнул Свипдаг.

Как только холодное железо коснулось паутины, та немедленно исчезла.

Вдруг датчане увидели смутно различимую фигуру, наступавшую на них. То был призрак великанши с могильно-рыхлыми бесцветными глазами и кожей, обтянувшей кости. Она протягивала вперед руки, пытаясь схватить кого-нибудь из них и задушить. Смех Свипдага прозвучал неприятно резко:

— У старины Адильса остается все меньше средств, чтоб помешать нам.

Сказав это, он замахнулся на нее своей секирой. Но лишь пустота встретила удар — призрак исчез.

Преодолев еще несколько локтей, датчане встретили нового призрака. Высоко над тронем высилась гигантская фигура конунга шведов. Они почти не видели его в густых сумерках среди жутких теней, напоминающих чудовищ. Свипдаг поднял руку, подавая сигнал остановиться. Казалось, будто новая яма простерлась впереди.

Глаза Адильса, плохо различимые в смутных очертаниях его лица, лучше пронизывали колдовской мрак, чем глаза датчан.

— Ну вот, наконец-то ты вернулся, Свипдаг, друг мой! Хм, хм... какое поручение выполняют эти воины? Что это? Я просто не верю своим глазам! Твоя спина сгорбилась, нет одного глаза, морщины покрыли твой лоб и легли глубокой складкой над бровями, руки не так сильны, как прежде, и твой брат Бейгад как-то странно подпрыгивает при ходьбе?

Взгляд Свипдага сделался жестким. Он знал, что сильно постарел, и его брат Бейгад после тяжелых ранений, полученных на службе у конунга Хрольфа, больше не может ходить так же легко, как другие. Тем не менее ответ Свипдага прозвучал достаточно спокойно и достаточно громко:

— Памятуя о твоих обещаниях, конунг Адильс, я требую безопасности для этих двенадцати воинов, что пришли со мной.

— Я обещаю им ее, — заверил Адильс. — А теперь ступайте в залу и ведите себя разумно и спокойно, а не так, как только что.

— Не дай ему разъярить тебя, — прошептал Хрольф.

— Готовьтесь защищаться, сомкнув щиты, — прибавил Бьярки, — похоже, занавеси на стенах как-то странно колышутся, словно за ними спрятались вооруженные люди.

Датчане снова направились вперед с великой осторожностью и обнаружили новый ров, который надо было преодолеть. Затем они оказались рядом с тронном. Воины, одетые в кольчуги и плащи, испещренные странными рунами, вдруг выросли позади каждого из дружинников Хрольфа.

— Становитесь спина к спине! — закричал Бьярки, но в этом приказе не было необходимости, все и так знали, что надо делать.

Сомкнув щиты, датчане встали лицом к лицу с врагом, второе превышающим их число. Хрольф вскинул свое копьё. Один из шведов рухнул, когда оно вонзилось ему в шею. Много копий было брошено в сторону нападавшего противника. Воздух со свистом рассекали мечи Скофнунг, Луви, Голдхилт и другие. Свипдаг мощным взмахом занес свою секиру для удара. Она пронеслась вихрем над головами ратоборцев, нанесла удар через плечо Румольда, щитом закрывавшего Свипдага. Раздался звон металла. Щит рухнул на землю вместе с отрубленной рукой шведа. Вторым ударом секира врезалась ему в висок.

Высокий воин подскочил к Бьярки. Норвежец выставил свой щит вперед, стараясь сбить противника его краем. Он пытался нащупать брешь в его защите. Как только это удалось, клинок сверкнул в воздухе и голова шведа покатилась по полу.

Меч Хьялти высек искры, ударившись о клинок противника. Раз за разом он отбивал его удары, стараясь улучшить мгновение, когда враг раскроется. В этот момент он сделал выпад, полоснув противника, и искалечил ему запястье. Как только воин, взыв от боли, отступил, Хьялти прикончил его.

В это время конунг Хрольф, припав к земле и закрывая голову щитом, отсек ногу ближайшему из нападавших.

Остальные его воины также рубили и кололи что есть мочи. Их кречеты взмыли к стропилам, а пес Грам полосовал клыками врагов, резво уворачиваясь от мечей.

В громе и криках датчане начали теснить шведов. Пока те метались в беспорядке, тринадцать отчаянных воинов построились клином и атаковали их. Оружие сверкало как пламя. Мертвые и раненые лежали повсюду, и темнота разрывалась эхом криков, стонов и проклятий. Хрольф и вожди его дружины совсем не пострадали от ударов шведов.

— Бей их! — кричал Бьярки. — Руби их как собак!

Конунг Адильс, вскочив на ноги, закричал своим воинам с высоты трона:

— Что за шум? Что происходит? Перестаньте! Перестаньте немедленно, я так велю!

Бой постепенно закончился. Наступила тишина, если не считать стонов раненых и тяжелого дыхания остальных. Блеск глаз и железа проступал сквозь густую темень.

Адильс закричал на своих дружинников:

— Вы, должно быть, последние негодяи, если осмелились напасть на столь знаменитых воинов, которые к тому же являются нашими гостями! Уходите! Прочь из залы! Пусть придут слуги и... и разведут огонь! Уходите, вы — волчьи головы. Я разберусь с вами позже.

Воины удивленно уставились на него. Однако они почувствовали, что если станут спорить, то только усугубят свою неудачу. Поспешно убрались они из залы, унося искалеченных товарищей.

— Прошу меня извинить, — обратился Адильс к датчанам. — У меня много врагов, и я боюсь предательства... Когда вы вошли в залу с оружием в руках, что не принято здесь... некоторые из моих стражников слишком рьяно встали на мою защиту, а я даже не знал об этом... Но я вижу, теперь, что это и вправду конунг Хрольф, мой родич, и его знаменитые герои, как и было сказано привратнику. Садитесь, почувствуйте себя непринужденно, и давайте проведем вместе несколько приятных дней.

— Не столь уж ты удачлив, конунг Адильс, — воскликнул Свипдаг, — да и бесчестен, как показала только что эта стычка.

Все посмотрели на конунга Свитьод. Адильс раздобрел и полысел. Борода, ниспадавшая на живот, обтянутый богатыми одеждами, была скорее седой, чем русой. Только его

острый нос совсем не изменился, да еще маленькие косые блестящие глаза.

Рабы и холопы, суетясь, выносили из залы мертвых и изувеченных, смывали кровь с пола и разбрасывали свежий камыш, приносили факелы и разводили огонь. Вместе с ними в залу вошли свежие воины из тех, что толпились снаружи. Нечего было и думать, чтобы броситься вперед и попытаться заколоть Адильса. Кроме того, подобное убийство навсегда бы опозорило имя конунга Хрольфа, особенно после того как его приветствовали добрыми словами, даже если эти слова и были пустыми.

— Садитесь, садитесь, — приглашал их между тем радушный хозяин. — Подойди же и дай мне руку, мой датский родич.

— Еще не пришло время тебе узнать, кто из нас конунг Хрольф, — сказал Свипдаг.

Хьялти презрительно добавил:

— Эй, ты только усугубишь свое... бесчестье, конунг Адильс, если новая толпа твоих людей кинется столь же рьяно защищать тебя.

— Вы ошибаетесь, вы ошибаетесь, — запротестовал толстяк. Он не осмеливался ускорить события, и это напомнило всем в зале, что когда-то он был застенчив и скромн. Адильс снова глубоко погрузился в свое тронное кресло и воскликнул: — Что ж, как хочешь... Если ты не настолько храбр, чтоб назвать себя, Хрольф, пусть так и будет. — И через мгновение добавил: — Я вижу, что ты почему-то выезжаешь за пределы своей державы совсем неподобающим образом. Почему ты привел с собой так мало воинов, мой дорогой родич?

— Тебе ничто не помешает замыслить предательство против конунга Хрольфа и его людей, — сказал Свипдаг, — поэтому неважно, приехал бы он с несколькими воинами или с большим войском.

Адильс подал знак, и тяжелые скамьи установили на том месте, где должны были сидеть гости. В это время, хотя зала быстро наполнялась светом и шумом, вокруг датчан как бы образовалось пространство, где сквозили настороженность и готовность к отпору. Даже Адильс не мог не почувствовать это. Многие из его людей в страхе смотрели на кречетов, что вновь уселись на плечи датских воинов. Одним из этих смельчаков был конунг Хрольф, отца которого Адильс собственноручно лишил жизни.

Среди датчан было десять воинов, которых Адильс не знал и на которых не мог наслать злые чары, потому что не знал их имена. Кроме рыжебородого молодца, огромного, как медведь, любой из них мог быть Хрольфом, который, как говорили, был стройным мужчиной. Может быть, им был тот дружинник с золотистыми локонами, или тот светловолосый и с виду молодой воин, на боку у которого висел меч с золотой рукоятью, или тот темноволосый, не слишком высокий, но быстрый и ловкий в движениях, или тот худой, жутковатого вида, что так ловко владел секирой, — или ни один из них? В городе жило несколько корабельщиков, что знали датского конунга в лицо. Он бы мог привести их завтра. Если бы он послал за ними сейчас, это выдало бы его нетерпение и могло привести к новым неприятностям. В конце концов он должен найти способ как можно скорее определить, кто из них Хрольф, прежде чем тот начнет мстить за отца. Хрольф никогда не давал клятву жить с ним в мире, так же как и его дядя Хроар. Может быть, Ирса узнает своего сына, хотя он был ребенком, когда она бросила его. Может быть, из-за этого королева осталась в своих покоях?

— Давайте разведем огонь для наших друзей, — приказал Адильс, — и покажем, что мы всем сердцем расположены к ним и готовы были проявить добрую волю с того самого момента, как они появились в нашем доме.

Многочисленные советники, вожди дружины и слуги присоединились к своему конунгу.

— Прости меня, родич, — сказал он, — если мне захочется потолковать с тобой наедине. Ведь у меня так много могущественных тайных недругов, что желают моей гибели. И не кажется ли тебе, что невежливо и попросту недостойно воина скрываться от меня, а?

— Мы явились сюда не для того, чтобы таять от умиления, — сказал Свипдаг, — а чтобы получить те богатства, которые конунг Хрольф имеет право наследовать своему отцу конунгу Хельги.

— Ну, ну... Это еще надо обсудить.

Адильс повернулся и прошептал что-то старшему из своих слуг, который, кивнув в ответ, ушел, по дороге дотронувшись до рукава вождя шведской дружины, немедленно последовавшего за ним. Они прошли по дощатому настилу, перекинутому через яму, и скрылись из виду.

Потирая руки и выдыхая целые клубы пара, властелин Свитьод сказал:

— Да. Нам есть о чем потолковать. Хорошо бы по-братски разделить трапезу и осушить пару кубков. Правду говоря, я не имею ничего против тебя, Хрольф, хотя твой отец, будучи моим гостем, и составил против меня заговор. Пускай твои люди этак хитро поглядывают на меня, но я желаю оказать тебе высокую честь. Итак, если ты назовешь себя и сядешь напротив, я спущусь вниз и встану рядом с тобой. Здесь ужасно холодно, не так ли? Я не хочу, чтобы вы мерзли под моим кровом. Идите и садитесь вокруг костра.

Воины Хрольфа переглянулись и осторожно отошли назад, когда Адильс подошел к ним. Вскоре они уселись на скамьи вокруг одного из костров. За ними уселись Адильс и вожди шведской дружины. Все это очень походило на заранее запланированное предательство, когда нарушается древний обычай, согласно которому дозволено обнажить только нож, чтоб отрезать себе мяса или пирога. Датчане же также не рискнули расстаться со своим оружием, но никто и не настаивал на этом.

Внесли множество рогов, полных пива. Адильс выпил за здоровье гостей и начал веселую, хотя и бессмысленную, болтовню, стараясь при этом побольше увидеть и услышать. Его многочисленные воины, которых было легко узнать, несмотря на то что они были одеты в кафтаны слуг, тем временем все подкладывали дрова и сухой торф в огонь. Алые, голубоватые и желтые языки пламени вздымались все выше и выше. С каждым мгновением становилось все нестерпимее сидеть рядом с ним. Огонь гудел все громче и громче. Потолок над датчанами напоминал штормовое небо, весь в наплывах ярко-красного дыма. Жара надвигалась лавой. Кречеты взлетели вверх, сокол вспорхнул прочь.

Адильс засмеялся:

— Люди не слишком преувеличивают, когда прославляют вашу отвагу и готовность к бою, славные датские воины. Похоже, вы воистину превосходите всех прочих, и молва о вас не лжет. Что ж, подбросьте-ка еще дров в огонь, чтоб я наконец понял, кто же из вас конунг Хрольф. Что до меня, то хотя я сегодня еще не был во дворе на морозе, мне кажется, что сейчас становится немного жарко.

Он сделал знак своим людям. Те отодвинули свои скамьи подальше от огня. Костровые бегали туда-сюда, принося все

новые охапки поленьев. Сплошь покрытые копотью, они внимательно наблюдали за гостями.

Кольчуги и нижние плотные куртки удваивали мучение от жары. Пот потоком струился с датчан, нестерпимо жгло глазные яблоки — казалось, будто их пекут на огне, — дым въедался в ноздри и с паром выходил из-под одежды, прилипшей к коже. Губы потрескались. Языки стали походить на те догоревшие головешки, что шведы выуживали из разворошенного костра, чтоб на их место подбросить новые поленья, да так скоро, словно они работали на самого Сурта.

— Дом Храни — ничто по сравнению с этим, — тихо сказал Хьялти. — Интересно, что будет дальше?

— Он не просто надеется узнать, кто из нас Хрольф, — он желает смерти нашему конунгу, — ответил Свипдаг, — ведь еще немного, и никто из нас не сможет вынести этот проклятый жар.

— Я клялся никогда не уступать ни огню, ни железу, — послышался тихий шепот конунга Хрольфа, едва слышный сквозь гул и треск огня.

Бьярки, незаметно наклонившись вперед, подвинул свой щит, чтобы прикрыть им от жары своего господина. Так же поступил Хьялти, прикрывший Хрольфа с другой стороны. Но они оба не осмеливались помогать своему конунгу открыто, так как этим выдали бы его.

Косясь сквозь бешеное пламя, датчане видели, что конунг Адильс и его воины, ухмыляясь, отодвинулись от огня настолько далеко, насколько это было возможно. Несомненно, шведский конунг пытался их измучить.

— Его обещания прекрасно звучат,⁸ ничего не стоят, — проворчал Старульф. — Он что, хочет сжечь нас заживо?

Хьялти устался на свои колени:

— Мои штаны начинают тлеть, — сказал он, — если мы останемся здесь, то погибнем... погибнем весьма красиво.

Трое из костровых подбежали к огню и подбросили несколько новых вязанок хвороста. Искры полетели вокруг. Слуги злобно хохотали.

Бьярки взглянул на Хрольфа и Свипдага. Одна и та же мысль возникла у них одновременно. Норвежец прокричал половину такой виси:

*Пламя в палате
брашну обрящет!*

Он и Свипдаг вскочили на ноги. Каждый схватил кострового и швырнул в огонь.

— Теперь сами наслаждайтесь теплом, — крикнул Свипдаг, — а мы уже пропеклись насквозь!

Хьялти сделал то же самое с третьим. Остальные бросились наутек. Эта смерть не была столь ужасна, как принято думать, ибо никто не может прожить в таком огне дольше одного удара сердца.

Конунг Хрольф выпрямился и, схватив свой щит, швырнул его в костровую яму и закончил вису:

*Прыгай повыше —
и жар не изжарит!*

Его воины поняли своего господина и сразу же стали швырять следом свои щиты. Таким образом они сумели сбить пламя до такой высоты, что уже не составляло труда перепрыгнуть через костер.

Адильс и его люди слышали глухие удары, увидели тела, охваченные огнем, — как вдруг из пламени с шумом выскочили тринадцать воинов без щитов, но в шлемах и кольчугах, покрытые копотью и промокшие от пота, но жаждающие крови больше, чем воды. Одежда на них местами обуглилась, на щеках вздулись волдыри, но в руках они держали клинки, сверкавшие ярче огня.

В ужасе воины Адильса беспорядочно метались перед дружиной Хрольфа. Датчане сразу вступили в схватку с теми, кто был облачен в кольчугу и держал меч. Так же как и раньше, многие почувствовали, что не может быть удачи в схватке на стороне хозяина, решившего убить своих гостей.

— Я здесь, родственничек! — крикнул Хрольф и направился к Адильсу.

Свист Скофнунга мешался с грозным смехом Хрольфа.

Адильс поспешил спастись бегством. Одна из колонн, подпиравших крышу, была украшена огромной фигурой бога, опирающегося на свой щит. Этот щит оказался дверью, за которой зияла пустота. Адильс проскользнул туда и захлопнул дверь за собой.

— Надо пробить в этом щите дыру, — крикнул Хьялти.

— Нет! — воскликнул Хрольф. — Будем мы еще ползать по каким-то подземельям. Мы ведь не червяки, как Адильс!

— Он может устроить нам какую-нибудь ловушку, — кивнул Свидпаг. — И мы ничего не сможем с ним сделать, потому что он колдун.

Адильс действительно покинул свой дом. Выбравшись из-под земли недалеко от покоев королевы, он вошел к ней. Ирса была у себя. Ее наперсницы в ужасе отшатнулись, увидев конунга в пропотевшей, грязной одежде.

— Уйдите! — крикнул он им. — Я... хочу говорить... с королевой.

— Нет, останьтесь, — остановила их Ирса. — Мне нужны свидетели, чтобы потом он не мог отказаться от своих слов.

Женщины столпились в стороне, Адильс совсем забыл о них.

— Этот твой сын, Хрольф Датчанин, здесь, — конунг тяжело дышал. — Он напал на меня... Он захватил мой дом...

Ирса радостно вздохнула:

— Он никогда не напал бы на тебя без всякой причины, — ответила она веско.

— Ступай к нему и договорись о мире от моего имени. Он послушается тебя.

— Я пойду, но не от твоего имени. Сначала ты предательски убил конунга Хельги, моего мужа, и те богатства, что принадлежали ему, ты присвоил. Теперь ты собрался убить моего сына. Нет у тебя ни чести, ни совести. О, я сделаю все, чтобы конунг Хрольф получил это золото, а ты не получишь ничего, кроме трижды заслуженного тобою горя.

Конунг Адильс старался держаться прямо. В эти минуты он был просто обрюзгшим толстяком, которого выгнали из его собственного дома.

— Похоже, здесь мне больше не будет веры, — тихо сказал он. — Ты больше меня не увидишь.

Он повернулся и побрел прочь в сгущающихся сумерках. Вскоре Ирса услышала, как Адильс где-то за оградой зовет своих дружинников.

4

Королева Ирса вышла в залу. Она застала датчан в бурном ликовании. Победители требовали пива и жаркого у нескольких испуганных слуг, что не успели сбежать. Но как только они увидели королеву в белом платье, голубом плаще

и тяжелых янтарных украшениях, крики мгновенно смолкли, словно тишина обрушилась на всех, кто находился в зале. Королева уверенно направилась к скамье, где сидел конунг Хрольф, уже не таившийся от чужих взоров. Несколько мгновений все зачарованно смотрели в огонь, полыхавший по-прежнему ярко.

Ирса держалась прямо, ее тело сохранило прежнюю гибкость, хотя танцующая походка, что была ей свойственна в те времена, когда она была еще совсем девочкой, невестой Хельги, исчезла. Кожа на ее широком лице осталась гладкой, но кое-где уже виднелись морщины. Ее волосы цвета меди посеребрил иней седины, а в серых глазах проступала бездонная усталость. Сын был похож на мать. Широкие плечи Хрольфа облегла кольчуга, отражавшая красные языки пламени. В этой броне он одержал сегодня победу.

Свиппаг нетерпеливо вышел вперед. Его щеки запали, глубокий рубец над бровью побагровел.

— Моя госпожа... — начал он.

Но королева даже не посмотрела в его сторону, устремив свой взгляд на Хрольфа.

— Ты королева Ирса? — спросил конунг. — Думалось мне, что ты выйдешь к нам раньше.

Она стояла оцепенев.

— Ну... — сказал Хрольф. — Здесь, в твоём доме мне порвали рубаху. — Он поднял правую руку: рукав рубахи был разорван наконечником копья. — Починишь ли ты ее мне?

— О чем ты? — прошептала она.

Хрольф покачал головой.

— Как трудно обрести мир, — вздохнул он, — когда мать не накормит сына, а сестра не починит брату одежду.

Свиппаг переводил ошеломленный взгляд с матери на сына и обратно. Ирса сжала кулаки.

— О, ты сердись, что я не пришла приветствовать тебя? — сказала она, вытирая слезы. — Слушай же. Я знала, что Адильс добивается твоей смерти. Ночь за ночью он неистово предавался колдовству, пуская в ход то ведьмин корень, то волшебные зелья, что кипели в огромных котлах, то старые кости, испещренные магическими рунами. Но я всегда знала, что пока есть мать, которая находится здесь, чтоб оградить своего сына от всякой опасности кольцом

своих рук... и сестра, всегда готовая протянуть брату руку помощи... он вплетет это в свои гибельные заклатья.

— Воистину, потому что она была вдали от тебя, — сказал Свиддаг, — колдовские чары не подействовали, и Адильсу пришлось расставлять свои ловушки здесь, в своем собственном доме.

Хрольф пал к ее ногам.

— О, прости меня! — закричал он, едва сдерживая слезы. — Я не понял, что происходит.

Они сжали друг друга в объятиях, смеясь и перешептываясь, тяжело дыша и крепко сплетая пальцы, время от времени отступая на шаг, чтобы лучше рассмотреть друг друга. Вскоре мать и сын смогли совладать с охватившим их порывом. Ирса подобающим образом приветствовала датских воинов, приказала слугам приготовить угощения и покои для гостей и вновь вернулась к столь важному для нее разговору с сыном. Оба знали, что теперь им придется многое наверстать в жизни.

Свиддаг отошел в сторону.

— Как она смогла пережить столько зим, — сказал он глухо, — рядом с этим полутроллем-получеловеком... — Он с трудом справился с собой. — Но ничего, зато сегодня вечером она счастливейшая из смертных, ведь она наконец встретила своего сына.

Много было выпито в тот вечер и веселье не прерывалось ни на минуту. Часто ли бывает так, чтобы тринадцати воинам удалось захватить цитадель могучего конунга! Наконец датчанами овладела сонливость. Ирса послала за юношей, который должен был выполнять их поручения.

— Его зовут Вёгг, — сказала она Хрольфу, — он несколько глуповат, но зато добросердечен и ловок.

Новоявленный слуга вошел в залу. Он был мал ростом — кожа да кости — крючковатый, как у ворона, нос, небольшой подбородок и копна волос цвета спелой пшеницы. Одет он был в поношенную куртку. Парень забавно подпрыгивал на ходу и постоянно хихикал.

— Это твой новый господин, — сказала ему королева, указав на Хрольфа.

Бледно-голубые глаза Вёгга чуть не выскочили из орбит.

— Это и есть ваш конунг, датчане? — послышался его по-мальчишески надтреснутый голосок. — Это и есть вели-

кий конунг Хрольф? Но он ужасно костляв, как, впрочем, и я — ну прямо настоящая жердинка!

В те времена жердиной обычно называли не слишком толстое бревно, на котором оставляли короткие — не длиннее человеческой ступни — обрубки сучьев. Такие жердины использовали в качестве лестниц. Среди веселого пира, после блестящих подвигов, совершенных за день, слова Вёгга показались воинам самой забавной шуткой, которую им когда-либо доводилось слышать. Даже Свипдаг, грубо захохотав, присоединился к общим приветственным крикам:

— Жердинка! Эй, жердинка! Приветствуем тебя, конунг Хрольф Жердинка!

Тот, к кому относились эти слова, громко смеясь, обратился к юноше:

— Ты наградил меня прозвищем, которое мне отлично подходит. Что ты хочешь мне подарить на именины?

— Мне... нечего тебе дать, — ответил Вёгг, — я очень беден.

— Тогда пусть тот, у кого есть что дарить, поделится с тем, у кого ничего нет, — провозгласил Хрольф.

В течение вечера ему принесли несколько золотых запястий, привезенных сюда среди прочей поклажи на вьючных лошадях для того, чтобы конунг смог наградить кого-нибудь во время пира. Он выбрал одно из них и вручил Вёггу.

Мальчишка, пробормотав слова благодарности, надел запястье на правую руку и начал важно вышагивать, как петух, стараясь держать ее повыше, так, чтобы золото сверкало в отблесках пламени. При этом запястье постоянно съезжало к локтю. Левую руку он прятал за спиной. Конунг, указав на нее, спросил, зачем он держит ее так.

— О! — ответил Вёгг. — Рука, которой нечего показать, должна скрывать это со стыдом!

— Что ж, следует подумать и о ней, — улыбнулся Хрольф.

Он заметил, что этот паренек полюбился Ирсе. Тут же мальчишка получил второе запястье.

Вёгг чуть не упал от радости. Он только и смог ответить голосом, сбивающимся от волнения:

— Благодарю и славлю тебя, господин! Это слишком прекрасная вещь, чтобы я мог владеть ею!

Конунг улыбнулся:

— Не слишком ли восторженным растет наш Вёгг?

Подросток уселся на скамейку и, подняв обе руки над головой, закричал:

— Господин, я клянусь, что если тебя кто-нибудь сумеет победить, а я останусь в живых, — непременно отомщу за тебя.

— Спасибо и на том, — сказал конунг серьезно.

Его войны закивали, даже не стараясь спрятать улыбки. Несомненно, все они без исключения сумели бы доказать свою преданность конунгу, насколько это было в их силах, — так им, во всяком случае, казалось. Однако в пору невзгод и несчастий не всегда удается выполнить то, что желаешь.

Ирса повела их через двор к дому для гостей. Хотя помещение внутри было несколько меньше, чем королевские палаты, но оно было достаточно светлым, уютным и к тому же без всей этой вызывающей мурашки колдовской утвари. Пес Грам прибежал с воинами, а их кречетов поместили в конюшню. На морозе, под бесчисленными звездами Ирса, вновь сжав руку сына, произнесла:

— Спокойной ночи и хорошего отдыха тебе, мой дорогой. Но продолжай быть бдительным, ибо зло окружает тебя.

— Может быть, нам стоит охранять тебя, госпожа? — спросил Свипдаг.

— Благодарю тебя, старый друг! Но в этом нет необходимости. Ему нужна лишь ваша кровь.

— Надеюсь, что мы не навлекли на тебя беды.

— Спокойной ночи, — сказала Ирса и удалилась со своими служанками.

Пламя костра, бросая отблески по стенам залы, дарило свет и тепло, хотя воздух был дымным. Вёгг показал воинам, как он разложил их вещи и подготовил скамьи для ночлега. Бьярки предупредил:

— Здесь нам будет спокойно, ведь королева Ирса желает нам добра. Однако она права, конунг Адильс непременно даст волю своей злобе. Меня бы удивило, если б все продолжалось так же, как нынче.

Вёгг чурался, дрожа всем телом.

— Конунг Адильс знает толк в кровавых жертвоприношениях и закланиях, — зашептал он. — Нет ему в этом равных. О, как часто по ночам я слышал, как веревки скрипели под тяжестью тел, а потом, днем, крики воронов заглушали шум ветра. Он приносит верховным богам обычные жертвы, но есть еще особый культ, которому он служит, это культ

огромного жуткого в-в-вепря. — Вёгг постарался овладеть собой, но его зубы продолжали стучать. — Я не знаю, как избежать новых нападений, — продолжал он удрученно, — поэтому будьте бдительны! Этот убийца, прославившийся своими злодеяниями, сделает все возможное, чтобы покончить с... нами... любой ценой.

— Я думаю, нам не стоит выставлять охрану сегодня вечером, — сказал Хьялти, — так как Вёгг все равно не заснет этой ночью.

Воины сонно заулыбались и начали устраиваться на ночлег. Давно они не снимали кольчуг. Огонь почти догорел. Все крепко спали, и только Вёгг постоянно просыпался, его радость сменилась всепоглощающим страхом.

Вдруг послышался ужасный шум, прокатившийся по всей зале гулким эхом: какое-то существо ревело, визжало и хрюкало снаружи. Оно ломилось в дом, раскачивая его так, как если бы он вдруг поплыл по морским волнам.

Вёгг вскрикнул:

— Помогите! Это тот ужасный вебрь за стенами дома, бог-кабан конунга Адильса! Он послал его, чтобы отомстить нам, — и никто не сможет справиться с этой нежитью!

Дверь гремела и скрипела под ударами. Бьярки выхватил меч.

— Не беритесь за оружие, мой господин и мои товарищи, — сказал он. — Я постараюсь сам справиться с этим чудовищем.

Дверь разлетелась в щепки. Стало видно, как на улице серебрятся покрытые инеем плиты двора да чернеют стены и коньки крыш под высоким звездным небом. Но большую часть этой мирной картины заслонила огромная горбатая туша, заполнившая собой почти весь дверной проем. Даже при тусклом свете гаснущего костра было видно, что зверь зарос длинной косматой шерстью и рыло его ошетинилось мощными клыками, похожими на изогнутые клинки. Тошнотворный кабаний запах ударил в ноздри. От его рыка и хрюканья содрогалась земля, как при землетрясении.

— Хэй-я! — закричал Бьярки и закрутил вихрем свой клинок. Ударил он, но меч отскочил с такой силой, что чуть было не остался с одной рукоятью в руке. С тех пор как меч Луви порешил крылатое чудовище, впервые он отказался повиноваться хозяину.

Пес Грам бросился вперед. Как только его челюсти сомкнулись на шее вепря, тот пронзительно завизжал, и этот визг вонзился в плоть как пила. Оба зверя выкатились во двор. Бьярки последовал за ними. Вепрь подскочил к норвежцу и зарычал. Грам всем своим весом отбросил его назад, и Бьярки смог подойти к кабану сбоку. Вепрь вертел головой, стараясь сбросить пса. Но Грам не давал ему освободиться от своей мертвой хватки.

Тяжела была эта схватка, пока воины конунга надевали кольчуги и готовились к бою. Но вдруг кабаний рык перешел в дикий вопль. Грам отскочил в сторону. Челюсти, ухо и горло пса были в крови. Оказалось, одной раны достало, чтобы покончить с этой нежитью. Земля содрогнулась от предсмертных судорог бога-вепря. Грам поднял голову и зарычал так, что эхо разлетелось по всей округе.

Бьярки не стал принимать поздравления своих товарищей.

— Лучшее, что я сделал, — не снял перед сном кольчугу, — только и сказал он. — Давайте заложим чем-нибудь дверной проем. Ночь ведь еще не кончилась.

— Ты, ты... победил чудовище, убившее столько воинов, — закричал Вёгг. — О, как бы мне хотелось стать таким же смелым, как ты!

Но воинам Хрольфа было не до восторгов. Они прислушивались к шуму, доносившемуся откуда-то из-за ограды, — там трубили рога, раздавались боевые кличи, слышался звон железа и топот ног. Во дворе строились главные силы дружины Адильса, к которым присоединилось множество горожан, заполонивших все пространство от стены до стены. Полная луна, снова покинувшая драконью пасть, вызолотила их клинки и кольчуги, превратила дыхание в золотистые клубы пара, только лица оставались в тени. Шведский конунг, должно быть, имел много соглядатаев, так что его воины, не теряя времени даром, уже окружили дом, где находились люди Хрольфа.

— Что вам надо? — крикнул Бьярки из-за двери.

— А вот что, убийца моего брата! — ответил кто-то.

Не успело сердце отмерить два удара, как все услышали треск огня. Пламя взметнулось к небу. Дом был охвачен огнем.

— Вскоре у нас не будет недостатка в тепле, — сказал Хьялти.

— Глупо будет заживо сгореть здесь, — сказал Бьярки. — Это неподобающая смерть для конунга Хрольфа и его воинов. Лучше уж пасть с оружием в руках в чистом поле.

Свиптаг вглядывался в лес копий впереди:

— Этот проем слишком узок, — наконец сказал он. — Они перережут нас как свиней, когда мы станем выходить к ним по одному или по двое.

— Эй, — ответил норвежец, — значит, придется сломать эту стену, а затем пробиваться всем вместе. Когда мы подберемся к ним поближе, пусть каждый выберет себе по одному противнику, а у остальных сердце и так уйдет в пятки. — Он настороженно покачал головой. — Слышите, как пронзительно они кричат снаружи? Может быть, они думают напугать нас? Слышал я эти крики. То же было и днем, а сейчас они увидели, что мы прикончили кабана-оборотня, посланного Адильсом, и, должно быть, сами испугались.

— Добрый совет, — сказал конунг Хрольф, — и, мне думается, он хорошо нам послужит.

Они подхватили скамью, воспользовавшись ею в качестве тарана.

Развалить бревенчатую стену оказалось детской игрой для воинов Хрольфа. Раз за разом они ударяли тараном по ней. Крыша еще не занялась, и балки еще были достаточно прочны — только пламя трещало вокруг, и в зале было полно дыма. Они с чудовишным грохотом обрушили стену и расчистили себе путь. Схватив щиты, которые во множестве хранились в покоях Адильса, они выбежали наружу и напали на шведов.

Засвистели мечи, зазвенели секиры, люди пронзительно закричали, посылая проклятия противникам под лунным небом. Сначала атаковали датчане, построившись клином, который у них назывался «свиньей». Они врзались в шеренги захваченных врасплох противников, подобно накопечнику стрелы. Затем, находясь уже в гуще шведов, перестроились в круг — нет, скорее в колесо с острым ободом, ошетилившееся клинками, которое крутилось без остановки, сметая и опрокидывая всех, кто пытался ему противостоять.

Тускло мерцающая луна поднялась еще выше. Битва разгоралась. Конунг Хрольф и его товарищи пробивались вперед. За ними оставался след из мертвых и раненых, забрызганных кровью, которая текла из жил на покрытые инеем

плиты двора. Шеренги шведских воинов изрядно поредели. Хотя датчане тоже получали удары и раны, они прекрасно знали, как защитить друг друга, несмотря на отвагу и презрение к ударам противников.

В небе послышалось хлопанье крыльев. Кречет конунга Хрольфа Хайбрикс прилетел из конюшни и уселся на плече своего хозяина. Грозной и гордой выглядела эта птица. Бьярки крикнул:

— Он ведет себя словно воин, заслуживший высокую честь.

Птица даже не вздрагивала от ударов, сыпавшихся на ее господина.

Наконец схватка завершилась. Хотя шведы значительно превосходили числом датчан, они не смогли перестроить свои боевые порядки в узком пространстве переулков за королевским двором. Более того, как Бьярки и предполагал, они были потрясены всем увиденным с самого начала. И как бы они ни строились — все равно были бы разбиты. Мало кто из них готов был пасть в бою за конунга, которого многие даже никогда не видели. Их более сообразительные вожди поняли, что датчане могут вернуться к горящему дому, схватить головни и начать жечь их собственные дома, и тогда разразится пожар, способный поглотить всю Упсалу.

Один за другим они начали просить перемирия. Хрольф и его люди, в свою очередь, потребовали указать им, где находится конунг Адильс, но никто этого не знал.

С обнаженными клинками в руках, ступая по разлитой крови, сверкавшей в ночи подобно броне, Хрольф и его воины отступили назад во двор. Они увидели множество слуг, пытавшихся сбить пламя, чтоб огонь не распространился дальше.

— Они скоро покончат с пожаром, — заметил Хрольф, — но мне кажется, что после всего, что случилось, нам все равно следует занять палаты шведского конунга.

Он привел своих воинов в залу и потребовал огня, пива и скамей для ночлега.

— А где мы сядем сейчас? — спросил Бьярки.

— На помосте вокруг трона конунга, — ответил Хрольф, — а я сам усядусь на трон.

После того как они утолили жажду пивом, Хьялти Возвышенный сказал:

— Хорошо бы, если кто-нибудь пойдет посмотреть, что случилось с нашими лошадьми и птицами после всех этих передраг.

— Сейчас, сейчас! — забормотал Вёгг и побежал выполнять поручение.

Он вернулся назад, чуть не плача, и рассказал, как скверно обошлись шведы с их лошадьми. Датчане закричали от ярости и пожелали всяческих бед Адильсу.

— Иди и посмотри теперь, что там с нашими соколами, — приказал Хрольф, пока его Хайбрикс расправлял крылья над его головой.

На этот раз Вёгг вернулся удивленный.

— В клетках не осталось в живых ни одной из ловчих птиц конунга Адильса... все разорваны в клочья... — рассказал он.

Хайбрикс многозначительно почистил клюв о перья. Воины громко закричали. Так они выразили радость своей победы.

5

На следующее утро королева Ирса, представ перед конунгом Хрольфом, приветствовала его такими мудрыми речами:

— Тебя приняли здесь, сын мой и брат, — сказала она, — отнюдь не так, как бы мне хотелось и как ты этого заслуживаешь... — Запнувшись на мгновение, она продолжала: — Но ты не должен оставаться в этом гиблом месте и дальше. Вне всякого сомнения, Адильс собирает войско, чтобы расправиться с тобой.

— На это ему потребуется время, мать, — ответил Хрольф. — Мы не должны бежать как грабители. Помоги мне собрать все то, что принадлежит мне по праву, а мои люди тем временем пусть отдыхают и пируют.

Ее губы задрожали:

— Мне бы не хотелось противоречить тебе, сын мой, но я не могу согласиться с тобой, и вовсе не потому, что это может быть наша последняя встреча.

Повернувшись, она быстро покинула залу.

— Господин, — начал Свипдаг тихо, — самое малое, что мы можем сделать, — это обеспечить ее охрану.

— У королевы есть свои воины, — сказал Хрольф.

— Этим мы никак не заденем ее честь, ведь она тоже помогала нам.

Хрольф посмотрел с грустью в единственный глаз Свипдага перед тем как кивнуть:

— Поступай, как считаешь нужным.

Швед вскинул свою секиру на плечо и последовал за Ирсой. Она остановилась около груды золы и углей, в которую превратился дом для гостей, и погрузилась в свои невеселые думы. Позади нее сновали работники и слуги. Дюжина воинов ожидала ее в нескольких шагах в стороне. Они радостно приветствовали Свипдага, и тот решил, что их не было среди его противников вчера вечером. Это утро было светлым и праздничным. Звуки шагов, обрывки фраз, фырканье и цоканье копыт, сорочий грай — все звуки были ясны, как солнечный свет.

Свипдаг остановился за спиной Ирсы и прочистил горло. Она повернулась к нему, как только сумела овладеть собой, и сказала:

— Приветствую тебя!

— Мне кажется, мы могли бы немного поговорить, моя госпожа, — ответил воин.

— Как в старые времена? Нельзя воротить ни прошедшие года, ни умерших людей. Но, конечно, я рада тебе. Давай пройдемся вдоль реки.

Воины отошли подальше от них. Ирса и Свипдаг молчали, пока шли по суетливым шумным улицам Упсалы. За воротами Ирса направилась на юг вдоль берега реки. Хотя тропинка подмерзла, лед на реке уже тронулся, и коричневый поток уносил прочь огромные серые льдины. Долина Фюрис была пустынна, если не считать пары хуторов, трубы которых словно подпирали черными столбами дыма морозную пустоту небес. Правый отвесный берег зарос кустарником, а поверху возвышался лес, ошестинившийся голыми ветвями деревьев.

— Моя госпожа... — наконец заговорил Свипдаг, проглотив ком в горле. — Моя госпожа, нам следовало бы забрать вас отсюда домой... Ведь так?

Она смотрела в сторону. Он едва расслышал ее сдвленное «нет».

— Но ведь это безумие! Адильс...

— Я не испытываю страха перед тем, что он может причинить мне. — Ирса выдержала пристальный взгляд старого

воина и взяла его за руку. — А вот Хрольф... Свипдаг, ты должен как можно быстрее убедить Хрольфа в том, что вам нельзя здесь долго оставаться. Адильс может поднять против вас весь Свитьод. Он прибегнет к самому страшному колдовству, чтобы победить вас. Вы не можете даже представить, как он богат и как сильна его ненависть!

Свипдаг настолько крепко сжал обух своей секиры, что суставы его пальцев побелели.

— Могу ли я... Может ли твой сын бросить тебя одну, когда над тобой нависла опасность?

— У меня есть свои воины. — Она кивнула головой в сторону города. — Не только те, которых ты видел. Гораздо больше. Хотя они открыто не клялись мне в верности, но они у меня в долгу и помнят об этом. Семье одного из них я помогла в голодную зиму, других я по справедливости рассудила или даровала свободу рабу, когда увидела, как его глаза следят за парящим в небе орлом, — да ты и сам знаешь, что может сделать знатный человек. — В ее голосе сквозила непокорность, хорошо знакомая Свипдагу по речам ее сына и брата. — Богатые и сильные бонды всегда рьяно заботятся о себе. А им хорошо известно, сколь безжалостен и жаден их конунг. Я стараюсь сдерживать его. И он знает, что всем это известно, поэтому он не осмеливается тронуть меня. Более того, он постоянно живет в страхе, что меня может одолеть какой-нибудь недуг, и все решат, что он вызван его колдовскими чарами. И тогда его дни будут сочтены! — Ее смех был резок и пронзителен. — Неужели ты думаешь, Свипдаг, что дочь и жена конунга Хельги Скьёльдунга не знает, как о себе позаботиться?

Дальше они шли опять молча, пока Свипдаг не заговорил:

— Пусть так, но здесь тебя ничто не держит. А в Дании тебе была бы оказана высокая честь... и ты была бы окружена всеобщей любовью.

Она сжала его пальцы:

— Я знаю, мой дорогой, старый друг! Я это очень хорошо знаю. Но у меня есть свои обязанности. Я связана со многими клятвами до конца дней — разве теперь я могу бросить их? А что касается войны против вас, которая, несомненно, вскоре начнется, то наступит такой момент, когда я больше не смогу давать вам советы и удерживать ваших врагов. — Она указала в сторону. — Что до моего Хельги, — он и его

воины полегли, даже не успев спешиться, в нескольких десятках шагов дальше по реке. Без меня кто станет совершать жертвенные обряды над ними и заботиться об их могилах? — Ее била дрожь. — Кто удержит Адильса от того, чтобы вырыть их черепа и сделать из них чаши для вина, а лопатки покрыть колдовскими рунами?

Свиптаг сжал ее локоть.

— Говорят, — продолжила она вскоре, — однажды, когда этими землями правил Домальд сын Висбура, урожаи были слишком скудными. Чтобы вновь заслужить милость богов, шведы принесли им в жертву много быков. Но на другой год стало еще хуже. Тогда они принесли в жертву людей: но голод продолжался. На третий год они убили самого конунга Домальда и окропили алтарь и своих идолов его кровью. За этим последовали добрые времена в мире и достатке.

— Понимаю. Ты — воистину королева, Ирса.

— А ты — побратим моего брата, Свиптаг.

Они дошли до того места, где был захоронен Хельга, задержались там на миг и повернули обратно.

В этот и следующие два вечера Ирса делила трон с Хрольфом. Хотя она редко улыбалась, но никто не видел, чтоб лицо ее выражало скорбь. Воины были счастливы. Все чаще они называли своего конунга «Жердинкой». Вёгг был слегка смущен этим и носился стремглав, выполняя все их поручения. Поскольку жизнь юноши подвергалась серьезной опасности, а сердце рвалось в путь, Ирса убедила сына взять мальчишку с собой.

В течение этих дней она готовила себя к тому, что вскоре Хрольф должен будет уехать домой. Она старалась проводить как можно больше времени с ним, слушая его рассказы о том, что произошло с тех пор, когда он был мальчиком со взъерошенными волосами, которые она так любила целовать, желая ему спокойной ночи.

В то утро, когда был назначен отъезд, много народа собралось со всей округи. Люди заплотнились улицы Упсалы, гудя как пчелы в ожидании отбытия датчан. За частоколом королевской усадьбы воины и многочисленная челядь стояли сплошной стеной. Погода была ясная и холодная, хотя ветер принес первое смутное дыхание весны.

Конунг Хрольф и его люди собрались в середине двора, одетые в самые лучшие свои одежды и кольчуги, пестрота красок их облачений и блеск оружия распространяли сияние

вокруг. Все это были подарки Ирсы, желавшей возместить им то, что уничтожил пожар. Стараясь оказать честь Хрольфу, она хотела, чтобы все видели, что датчане увозят с собой. Во главе отряда ехала повозка, запряженная восемью лошадьми, которыми правил Вёгг. В повозку были сложены многочисленные сокровища: золото, серебро, драгоценные камни, янтарь, слоновая кость, меха, ткани, кубки, оружие, медные монеты и заморские товары. Дух захватывало при виде этого великолепия.

Следом конюхи вели под уздцы двенадцать высоких рыжих скакунов из Южных стран, в сбруе, под седлами и кольчужными накидками, а за ними еще одного — белого как снег, предназначенного для конунга Хрольфа.

Затем ехала королева, богато одетая, в сопровождении своих воинов. В каждой руке она держала по серебряному рогу, в два локтя длиной, богато украшенных фигурками богов, зверей и героев. Она остановилась перед сыном и крикнула ему против ветра:

— Владей тем, что тебе принадлежит.

Как слышали многие свидетели, и никто не мог оспаривать эти слова после, он спросил ее:

— Отдаешь ли ты мне только то, чем я и мой отец имели право владеть?

— Это более того, что ты требовал, — ответила она гордо, — ибо ты и твои воины заслужили эту великую честь. — Она подняла один из рогов. — Это я даю тебе сверх прочего. Здесь лучшие кольца и запястья конунга Адильса, среди них есть одно, что зовется Вепрь Швеции и считается прекраснейшим в мире.

Она вынула его. Запястье засверкало под возбужденное бормотание и крики толпы. Это была не обычная вещь — широкий и тяжелый браслет, усыпанный самоцветами и увенчанный фигуркой вепря, что был скакуном Фрейра.

— Я очень благодарен тебе, моя госпожа мать! — сказал Хрольф.

Конунг передал рог Бейгаду. Бьярки восторженно кивнул. Мудрым показалось ему, что такая высокая честь оказана тому, кто получил увечье на королевской службе.

— Теперь вы, насколько это возможно, готовы в путь, и никто не сможет вас одолеть, — сказала им Ирса, — хоть и многие будут пытаться.

Она никак не могла удержаться от бесполезных предубеждений. Ранее королева настаивала, чтобы Хрольф взял с собой несколько ее воинов. Но конунг чувствовал, что ей они нужнее. Кроме того, те, кто покинул свои семьи, вряд ли будут хорошо сражаться.

— О, пусть удача всегда будет с тобой, — прошептала она, — а я буду приносить жертвы в капище и на могиле твоего отца...

Он взглянул сверху вниз ей в лицо, в котором было так много его черт, положил руку на ее узкие плечи и сказал:

— Лучшего ты не можешь нам пожелать, сестра моя. Все это богатство не идет ни в какое сравнение с любовью, которую мы нашли здесь, мать моя.

Его кричит простер крылья над ней, а пес конунга лизнул ее пальцы.

— То, что ты навелstil меня, превыше любых даров, какие я только могу тебе дать.

— Люди стремятся к тому, чтобы память о них не умерла вместе с ними. Тебя же всегда будут помнить в Дании, Ирса.

— Только потому, что люди не забудут тебя и Хельги.

— Нет, из-за тебя самой.

Когда их голоса заглушил шум толпы, они замолчали. Ирсу окружили воины Хрольфа. Она взяла его за руку, прощаясь с ним так же, как и с другими его соратниками. Затем, поспешно обняв Хрольфа, отошла в сторону, пока тот садился в седло. Он вынул свой меч и поцеловал клинок, глядя на нее. Она махала им вслед до тех пор, пока конунг со своей дружиной не выехали за ворота.

Когда датчане уехали, она сказала вождю своих воинов:

— Теперь следует подумать, как сохранить мир в нашей державе. Прежде всего, я желаю видеть главного управляющего, чтоб поговорить с ним о том, как обстоят дела в нашем королевстве.

Датчане возвращались из Упсалы гораздо медленней, чем добирались туда, так как повозка с сокровищами не могла двигаться быстро. Всадники часто поднимали своих новых норовистых коней на дыбы, гарцуя в седлах. Хьялти окликал всех девушек, встречавшихся им по дороге. Несомненно, местные жители были рады поскорее избавиться от этих опасных гостей, хотя везде, где ни толпился народ — будь то на дорогах, у окон домов или на городских стенах, — им вслед не было сказано ни одного враждебного слова. Еще

долго старики рассказывали внукам о том, что они видели Хрольфа и его дружину, когда сами были малышами.

Мост гремел под копытами коней и скрипел под колесами повозки. Конунг Хрольф, переехав реку, повел своих воинов прямо на юг по долине Фюрис. Не так-то легко было доставить домой огромный груз захваченной добычи. Он надеялся ехать через поля, где земля еще не оттаяла, хотя снег лежал только небольшими кучами среди луж, и чем дальше они уезжали на юг, тем его становилось все меньше.

Упсала пропала из виду; последним напоминанием о ней стало карканье воронов над священной рощей. День перевалил за полдень. Поехали быстрее, чаще замелькали деревянные вежи, расставленные вдоль межи. Здесь не встречалось почти никаких хуторов, сплошь летние пастбища для коров и свиней. Ветер усилился, заставляя Хрольфа смотреть сквозь смеженные веки; плащ конунга развевался как пламя, а кречет на плече вытянулся вперед, глубоко вонзив когти в кольца кольчуги. Этот ветер, пропитанный сыростью, был уже не столь холодным, как зимой. Он гнал огромные белые облака, и их тени ползли по земле.

Конунг скакал в отличном настроении. Вдруг облако открыло солнце, и сноп яркого света упал впереди них на дорогу, изрытую колеями. Там лежало тяжелое золотое запястье. Воины, увидав его, закричали. Как только конь конунга проскакал мимо, оно загудело, как колокол.

Хрольф дернул поводья.

— Оно так шумит, — сказал он, — наверное, потому, что не желает лежать здесь в одиночестве. — Сняв запястье со своей руки, он кинул его рядом с тем, что гудело на земле. — Я оставлю его здесь, — сказал он своим воинам, — не стоит подбирать золото, даже если оно валяется на дороге. И пусть никто из вас не осмелится поступить по-иному, ибо оно брошено здесь не случайно, а для того, чтобы помешать нашему походу.

— С чистой совестью мы обещаем это, мой господин, — воскликнул Свипдаг. — Похоже, рука Адильса дотянулась и сюда.

Отряд приветствовал его слова громкими криками. Всёг на козлах повозки с трудом пытался унять дрожь. Воины строго смотрели на него. В тишине они услышали низкое гудение зарождающегося ветра. Бьярки поднял руку.

— Тихо! — сказал он. — Эй, други! Рука Адильса может дотянуться и до нас.

— Трогай! — приказал Хрольф. — Хлещи коней, Вёгг.

Телега с трудом сдвинулась с громким скрипом и треском.

Вскоре датчане увидели группу всадников, преследующую их. Сначала это было всего лишь темное пятно на гребне холма, но вскоре можно было различить штандарты и блеск оружия, слышались трубные звуки рогов, грохот копыт и гневные выкрики.

— Все они верхом, — сказал Свипдаг. — Так вот как Адильс сумел привести их сюда так быстро.

— Две или три сотни, я полагаю, — добавил Хьялти. — Похоже, нас ожидает хлопотный денек.

Бьярки погладил свою рыжую бороду.

— Действительно, они живо собрались после нашего отъезда, — сказал он веско. — Сдается мне, они сегодня дождутся беды на свою голову.

— Давайте не будем сетовать по этому поводу, — сказал конунг Хрольф. — Возможно, они помешают себе сами.

Он взял у Бейгада рог, который Ирса дала ему, и, криком «Хо-хэй!» подбодрив своего белого коня, проскакал галопом милю вправо, а затем милю влево, на скаку запуская руку в рог и выхватывая полные пригоршни золота. Далеко вокруг он разбрасывал золотые кольца и запястья, словно хотел засыпать ими всю долину Фюрис.

— Нам следует быть не менее щедрыми, чем наш господин, — воскликнул Бьярки, — ведь часть этих сокровищ — наша!

Он подъехал к повозке, сгреб пару изрядных пригоршней драгоценностей и швырнул их на дорогу, так же как конунг. Другие воины последовали их примеру. Золото и серебро сверкало в воздухе, как падающие звезды, пока вся дорога не заискрилась в солнечных лучах.

Преследователи засуетились, увидев перед собой богатство, сверкавшее всеми цветами радуги в дорожной грязи. Большинство из них спешилось и бросилось вперед, стараясь показать свою ловкость и захватить больше других. Оглянувшись назад, Хрольф и его воины увидели, что среди шведов вспыхнула драка из-за сокровищ. Датчане громко захохотали.

Конунг Адильс попал впросак со своими новобранцами. Несмотря на дородность, он был большим любителем лошадей и умел прекрасно держаться в седле, хотя его изрядный вес не способствовал скорости бега любого из его скакунов. Лицо Адильса покраснелось, как петушинный гребень, борода спадала локонами на огромный живот.

— Что это такое?! — кричал он сквозь беспорядочную суету, царившую вокруг. — И вы смеете называть себя мужчинами! Вы, подбирающие остатки и позволяющие главному уплыть из ваших рук! — Он принялся бить воинов вокруг себя древком копья.

— Слушайте, вы, болваны! Остановитесь же и слушайте своего конунга! Этот позор, несомненно, наделает много шума во всех уголках мира, ведь вы позволяете всего двенадцати воинам увезти от вас добычу, которую даже трудно подсчитать. А эти двенадцать к тому же поубивали ваших родственников!

Постепенно ему и еще нескольким воинам, обладавшим холодным рассудком, удалось привести многих в чувство, хотя оставшиеся продолжали драться и ругаться еще больше. Наконец половина толпы поостыла. Остальные продолжали яростно браниться из-за своей добычи. Некоторые даже были убиты в свалке. Вражда с этих дней будет терзать людей Адильса долгие годы.

Тем временем солнце начало садиться, тени удлиннились, грачи заспешили обратно к своим гнездам сквозь холодные порывы ветра в зеленоватых небесах. Неподалеку виднелась стена, сложенная из сосновых бревен. За ней начинались предгорья, в которых было легко скрыться от преследователей.

— Эй вы, пожиратели отбросов, скачите скорей туда! — приказал Адильс.

Сам он сидел в седле так, как будто пытался опередить свою собственную лошадь, которую он безжалостно сек и прищпоривал. Копыта стучали, металл звенел, шлемы и наконечники копий сверкали в сумерках.

— Гони! Гони! Если бы я взял с собой свою волшебную метлу! Если бы я успел призвать на помощь моих троллей...

Хрольф смотрел то вперед, то назад.

— Мы подвергаем себя опасности из-за того, что слишком медленно едем, — сказал он. — Наше богатство не имеет значения. Само по себе оно нам не так уж и нужно.

Достаточно того, что мы сумели его получить. Опустошайте повозку.

Снова долина Фюрис засверкала от рассыпанного золота. Бьярки отрубил подпругу пристяжной лошади, чтобы Вёгг мог скакать на ней верхом.

Стоило только шведам увидеть, какое богатство лежит кругом, неодолимая жадность овладела ими. Они так рьяно нажились на золотые запястья, монеты и драгоценные камни, как если бы те были женщинами. Адильс и несколько верных ему воинов даже не стали останавливаться, чтобы осыпать остальных упреками. Вместо этого они продолжали погоню, все еще превосходя датчан численностью в три или даже в четыре раза.

Конунг Хрольф уже почти добрался до дна серебряного рога. Через сто лет после своего отчима сумев завладеть знаменитым запястьем, именуемым Вепрь Швеции, он все-таки швырнул его на дорогу. Золото, отражая лучи, засверкало подобно второму солнцу.

Адильс так резко осадил своего коня, что тот жалобно заржал и кровь хлынула изо рта у бедного животного. Пускай Хрольф имел больше прав на это запястье, чем конунг шведов, но все-таки оно было величайшей драгоценностью во всей Свитьод.

Преследователи понеслись галопом на датчан. Меч Скофунг взмыл ввысь.

— Вперед, на врага! — крикнул Хрольф и вместе со своими двенадцатью героями бросился навстречу шведам.

Датчане не пожелали спешиться, хотя их кони не были как следует обучены, но из Лейдры пожаловали такие воины, которые не только поклялись, что им не будет равных в ратном деле, но к тому же постоянно подтверждали эту клятву новыми подвигами. Таким образом они теснили врагов своими конями, а сами сражались с оружием в руках, при этом не теряя поводий и стремян.

Мечи звенели. Секиры крушили. Копья вонзались глубоко. Кречеты падали вниз, вырывая у шведов глаза. Грозный пес Грам распутивал шведских коней. Ни один из тех, кто верой и правдой служил конунгу Адильсу, не вернулся домой живым. Сам он не осмелился спешиться, и, пока конь под ним метался, испуганный этой невероятной свалкой и шумом, он упорно старался подцепить острием своего копья драгоценное запястье. Снова и снова подхватывал он Вепря

Швеции, но каждый раз тот соскальзывал с острия. Хлестнув коня, чтобы тот стоял смирно, Адильс низко перегнулся с седла и протянул обе руки, пытаясь наконец схватить драгоценную вещь.

Хрольф убил какого-то воина, напавшего на безоружного Вёгга. Оглядевшись, он увидел своего врага и рассмеялся:

— И этот-то, который сейчас роется в грязи как свинья, и есть властелин Швеции!

Он пробился вперед на жеребце, которого подарила ему королева Ирса. Адильсу почти удалось подцепить драгоценное запястье своим копьём. В этот момент Хрольф оказался рядом. Вверх, вниз взлетал меч Скофнунг, завывая, как ветер, и падая с глухим свистом, как большой нож мясника. Адильс едва успел выпрямиться, как меч рассек ему ягодицы до кости. Кровь брызнула струей.

— Прими покамест этот позор, — крикнул конунг датчан, — и помни того, кому ты только что кланялся.

Адильс выпал из седла. Хрольф пронёсся мимо. Перейдя на средний галоп — обе ноги в стремянах, — он легко подхватил запястье, показывая, что вернул назад свое наследство и отомстил за конунга Хельги лучше, чем если бы просто прикончил его убийцу.

Все, кто боролись из-за рассыпанной добычи, видели, что произошло. В ужасе некоторые вскочили на коней и поскакали, чтобы помочь Адильсу, который лишился сознания из-за потери крови. Они побоялись сделать еще что-нибудь, кроме как перевязать его раны и унести прочь с поля битвы. Не преследуемые никем, Хрольф и его воины поскакали своей дорогой.

С тех пор скалды часто именуют золото «зерном Жердинки» или «посевом Фюрис». Хотя богатство и было брошено, однако воины с честью вернулись домой. А это никогда не будет забыто.

6

Конунг Хрольф и его двенадцать воинов въехали в лес. Вокруг стояли огромные сосны с толстыми стволами; солнечные лучи едва пробивались сквозь их высокие кроны, почти не рассеивая сумрак, царивший внизу. Воздух был слишком холодным, чтоб впитать сладковатый хвойный запах. Тропу, свободную от снега и валежника, покрывал

густой мох, поэтому кони мчались в зловещей тишине. Они были сильно утомлены и постоянно спотыкались. Да и сами всадники тоже чувствовали усталость.

Вскоре дорога привела их к давешней лесной полянке. Они вновь с трудом могли разглядеть в лесном сумраке очертания дома, и было неясно, велик он или мал.

Тот же высокий старик стоял снаружи, опершись на копье, закутавшись в голубой плащ и надвинув на глаза широкополую шапку.

Конунг приветствовал его:

— Вечер добрый, Храни!

— Добрый вечер, конунг Хрольф Жердинка, — ответил хуторянин.

— Откуда он прознал об этом прозвище? — зашептал Вёгг. — К тому же я часто проезжал по этой тропе... и никаких хуторов здесь никогда не было.

— Замолчи, — заворчал на него Хвитсерк Швед. — Мы уже встречали этого старика; кто бы он ни был на самом деле.

— Добро пожаловать под мой кров, — пригласил их Храни.

— Что ж, благодарю тебя, — ответил Хрольф.

— Думаю, ваш поход был таким, как я предсказывал.

— Верно, ты не был ослеплен дымом, когда вглядывался в будущее.

Разместив лошадей в стойлах, хозяин повел воинов в ту памятную длинную залу, вновь освещенную яркими огнями. Опять они, словно во сне, вели долгие беседы, и опять гости чувствовали нечто ужасное в воздухе этого дома.

Хьялти прошептал об этом Бьярки. Норвежец кивнул.

— Да, и я тоже, — прошептал он на ухо своему другу, — но после того, что мы видели в доме Адильса, нам следует быть поосторожней с тем, что исходит из потустороннего мира.

Хрольф тоже всячески старался выказать свое расположение старику. Тот, сжав его локоть сухой костистой рукой, подвел конунга к столу, где были разложены меч, щит и шлем. Они были вычернены и выкованы каким-то диковинным образом.

— Это оружие, господин, я отдаю тебе, — воскликнул старик.

Хрольф насунил:

— Твое оружие слишком уродливо с виду, — ответил он.

Храни отпустил его руку. Кроваво-красный отблеск огня на мгновение отразился в единственном зрачке под полями глубоко надвинутой шапки. В недрах его длинной серой бороды губы растянулись в жесткой усмешке.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил он.

— Мне бы не хотелось отвечать грубостью на гостеприимство хозяина... — начал конунг.

— Но ты считаешь, что мой дар не достоин тебя?

Хрольф пристально посмотрел в лицо Храни, наполовину скрытое тенью шапки, и сдержанно ответил:

— Мы только что были в логове колдунов и всяческой нежити. Возможно, там были произнесены заклятия, что могут принести нам несчастье, или наши враги раскинули хитрые ловушки, чтоб мы сгинули в этих гнилых сумерках. Меч Турфинг странствует по миру, и каждый его владелец всегда побеждает, но и сам он при этом становится вершителем зла и в конце концов гибнет от своего же клинка.

— Значит, ты считаешь, что оружие, которое я выковал, тоже несет проклятие?

— Нет, конечно, нет, но все равно я не могу взять его.

Холод, подобный дыханию ледяной пустыни, сквозил в словах Храни:

— Велико мое огорчение от того, что ты отвергаешь мои дары. Но я предвижу, что теперь с тобой случится столько же бед, сколь сильно ты унизил меня своим отказом.

— Я не хотел ничего подобного, друг! — сказал Хрольф, пытаясь улыбнуться.

— Не зови меня больше своим другом, — отрезал старик. — Ты не так мудр, как тебе кажется, конунг Хрольф. — Его свирепый взгляд пронял каждого из воинов до мозга костей. — И ни один из вас не столь удачлив, как вы думаете.

— Кажется, нам лучше уехать, — сказал Хрольф с расстановкой.

— Что ж, я не держу вас, — ответил Храни.

Больше старик не сказал ни слова. Он вывел их лошадей из конюшни, оседлал и взнуздал, а потом отошел в сторону и, опершись о копьё, мрачно смотрел исподлобья на то, как они собираются в сумраке. Дружинникам показалось, что ничего плохого не случится, если они не простятся с хуторянином. Они вскочили в седла и поскакали, стараясь успеть отъехать как можно дальше от этого жуткого места, пока ночь не настигнет их.

Не успели они одолеть и мили, как густой туман окутал их по самые шлемы, и Бьярки остановил коня. Остальные поступили так же.

Плохо различимый в этой вечерней хмари, норвежец сказал, повернувшись к соратникам:

— Как поздно понимаешь свою глупость. Я часто ругаю себя за это. И теперь мне кажется, что мы поступили не очень разумно, сказав «нет», там где следовало сказать «да». Возможно, мы вместе с этим оружием отвергли и все будущие победы.

— Я начинаю верить в нечто подобное, — согласился конунг Хрольф. — Похоже, это был старый Один. Только сейчас я сообразил, что этот хуторянин был одноглазым.

Единственный глаз Свипдага гневно сверкнул:

— Давайте скорее вернемся, — сказал он, — и выясним это.

Они пустили коней рысью под копьевидными вершинами сосен и первыми тусклыми звездами. Если не обращать внимания на гулкий стук копыт, смутный скрип кожи, бряцание металла и хныканье, которое Вёгг не мог сдержать, можно сказать, что они ехали в полной тишине. Хотя все вокруг тонуло в темени, они сумели узнать ту полянку, когда въехали на нее. Однако хутор исчез.

Конунг Хрольф вздохнул.

— Нет смысла разыскивать его теперь, — сказал он, — ибо дух его ныне гневен.

Воины повернули назад и вскоре нашли поляну, где можно было разбить лагерь. Никто не хотел ни есть, ни пить, а чтобы собирать хворост для костра, было слишком темно. Они почти не спали этой ночью.

Утром Хрольф и его люди отправились дальше.

Ничего не известно о том, как они добрались до пределов Дании. Но, вне всякого сомнения, им не потребовалось много времени, чтобы воспрянуть духом. Все они были отважными воинами, возвращающимися домой после великих подвигов. А что касается будущего, то они никогда не надеялись обмануть судьбу, ведь как говорится, чему быть, того не миновать.

Тем временем начиналась весна, принесшая с собой цветы и первые листочки, пение птиц и светлые взгляды девушек, что бросали они на проезжавших мимо воинов.

Уже в Лейдре конунг Хрольф и воевода Бьярки долго говорили с глазу на глаз. Именно Будвар-Бьярки и дал совет своему повелителю, чтобы отныне датчане избегали сражений. Оба понимали, что никто не станет нападать на них, пока Дания сама находится в мире с другими странами. Однако норвежец опасался, что конунг Хрольф не будет больше одерживать побед, и войны, в конечном счете, погубят его, поскольку Одина называли Отцом Побед.

— Не стоит больше обсуждать это, — сказал Хрольф, — ибо жизнь каждого человека зависит от его собственной судьбы.

— Тебе бы ничего не угрожало, если бы все зависело только от нас, — сказал Бьярки, — хотя у меня тяжелые предчувствия о том, что нас всех ожидает.

На этом они закончили разговор, но еще долго пребывали в задумчивости.

Их имена по-прежнему славились повсюду. Они сильно унизили убийцу конунга Хельги. Демон, которому тот служил, сгинул, а лучшие воины пали. Сокровища, которыми он владел, были навсегда утрачены, поскольку теперь их развезли по всей долине Фюрис в сотнях седельных мешков. Опозоренный и увечный, более одинокий, чем моряк, потерпевший кораблекрушение, ночью в своем пустом доме конунг Адильс оплакивал свое бесчестье.

СКАЗАНИЕ О СКУЛЬД

1

Вот уже целых семь лет конунг Хрольф не водил свою дружину в дальние походы за пределы Дании, но и враги не тревожили границ его державы.

Правда, это не означало, что везде было спокойно.

По возвращении домой Бьярки был радостно встречен своей женой Дрифой, показавшей ему маленького сына, и бондами, проживавшими не только в его владениях, но и далеко за их пределами. Всем им было хорошо известно, что Бьярки — правая рука конунга Хрольфа — всегда сможет защитить их от разбойников и иноземных захватчиков. Что же касается тех дружинников, что были отосланы назад, то, конечно, они не были столь же счастливы, ибо чувствовали, что их честь пострадала. Хрольф сумел найти верные слова, чтоб облегчить их обиду, — дескать, власть темных сил по-прежнему сильна, и не стоит думать, что мужество воина меньше, если норны не вырезали на его колыбели рун, сулящих ему судьбу героя. Затем он преподнес им богатые подарки: золото и оружие, чтобы вся страна знала, как высоко он их ценит. В то же время грубоватые, но добродушные шутки Бьярки помогли им начать улыбаться снова.

Только двенадцать из них никак не могли успокоиться. Это были берсерки. Тугодумы от природы, они так и не поняли, что нет на свете человека, которому по плечу было бы любое дело. К тому же они отличались непокорным нравом. Их жизнь состояла из драк, обжорства, распутства и пьянства. Хрольф Жердинка больше не посылал берсерков сражаться, а мирная жизнь была им не по нутру.

Однажды вечером на исходе лета Агнар, их предводитель, повздорил с Бьярки прямо в королевских палатах Лейд-ры. Хрольф, желая прекратить ссору, выбрал бйрсерка перед всеми присутствующими. Агнар удалился в задумчивости. Через некоторое время он неуклюже вошел в залу и, приблизившись к конунгу, проворчал, что за бесчестие, которое ему пришлось претерпеть, он не желает иного возмещения, кроме Скур, дочери Хрольфа, которая должна выйти за него замуж с приданым, приличествующим ее положению.

Девушка в ужасе побегала к своей сестре Дриффе, которая успокоила ее и обратилась за помощью к мужу. Бьярки направился к конунгу. Хрольф мучительно колебался, стараясь найти выход из положения, чтобы, с одной стороны, сохранить мир и не нарушить обещаний, данных воинам, а с другой — избежать того, чтобы этот неотесанный урод стал членом его семьи.

— Господин, — сказал норвежец, — ты справедливо запретил драки во время наших пиров в палатах. Но ведь ничего не было сказано о хольмганге. Уж лучше мне погибнуть, чем заполучить этого кобыльего сына в зятя. Несомненно, он сам вынуждает меня поступить так.

Берсерк взревел. Хрольф попытался предотвратить столкновение, боясь потерять воеводу своей дружины, но ничего уже нельзя было сделать. В конце концов Агнар и Бьярки приплыли на небольшой остров и, согласно обычаю, воткнули в землю деревянные вешки, обозначив рубежи, где им предстояло сражаться. Берсерк, получивший вызов, должен был нанести первый удар. Его меч, прозванный Хукинг, обрушился на шлем противника и разрубил заклепки. Послышался лязг металла. Клинок застрял в железе, едва задев голову Бьярки, и кровь хлынула из-под пластины, прикрывавшей переносицу. Прежде чем берсерк успел вытащить свой меч, норвежец резко занес волшебный клинок, взявши рукоять его обеими руками и поставив ногу на кочку, чтоб придать удару большую силу — и меч Луви поверг врага наземь.

Много позже Будвар-Бьярки сложил такие висы:

*Истинно дик был кабан, коего я одолел.
Насмерть его поразил длинный мой Луви — клинок.
Слава — теперь мой удел, ибо я наземь поверг
сына Ингьяльда. Вовек нашим почет именам!*

*Поднял он Хукинг — свой меч — и опустил на мой шлем: .
вражий не ранил клинок — туп был у Агнара клык.
Если б не хрупкая сталь — был бы смертелен удар!
Мой же неистовый меч перерубил его стан:
правую руку отсек, вышел под левым бедром,
вырвал он сердце врага с корнем из гордой груди.
Истинно славная смерть! Истинно, Агнар-берсерк
отбыл в неведомый дом павших героев навек.
Долго отвага жила в этой разверстой груди, —
долго был яростный смех слышен в сгущавшейся тьме.
Он, умирая, страдал телом и храброй душой,
ибо меня не сумел в честном бою одолеть,
но и сраженный он смог смерти смеяться в лицо.*

Бьярки сделал все, чтобы у Агнара были достойные похороны. Но это не ослабило гнев остальных берсерков. Они подстерегли норвежца, когда он возвращался домой. Хьялти и Свипдаг были свидетелями короткой схватки, в которой еще два берсерка пали замертво, а все остальные были ранены.

За это коварное нападение конунг Хрольф объявил их вне закона. Берсерки ушли, выкрикивая проклятия и обещая отомстить. Но в отличие от тех, что были изгнаны из Упсалы, им, казалось, негде искать поддержки, настолько крепок был мир дома и велик благоговейный страх перед Хрольфом за пределами Дании. Все были согласны, что не только королевскому двору, но и всей стране будет лучше без них.

Скур позже стала женой Свипдага. Говорили, что она была вполне счастлива, несмотря на суровый нрав мужа.

На следующий год пришли хорошие вести. Конунг Адильс умер. Он, как обычно, руководил весенними жертвоприношениями женским божествам, и, когда объезжал кровавые капища, лошадь под ним споткнулась. Поскольку теперь Адильс не мог уверенно держаться в седле, он упал и ударился головой о камень, да так, что череп лопнул и мозги брызнули наружу. Нельзя сказать, что неведомые боги, которым он служил, оказались слишком добры к Инглингам.

Шведы насыпали курган над могилой Адильса и провозгласили своим конунгом Эйстейна, его сына от наложницы. Новый конунг, да и весь народ, продолжали чтить королеву Ирсу — разве не она была матерью и сестрой великого властителя Дании? Она продолжала участвовать в управлении страной, и у нее оставалась своя сильная дружина. Ирса

очень хотела посетить своего сына, но годы брали свое. Он, со своей стороны, считал неразумным навязывать свое общество новому господину Свитьод, ибо в таком посещении было бы больше превосходства, чем дружелюбия. Итак, Хрольф и Ирса постоянно откладывали свою встречу.

Единственное, что омрачало жизнь конунга Хрольфа: он перестал участвовать в жертвоприношениях.

— Один стал нашим врагом, — говаривал он. — Я никогда не любил вешать или топить беспомощных людей и всегда приносил в жертву богам только животных. А что до Адильса, то мне кажется, что убийства, которые он совершил, принесли ему немного пользы.

Поначалу, когда Хрольф перестал даже подходить к капищам, датчане начали было опасаться, что наступит голод или иное несчастье. Не однажды ему пришлось успокаивать народ на тингах в разных концах Дании. Но один добрый год следовал за другим; торговые связи крепили и множились; мир казался нерушимым.

Каждый мог делать то, что считал нужным. Кроме даров предкам и домовым, что хранили домашние очаги, Хрольф и его воины не приносили жертв Высшим Силам, полагаясь только на себя. Однако не все подданные были согласны со своим конунгом, а в особенности Хьёрвард из Оденсе, муж Хрольфовой сестры Скульд, прозванной Дитя Эльфов.

Годы, следовавшие за свадьбой, Хьёрвард и Скульд прожили, ничем не выделяясь среди других подданных Хрольфа. После того как Бьярки убил дракона, пожиравшего домашний скот, Хьёрвард стал особенно ревностно демонстрировать готовность служить своему повелителю. Несколько лет подряд он участвовал во всех походах в Ютландию и никогда не забывал вовремя прислать воинов, так же как и заплатить подать золотом и товаром. Совсем не так он заботился о своих владениях на севере острова Фюн. Будучи немного лентяем, он довольствовался тем, что имел, и мог бы закончить свои дни счастливо, если бы не Скульд, которая желала большего.

В конце концов лысеющий толстяк оказался под каблуком у своей черноволосой и стройной супруги, чьи глаза были похожи на изменчивые зеленоватые озера на заснеженной равнине. Из-за нее приговоры, которые он выносил своим подданным, отличались жестокостью. Вскоре бонды поняли, что им так же бессмысленно протестовать, как

рабам, которыми владела Скульд. С теми, кто досаждал ей или ее мужу, как правило, приключалась какая-нибудь беда: болезнь, падеж скота, потрава урожая, пожары или что похуже. Она не скрывала своих занятий колдовством, хотя никто не осмеливался следить за ней, когда она в одиночестве уходила в леса или возвращалась с вересковых пустошей. Некоторые шептались, что видели по ночам, как их королева пронесится галопом верхом на огромном коне, скакавшем быстрее всякого живого зверя, в сопровождении сонма теней и уродливых тварей.

Однако и она, и Хьёрвард пребывали, видно, под покровительством богов, поскольку те всегда были щедры к ним. В положенное время супруги приносили в жертву каждому из двенадцати асов именно то, что требовалось: козлов — Тору, свиней — Фрею, котов — Фрейе, быков — Хеймдалю, коней — Тиру и так далее по порядку, до самого Одина. Тот получал человека.

Супруги процветали и могли содержать огромную усадьбу с крепким хозяйством и богатой казной. А если они и не выставляли напоказ роскошь, в которой жили, как, например, Хрольф Жердинка, так только потому, что Скульд была женщиной прижимистой.

Ей было мучительно ненавистно то, что ее муж был всего лишь мелкой сошкой в державе брата. Каждый раз, когда вozy с податью отбывали в Лейдру, ей казалось, что их поклажа пропитана кровью ее сердца. Она постоянно попрекала Хьёрварда его низким положением. И подобные упреки еще усилились после того, как верховный конунг Дании, возвратившись из Упсалы, стал избегать войн и отвернулся от богов.

— Так не может больше продолжаться, — сказала она однажды.

Хьёрвард вздохнул, лежа рядом в постели:

— Самое лучшее для нас, как и для всех прочих, — терпеть все это ради спокойной жизни.

— Маловато у тебя мужества, — зашипела она в сумраке. — Мне больно видеть, как ты сносишь свой позор.

— Неразумно задевать конунга Хрольфа. Никто не осмелится поднять свой меч против него.

— Уж ты-то точно не решишься на такое, потому что слишком слаб духом. Но ведь тот, кто ничем не рискует, ничего и не выигрывает. Можно ли знать заранее, что Хрольф

и его воины непобедимы, даже не попробовав сразиться с ними? Сдается мне, что военное счастье отвернулось от конунга и его дружины, и он, зная об этом, больше не покидает свои палаты. Ну а мы могли бы навестить его!

— Скульд, это ведь твой родной брат...

— Мне нет до этого дела.

— Будь рада тому, что мы имеем, дорогая.

Он обнял ее, чувствуя прохладную гладкость ее кожи, вдыхая летнюю свежесть ее волос. Но она оттолкнула его и повернулась спиной. Хьёрвард даже не попытался овладеть ею, поскольку давным-давно убедился, что королева предается любви, только когда сама этого пожелает: даже в этом он шел у нее на поводу.

Некоторое время она не возвращалась к этому разговору, но становилась все более сварливой. И в самом деле нечего было и мечтать о том, чтобы легко одолеть конунга Хрольфа. Еще четыре года она продолжала заниматься колдовством, все глубже погружаясь в его тайны.

— Будь поосторожней с этими заклинаниями, — просил ее Хьёрвард. — Конунг Адильс был великим колдуном, но для него это добром не кончилось.

Смех Скульд обдал его холодом:

— Адильс? Этот жалкий неудачник? Да он только воображал, что знает что-то. На самом деле лишь несколько обитателей Волшебного мира подчинялись ему. А те, кто учат меня...

Она запнулась и больше не сказала ничего.

Затем, накануне Йоля, Скульд ускакала куда-то верхом в полном одиночестве, как было у нее в обыкновении. Жители дальних хуторов видели издали, как она, оседлав старую уродливую клячу, совсем не подходившую для поездок в это время года, пронеслась в сумраке, и ее черные волосы и такой же плащ развевались за спиной. Скульд была вооружена только ножом и покрытым рунами посохом — ей не приходилось опасаться людей. Не успела черная всадница раствориться в ночи, как все те, кто видел ее, в страхе разбежались по домам, поближе к своим очагам.

В нескольких милях от Оденсе на берегу залива высился холм. Только перекрученные ветрами деревья да кусты, обнаженные в это время года, росли у его подножия. Склоны его заросли вереском и можжевельником до самой вершины, где был сложен дольмен. Хотя зима была уже в разгаре, снег

падал скудно, и повсюду чернела голая земля. Кусты скрипели, словно отвечая вою северного ветра. В небе плыли рваные облака, посеребренные тусклым светом ушербной луны, то и дело появлявшейся в прорехах. Там, где вырисовывался остов тюленя, выброшенного на берег, прибой громыхал прибрежной галькой. Воздух был свеж, в нем чувствовался вкус соли. Со стороны суши доносился волчий вой.

Скульд спешила и вошла в дольмен. Здесь у нее были припасены котел и хворост для колдовских заклинаний. Кто-то уже наполнил его и развел огонь, и ей не пришлось прилагать усилий, чтобы с помощью кремня и трута высечь искру. Низкие голубоватые языки пламени почти не грели кожу, как, впрочем, и воду в котле, а только заставляли гигантские тени двигаться вдоль каменных стен, так что казалось, будто мрак не отступает, а придвигается ближе.

Скрючившись в тесном пространстве могильника, Скульд выкрикивала заклинания, водя рунным посохом над варевом.

Вдруг послышалось мерзкое хлюпанье. Королева вышла наружу. Любая другая лошадь, кроме ее собственной клячи, начала бы ржать и метаться, когда море внизу закипело и некто огромный, поднявшись из воды, двинулся в сторону берега. Земля дрожала от его неспешных шагов. Весь в каплях, блестящих ледяной белизной, вскарабкался он на холм. Холодом дышала его плоть, пропахшая рыбой подводных глубин, подобно водорослям струились борода и волосы, а глаза горели, как два факела.

— Ты, должно быть, отважна, если осмелилась вызвать меня, — прошептал он.

Она оглядела его неуклюжую фигуру и сказала в ответ:

— Мне нужна твоя помощь, родич.

Он ждал.

— Я знаю, как вызвать обитателей Мира Мертвых, — продолжала она, — но им ничего не стоит разорвать меня. И только власть, которой ты обладаешь, может заставить их поберечь свои клыки.

— Почему я должен помогать тебе?

— Потому, что мир, установленный конунгом Хрольфом, может быть нарушен.

— Что мне до этого?

— Разве больше чем раз в году павшие в морских битвах воины идут на корм стаям твоих угрей, хоть и выходят в

море корабли куда чаще прежнего? Разве люди не отправляются теперь в море в несметном количестве, не боясь убивать твоих тюленей и гарпунить твоих китов? Разве они не совершают набеги на гнезда твоих гагар и бакланов, опустошая их? Разве они не нарушают покой твоих уединенных островов, закутанных в облака? Я предупреждаю тебя, я — получеловек-полуэльф, предупреждаю, что человек — враг Древнейшего из миров, даже если он и не подозревает об этом, и в конце концов в результате его деяний Волшебный мир перестанет существовать, и никто из его обитателей не останется свободным, и вольное волшебство исчезнет, если мы не воспрепятствуем этому, пока есть еще такая возможность, пока не стало слишком поздно! Пора вернуться к братству Зверей, Деревьев и Вод! Для твоей же собственной выгоды — помоги мне!

— Откуда мне знать — может быть, ты просто хочешь заменить одного конунга другим?

— Ты же знаешь, что это не так! Я только хочу использовать людей в наших интересах!

Долго, очень долго водяной смотрел на нее в упор в этой ветреной темени, покада Скульд не почувствовала, что боится его. Наконец откуда-то из глубины его горла вырвался странный пронзительный крик, похожий на крик чайки — водяной рассмеялся:

— Что ж, действуй! Ты знаешь, какова плата за подобные сделки.

— Да, я готова заплатить, — ответила Скульд.

И, сбросив одежды, она последовала за ним в глубь дольмена, где ей пришлось кусать губы и сжимать кулаки, когда его огромное тело, покрытое зловонной чешуей, навалилось на нее всей тяжестью, причиняя ужасную боль и обдирая кожу до крови. Она знала, что теперь это будет повторяться очень часто.

Но он будет рядом, когда она станет вызывать тот ужас, что обитает под землей.

В предраассветных сумерках Скульд поскакала домой. Облака полностью скрыли небо. Ее клыча хромала в непроглядной тьме. Сухой снег покрывал землю. Несмотря на дрожь от холода и боль, пульсировавшую во всех ее членах, Скульд гордо вскинула голову и выпрямилась в седле — ни зверь, ни птица не были ей теперь страшны.

Внезапно вдали послышался стук копыт. Это был не глухой топот, а скорее звон, легкий, как лунный свет. Конь, внезапно обогнавший ее, был молочно-серебристой масти и неземной красоты. Не менее прекрасна была и всадница. Закутанная в мантию, что искрилась и сверкала, словно сплетенная из радуги, женщина лицом и волосами походила на Скульд, но ее глаза, исполненные печали, были золотистого цвета.

— Дочь моя, — закричала она, — подожди! Послушай меня! Ты не ведаешь, что творишь!..

Где-то под самым небом раздался стук копыт, предвещавший приближение многочисленной кавалькады. Вдали послышался лай собак, бряцание оружия и трубное пение охотничьих рогов. Тот, кто скакал впереди, верхом на восьминогом жеребце, был одет в длинный плащ, развевавшийся за спиной подобно крыльям, и широкополую шапку, скрывавшую его единственный глаз. Он держал копьё наперевес, словно намереваясь поразить прекрасную всадницу. Она пронзительно вскрикнула и, повернув своего коня, поскакала прочь, горько стона. А Скульд осталась и, смеясь, смотрела, как Дикая Охота пронесется мимо.

Утром, когда она и ее муж уже были готовы к жертвоприношениям в честь Йоля, она отослала всех слуг прочь. Внезапно Скульд подбежала к Хьёрварду, стоявшему в другом конце комнаты, и вцепилась ему в запястье. Ее ногти оцарапали его до крови. Он, едва взглянув в ее горящие глаза в обрамлении темных крутов и на огненно-красный плащ, отшатнулся.

— Слушай меня! — ее голос был тих, но почему-то потряс конунга до глубины души. — Я давно говорила, что не подобает тебе кланяться конунгу Хрольфу. Я говорю тебе снова — так не должно продолжаться и пора этому положить конец.

— Что? — закричал он. — Что ты надумала?

— Мне явилось предзнаменование, обещающее нам победу.

— А как же моя клятва хранить верность?..

— Минувшей ночью звучали иные клятвы. Хьёрвард, ты — мой муж. Так будь достаточно мужествен, чтобы отомстить за ту низкую шутку, что конунг Хрольф сыграл с тобой когда-то! Более того — ты должен стать властителем всей Дании!

Ярл было открыл рот, чтобы ответить, но она приложила палец к его губам и продолжала, улыбаясь:

— Я придумала план, который можно осуществить. Слушай. Крепка дружина конунга Хрольфа. Но мы сумеем собрать больше воинов, чем у него, и если нам удастся захватить его врасплох, он не успеет пустить стрелу, что оповещает о войне его бондов. Ты спросишь — как нам самим собрать войско, чтоб он не узнал об этом? Есть много таких, кто не испытывает особой любви к нему: вожди, коих он в чем-то ущемил; берсерки, отосланные домой из похода против Адильса; разбойники, объявленные вне закона, что рыскают голодными по лесам; саксы, шведы, гауты, норвежцы... Да и финны были бы рады видеть его поверженным... и кое-кто другой, о ком я знаю...

Нам необходимо богатство для подкупа и платы за оружие, которое можно тайно доставить из чужих земель. Я знаю, как заполучить и сохранить его, не истратив ничего из того, что нам принадлежит по праву. Мы обратимся в Лейдру с просьбой отсрочить выплату подати на три года, с тем чтобы потом расплатиться за все сполна.

— Как это? — отозвался Хьёрвард.

— Мы объясним, что нам нужно купить корабли и товары для расширения торговли с заморскими странами. Хрольфу это понравится. А мы легко сумеем совершить то, что задумали, поскольку все передвижения в наших владениях и за их пределами едва ли внушат ему мысль об опасности.

— Но... но...

— Рискованно ли это? В худшем случае он откажет — и тогда нам придется оставаться с ним в мире. Но я не думаю, что это случится. Если мы сможем завладеть значительным богатством, тогда медленно, шаг за шагом, мы пойдем к желанной цели, не рискуя, пока не будем уверены, что сможем расправиться с ним одним ударом.

Поначалу Хьёрвард не желал участвовать в мятеже, но Скульд не переставала уговаривать его день за днем, ночь за ночью. Наконец он сдался, и его посланцы отправились за Большой Бельт.

Они привезли ответ, что конунг Хрольф с радостью решает своему зятю отложить выплату податей на тот срок, который он сам посчитает необходимым, и желает ему успехов в его начинаниях.

После этого Хьёрвард приступил к поискам недовольных властью верховного конунга или тех, кто совершил неблаговидные проступки. Скульд умело направляла своего мужа, и его желание отомстить росло вместе с его силой. Со своей стороны она придумала коварные уловки, с помощью которых удавалось скрывать от Лейдры то, что происходило на самом деле. Если какой-нибудь ее подданный, хранящий верность конунгу Хрольфу, начинал открыто интересоваться кем-нибудь из посетителей Оденсе и объяснения не успокаивали его, — Скульд знала, как с помощью заклинаний ослепить или даже убить любопытного.

Она больше не докучала своему мужу — напротив, стала щедра с ним в любви до такой степени, что он походил на восхищенного юнца. Но даже теперь ему не хватало смелости спросить, чем она занимается по ночам, когда уезжает верхом из королевских палат.

Так прошли три года. Что же касается конунга Хрольфа и его воинов, то можно сказать, что все это время они жили счастливо, как и вся страна, которой он правил. О народе, живущем в достатке и безопасности, о справедливых законах и судах, о тучных урожаях и расцвете ярмарок, о росте городов и расчистке новых полей под пашни, о том, что каждый жил в мире со своим соседом, не остается преданий — только добрая память.

Однако воины не сидели сложа руки. Кроме охраны и сопровождения своего конунга в поездках, каждый владел кораблями или усадьбами, нуждавшимися в постоянном присмотре. Бьярки, несомненно, ездил на родину в Уплэнд навестить свою мать и отчима, захватив великое множество подарков; а Свипдаг ходил в далекие Финские земли в поисках пушнины; Хьялти плавал в Англию, чтоб увидеть все, что только возможно; быть может, что они вместе поднимались по рекам Руси или плавали по Рейну до самой земли франков. Если это так, то они, несомненно, вели там торговлю, и никто не осмеливался напасть на таких прекрасно вооруженных силачей.

Дома же они веселились всласть, каждый вечер закатывая пиры в королевских палатах, где столы ломились от жареного мяса и рога никогда не пустели, где скальды складывали висы, путники рассказывали о своих странствиях и Хрольф Жердинка никого ни в чем не ограничивал. Здесь воины ежедневно упражнялись во владении оружием и были обя-

заны ухаживать за ним; но, кроме того, устраивались там охоты и рыбные ловли, соколиные забавы, состязания по борьбе, бегу, скачкам на лошадях и гребле на челнах, бои жеребцов, соревнования в мастерстве закидывания невода, игры в бабки, долгие ленивые беседы, были и болтовня да пересуды с бондами, грандиозные планы, дневной сон, — а рядом раскинулась Лейдра, где у каждого воина было по крайней мере по одной возлюбленной и где многие попадали в те самые прочные на свете силки, что сплетены ручонками малых детей. Нечего больше сказать об этих семи мирных годах, разве что одного — Дания никогда не забудет их. В конце последнего года конунг Хьёрвард и его жена Скульд послали своих людей к конунгу Хрольфу с известием, что скоро приедут в Лейдру праздновать Йоль и привезут с собой всю подать, что успели ему задолжать. И ответил посланцам конунг Хрольф:

— Идите и передайте, что я буду рад видеть их и что они будут желанными гостями в моем доме.

2

В самой середине зимы, когда дни становятся похожи на проблески света в бесконечной ночи, наступает неделя встреч на праздничных пирах, преисполненных веселья и любви. Но нигде не праздновали Йоль с такой искренней радостью, как в палатах конунга Хрольфа.

Так было и в канун того Йоля: ярко сверкало пламя костров, полные кубки и рога со звоном сталкивались над пиршественным столом, везде гремел смех, слышались громкие песни и болтовня, так что от этого шума и гама сотрясались стены. Одетый в кафтан, украшенный красной и синей вышивкой и отороченный собольим мехом, в полотняные штаны и с тяжелыми золотыми украшениями на запястьях, шее и челе, — верховный конунг Дании во всем своем величии восседал на троне перед собравшимися. У его ног возлежал пес Грам, кречет Хайбрикс сидел на его плече, а поблизости собрались соратники по битвам и походам, среди которых были лучшие мужи его державы со своими возлюбленными. Счастливая улыбка играла на губах Хрольфа, оттого, что все вокруг счастливы. Внезапно тень заботы пробежала по лицу конунга, и он обратился к Бьярки:

— Почему Скульд и Хьёрварда нет среди нас? Не попали ли они в кораблекрушение?

— Вряд ли, мой господин, особенно в таком коротком плавании и при такой прекрасной погоде, — ответил норвежец. — Похоже, по какой-то причине они не стали сегодня продолжать путь, пристав на ночь к берегу у западной оконечности Зеландии, и уже завтра войдут на веслах в Фоскильдскую гавань.

— Если только Скульд не потерпела неудачу в одном из тех предприятий, что она вечно затевает и которые требуют постоянного присмотра, — проворчал Свидпаг. Он всегда недолюбливал сестру конунга за ее ведьмовские дела.

— Ну, это было бы слишком печально, — откликнулся Бьярки, разом осушив серебряный кубок с пивом, смахнул пену с усов и крикнул, чтоб налили еще.

Вёгг побежал выполнять его поручение. Мальчишка из Упсалы превратился в молодого мужчину. Стоит ли говорить, что он по-прежнему был невысок, худ, почти безбород, а его волосы были всегда спутаны, хотя он постоянно с яростью расчесывал их гребнем. Дружинники Хрольфа уже не пытались сделать из него воина. Для рукопашного боя он был слишком слаб, медлителен и трусоват, поэтому получал множество синяков и кровоподтеков, а несколько раз, случалось, и переломы. Воины, однако, относились к нему по-доброму — не потому ли, что он всегда смотрел на них своими блеклыми глазами с таким бесконечным благоговейным трепетом — так что просто не могли быть к нему суровы и постоянно следили, чтобы их юный друг был сыт и хорошо одет. А Вёгг в благодарность старательно выполнял разные мелкие поручения и, не задумываясь, брался за любую работу. Предметом его особой гордости была должность виночерпия у конунга и его двенадцати главных вождей.

— Спасибо тебе, — сказал Бьярки, глядя на Вёгга сквозь едкий теплый дым, пахнувший можжевельником, и добавил: — Почему ты носишься, мокрый от пота, как только что пойманная пикша? Садись, выпей чего-нибудь, пусть женщины прислуживают нам за столом.

— Э-э... я почитаю за честь стоять у тебя за спиной, — промямлил Вёгг и, по-птичьи вскинув голову, снова оглядел ряды гостей. — Нужен ли я кому-нибудь еще, мой господа?

— Эй! Наполни-ка вот это, — сказал Хьялти и подал ему рог зубра, оправленный в золото. И, когда Вёгг побежал выполнять поручение, смешно перебирая ножками, Хьялти заметил хохоча: — Сдается мне, что ему пора бы влюбиться. С тех пор как это случилось со мной, у меня все идет прекрасно.

— Да, девчонка у тебя красавица, — сказал конунг. — Почему ты не привел ее сегодня вечером?

— Ее слишком пугает мысль о возвращении домой в канун Йоля, после того, как стемнеет. А домой ей бы пришлось вернуться, так как здесь не найти уголка, где бы можно было позабавиться с ней, — гостей-то набилось как сельдей в бочке.

В отличие от Бьярки и других дружинников, занимавших высокое положение, Хьялти еще не обзавелся достаточно вместительным домом в Лейдре или в ее окрестностях, чувствуя, что это довольно хлопотное дело, особенно если ты часто отсутствуешь где-нибудь на охоте или рыбной ловле.

Вернулся Вёгг, неся наполненный рог, и, пав на колени, подал его воину. Хьялти погладил свою короткую бороду — ему не было еще и тридцати зим — и продолжал:

— Конечно, в округе есть еще и стога сена и всякое такое. Вёгг, дружище, как бы тебе понравилось получить в подарок на Йоль, скажем, девчонку-рабыню, что могла бы ублажить тебя?

У юнца отвисла челюсть. Несколько мгновений он мямлил что-то невразумительное, краснея и переминаясь с ноги на ногу, пока не выдавил из себя:

— Мне... Мне?... Спасибо, господин, н-н-но... нет, вдрут она не захочет...

Он резко отвесил поклон и спасся бегством.

Хьялти, довольно хихикнув, пожал плечами. Лицо Бьярки оставалось серьезным. Он взглянул на конунга и сказал:

— Мой господин! Я уже говорил с тобой об этом раньше, но хочу напомнить снова, что все твои дети — женского рода...

— А я должен иметь сына, лучше всего от женщины, ставшей моей законной женой, — продолжил Хрольф.

— Да. И наши наследники, наши сыновья, дружно сомкнут щиты, под защитой которых Дания будет процветать и после нашей смерти.

— Хорошую партию можно было бы найти в Свитьод, после того как конунг Адильс избавил мир от своего присутствия, — заметил Свипдаг.

— Все вы, конечно, правы, — кивнул конунг Хрольф. — Я слишком долго ждал. Здесь когда-то жила одна девушка... — боль мешала ему говорить, — она умерла. Я бы хотел, чтобы ее дух оставил меня в покое. Давайте поговорим об этом потом, через несколько дней.

Внесли Золотого Вепря. Хотя конунг и его воины больше не молились богам, но они не отказались от древнего обычая приносить клятвы во время Йоля. Хрольф был первым. Он встал, возложил правую руку на идола и, подняв чашу с вином в левой руке, произнес то, что произносил каждый год:

— Все лучшее, что есть во мне, отдам моей стране, ибо я — отец Дании и всех ее жителей.

Голос его был негромок, но его слышали во всех концах залы. Собравшиеся стояли в тишине, пока он пил свою чашу. Затем радостными криками они приветствовали своего любимого конунга.

Вскоре после этого Хьялти, попрощавшись со всеми, попросил разрешения удалиться. Впереди его ждали несколько миль зимней дороги — достаточный путь, чтоб его горячая голова успела слегка охладиться. Заспанный, дрожащий от холода конюх вывел его оседланного скакуна из конюшни во двор. К седлу были приторочены щит и кольчуга, к тому же воин захватил с собой копье, меч и нож, хотя казалось почти невозможным, что военное снаряжение может пригодиться ему в мирное время. Он вскочил в седло. Копыта застучали по каменным плитам проулков, где приземистые дома громоздились, точно утесы. Затем он миновал ворота, и город остался позади.

Лихим аллюром пустился Хьялти на север. Ночь была тихая и холодная, дыхание всадника и коня клубилось белым паром, оседая инеем на железе. Звонкое цок-цок, что выбивали копыта на каменистых участках дороги, разносилось далеко над лугами, окутанными серым туманом, и хуторами, смутно видневшимися вдали. В вышине высыпало множество звезд, и сполохи северного сияния раскрывались веером из тускло-красных и ярко-зеленых лучей, заполонив собой полнеба. Небесная Колесница катилась на своих вечных колесах по искрящемуся Звездному Мосту в наступающий

год. Однажды сова с шумом пронеслась мимо, и Хьялти подумалось, что, наверное, где-то затаилась дрожащая от ужаса полевая мышь, совсем как человек в страхе перед Небесными Силами. Он поднял голову и подумал: «Не мою ли это душу?»

Ти́ра, его наложница, жила одна в маленькой, но крепкой хижине, которую он купил, чтоб селить туда на время своих возлюбленных — рабынь или бедных хуторянок. Когда они начинали раздаваться вширь в ожидании ребенка или просто надоедали ему, Хьялти обычно прогонял их прочь, дав достаточно золота, чтоб на свободе — если они не были свободны раньше — им было легко найти себе достойного супруга. Тем не менее женщины частенько плакали, расставаясь с ним.

Хьялти сам отвел коня в стойло, пробираясь на ощупь в темноте, а затем несколько раз постучал в дверь.

— Кто там? — донеслось из-за ставень.

— А кто бы ты думала? — поддразнил ее Хьялти.

— Я... Я не ждала тебя...

— Но я уже здесь, и мне срочно надо согреться!

Она запалила сальную плошку и, отперев дверь, пустила его внутрь. Он протянул к ней руки в тусклом свете фитиля и едва тлеющих угольков очага. Ти́ра была крупной молодой женщиной, светловолосой, полногрудой и приятной на вид.

Она сжала его в объятиях. Ее пальцы были такими крепкими, что никак не соответствовали округлой мягкости всего остального.

— О! Как я рада, что ты пришел! — шептала она. — Правда, сначала я испугалась... Все из-за этих ужасных снов, что у меня бывают теперь. От страха я просыпаюсь и как можно дольше стараюсь не заснуть, чтоб они не вернулись снова.

Он нахмурился, вспомнив, что накануне Йо́ля случаются самые жуткие вещи:

— О каких это снах ты говоришь?

— Орлы разрывали искромсанную плоть павших воинов... вороны кружили вокруг, и сполохи вспыхивали в непроглядной тьме, совсем как сегодня ночью... Знаешь, когда я была маленькой, у нас был сосед, называвший северное сияние Танцем Мертвецов... Затем я слышала голос, вещавший о чем-то целую вечность, и я, казалось, проваливаюсь в бездонную рану, разъявшую мир. Но мне так и не удалось разобрать ни одного слова...

На мгновение Хьялти и сам слегка испугался. Но потом, вспомнив, зачем он приехал сюда, с улыбкой сказал:

— У меня есть кое-что, способное прогнать прочь все твои страхи и дурные предчувствия, дорогая.

Они поспешили к постели, где их тела сплетались в страстном любовном порыве трижды за короткое время. Потом они заснули в объятиях друг у друга.

Но и ему стали сниться ночные кошмары: бешеная скачка и крики, разносимые ветром под низкими небесами, хлопанье крыльев, хищные когти и клювы, чувство потери, невыразимое и безграничное...

Хьялти с трудом заставил себя проснуться.

— Нет, я не сдамся! — сказал он громко.

Тира застонала во сне. И, казалось, какой-то странный шум донесся из глубокой ночной тьмы.

Что-то двигалось и скрежетало вдали, в нескольких милях от этого уединенного места. Хьялти выскользнул из-под покрывала. Холод сковал его обнаженное тело. Он нащупал окно и распахнул ставни.

Покрытая инеем пустошь по-прежнему простиралась под мерцающими снопами света и высоким звездным небом. Там и здесь виднелись черные деревца, похожие на скелеты. А вдалеке, у самого края равнины медленно продвигался отряд, направляясь из Роскильде-фьорда к Лейдре.

Хьялти обладал острым зрением, и слишком хорошо он знал, что означают блеск металла над выстроенными в боевом порядке людьми, которых было несколько сотен, и этот глухой топот сапог и копыт, и скрип повозок, нагруженных военным снарядами. К тому же не только из людей состояло это войско. Крылья, вспарывая темноту, шумели в вышине; бесформенная жуткая масса всяческой нежити шагала, ползла, летела, прикрывая воинов с флангов.

Увиденное так поразило Хьялти, что он не смог сдержать крик.

Тира проснулась.

— Что случилось? — спросила она.

— Подойди сюда, — ответ застрял у него в горле. — Смотри! — Он указал в темноту. — Друзья не ведут себя так! Слишком поздно я понял, что готовили конунг Хьёрвард и его жена Скульд. Они собирали войско на Фюне, чтоб высидеть на здешних берегах, объединившись с этой нечистью, а теперь... теперь им удалось осуществить это! Кто, кроме

ведьмы, сможет призвать под свои стяги этих чудовищ... а ей было позволено отсрочить выплату подати... О боги!!!

На севере был распространен обычай кровной мести, который назывался «знаком кровавого орла». Человека клали животом на землю и крепко держали, пока мститель вспарывал ему ножом лопатки и ребра вдоль хребта, так чтоб они торчали, подобно крыльям. Но даже такая пытка не вырвала бы из груди Хьялти того вопля, какой услышала той ночью Ти́ра.

— Превосходя числом... без предупреждения... — простонал он и вновь крикнул: — Света! Скорей запали плوشку, ленивая девка! Я должен собраться... и срочно найти моего конунга!

Возможно, она была уязвлена безразличием, промелькнувшим в глазах возлюбленного, и ей захотелось задержать его на мгновение, чтоб напомнить о себе? А может быть, она просто была недалекой и сразу не осознала, какая огромная опасность угрожает ее конунгу, который, сколько она помнила, был всегда всемогущ, и она не нашла ничего лучшего, как попытаться рассеять мрачные мысли своего возлюбленного с помощью шутки? Эта женщина мертва уже многие сотни лет, и мы не можем теперь узнать, что побудило ее поступить так, но, когда Хьялти в шлеме и кольчуге направился прочь, Ти́ра встала в дверном проеме. Плوشка, которую она держала, отсвечивала желтоватым блеском на ее плаще, наброшенном на плечи и почти не прикрывавшем ее прелести, бывшие в самом расцвете. Она улыбнулась и сказала дрогнувшим голосом:

— Если ты падешь в битве, сколько лет должно быть тому, кто станет моим мужем?

Хьялти остановился, как будто его сковал мороз под звездным небом. Наконец он ответил:

— Что бы тебе больше понравилось иметь — двух двадцатилетних дружков или одного под восемьдесят?

— О, двух, что помоложе, — засмеялась она слабо. Может быть, она хотела добавить что-нибудь вроде: «Но вряд ли они мне заменят одного тебя, дорогой». Но не успела.

Хьялти, яростно крикнув:

— За эти слова ты заплатишься, потаскуха! — бросился на нее с ножом и, поймав за волосы, напрочь отсек девушке нос.

Она отшатнулась, зажимая рану. Плошка разбилась об пол и погасла. Кровь хлынула между ее пальцами.

— Ты вспомнишь меня, если кто придет к тебе, — глумился Хьялти. — Хотя мне кажется, что ни у кого не будет особого желания миловаться с тобой теперь.

Слишком ошеломленная, чтобы рыдать, она ответила:

— Но ведь я только хотела, чтобы ты остался со мной... Мне был никто не нужен... кроме тебя.

Ее голос, что был всегда таким милым, теперь звучал глухо и сдавленно.

Нож выпал у Хьялти из рук. Он замер на мгновение, осознав, к своему ужасу, что страх за конунга и братьев по оружию превратили его в берсерка. Нагнувшись, он подобрал нож, чувствуя, что тот скоро снова понадобится, и вложил его в ножны, даже не стерев кровь.

— Никто не в состоянии думать обо всем сразу, — сказал он печально.

Хьялти попытался было поцеловать девушку, но та отпрянула в ужасе. А в Лейдре... в Лейдре все спали, ни о чем не подозревая. Воин вскочил в седло и поскакал прочь.

Вражеская дружина продвигалась довольно быстро и была уже далеко впереди него. Хьялти мчался, не разбирая дороги. Ветер ревел в ушах, проникая в легкие и кровь. Сполохи северного сияния словно бы заполнили его череп. Он вспомнил, что надо сделать крюк, чтобы остаться не замеченным врагами, или, того хуже, той воплощенной ночью, что шла с ними. Он добрался до частокола, окружавшего кварталы Лейдры, не потратив ни минуты попусту. Тут его конь пал за смертью от бешеной скачки.

Ловко спрыгнув и перевернувшись через голову, он вскочил на ноги и закричал в небеса:

— Прими эту жертву, если желаешь!

Миновав дремлющую у ворот стражу, он вихрем помчался по переулкам Лейдры к ярко освещенным королевским палатам. Здесь он, подхватив головню среди тускло мерцавших угольков кострища, разворошил их так, что языки пламени взметнулись вверх, и закричал о приближении неприятеля.

Затем, выбежав за порог, бросился к другим домам города, призывая всех, кто приносил клятву верности конунгу Хрольфу, подняться и взяться за оружие. Старая песня о Бьярки вкладывает в его уста такие слова:

Гей, ратоборцы! В беде повелитель!
Каждый, кто конунгу друг и державе,
знай, что настала страда для схватки!
Хрольф, запасай понадежней оружие:
с моря подходят вражьи рати,
град окружив, оцетинясь клинками.
Подать от Скульд, твоей сводной сестрицы,
злата в палатах твоих не умножит,
но возродит среди Скъёльдунгов распрю.
Знай, что пришел сюда Хьёрвард-предатель
силою трон захватить и державу.
Но не страшит нас ни смерть, ни увечье, —
только б отмстить бессердечной гадюке.
Знатные мужи! Иль забыли обеты,
что вы давали, от меда хмелея!
С яростью шквала долг верности Хрольфу
в битве заплатим: дарил он дружине
кольца, героев одаривал златом.
Бейтесь мечами, что вам даровал он,
в шлемах, в кольчугах, подаренных Хрольфом.
Выше щиты, ибо в схватке суровой,
братья, пора отслужить за подарки!
Мужеством конунгу, даны, воздайте!
Минули пиршества в пышных палатах,
где мы за здоровье рог подымали,
где похвалбою полнились речи,
больше, чем столы медом и брашном.
Вспомним любовные игры в палатах,
лица подруг, когда мы им дарили
дар королевский — нестрые платья.
Нынче оставьте подруг! Ибо Хрольфу
Хильды суровые игры потребней.
Бейтесь с врагом вы за жизнь господина
и за свою, не жалея ударов!
Трусам — не место, лишь тот, кто пощады
у топора и стрелы не попросит
и не сморгнет пред холодным железом —
истинный воин пусть выйдет для схватки.
Лучших бойцов, что верны господину,
в битву ведет лучший конунг в Мидгарде.
Сомкнутым строем, щиты поднимая,
выставив копья, сжимая секиры,
ринутся даны в кровавую сечу.
Мы не отступим пред полчищем вражьем.
Стыд и позор тому ратоборцу,
что раболепствует перед удачей!

Все проснулись и покинули свои дома: сначала Хромунд Суровый, затем Хрольф Быстроногий, Свипдаг и Бейгад, Хвитсерк — был пятым, Хаакланд — шестым, Хрефил Грозный — седьмым, Хааки Отважный — восьмым, Хватт Высокородный — девятым, Старульф — десятым, и впереди всех Будвар-Бьярки и Хьялти Благородный, а за ними — многие другие воины, пока весь город не наполнился их криками и звоном оружия. Тем временем войско Хьёрварда и Скульд подошло к частоколу Лейдры, окружив столицу Дании со всех сторон. Врагов было так много, что они заполонили все вокруг, насколько можно было разглядеть сквозь сумрак. Они прихватили с собой несколько мощных таранов, чтобы пробить брешь в частоколе, хотя Хьёрвард предпочел бы пощадить город и сражаться с его защитниками в чистом поле, если бы те согласились. Пламя уже охватило крайние дома, подожженные факелами, которые враги бросали на крыши. В вышине металась какая-то крылатая нечисть, а внизу ругань и звон оружия воинов смешивались с нечеловеческими воплями и грохотом. Вдали были разбиты черные шатры уродливых очертаний, и внутри их горели колдовские огни.

— Нынче конунг Хрольф нуждается в бесстрашных соратниках, — воскликнул Бьярки, — в таких, что не станут топтаться у него за спиной, в таких, в чьей груди бьется отважное сердце.

— Станные речи ведешь ты, мой старый друг, — сказал ему конунг.

Бьярки, встряхнувшись, вскарабкался на вершину сторожевой башни. В этот миг он казался скорее медведем, чем человеком.

— Воздух пропах заклетиями, — проворчал он. — Я чувствую... нечто странное восстало... Оно, должно быть, было знакомо моему отцу, в те времена, когда я еще не родился, и дух его поможет мне...—

Он поспешно спустился вниз в палаты.

Там конунг Хрольф, восседая на троне, принимал посланцев Хьёрварда и Скульд. Те старались говорить с твердостью, которая порой бывала поколеблена направленными на них суровыми взглядами. Мол, ежели конунг желает сохранить себе жизнь, он должен подчиниться воле своего зятя — требовали пришельцы.

Золотисто-рыжая грива Хрольфа Жердинки сверкала в отблесках факелов.

— Не бывать этому никогда! — ответил он. — Я слишком многим обязан тем, кто верит в меня. Слушайте же и донесите своим хозяевам, что слышали! — Он повысил голос. — Пусть принесут сюда лучшее питье, что есть у нас, и будьте веселы, друзья мои, чтоб все видели, какие воины собрались здесь. За одно лишь будем мы биться — чтоб наше бесстрашие осталось в памяти людей, ибо не бывало еще воинских клятв крепче наших. — И добавил, обращаясь к посланцам: — Скажите Хьёрварду и Скульд, что мы будем весело пировать, прежде чем соберем с них щедрую дань.

Когда эти слова передали королеве, которая в это время находилась в своем шатре и колдовала над кипящим в котле варевом, все уже было готово к штурму Лейдры. Она тяжело вздохнула и прошептала:

— Нет на свете другого такого человека, как мой брат Хрольф. Дурное дело мы затеяли... — но недолгий приступ стыда прошел, и она продолжала мрачно: — Но, раз начав, доведем дело до конца.

А тем временем дружинники конунга весело пировали в королевских палатах. Только Бьярки, Хьялти и Свипдаг оставались печальны — каждый по своей причине, — стараясь, чтоб другим не передалось их настроение. Остальные же вспоминали былые дни, хвалились своими подвигами и славили конунга, который был, без сомнения, веселее всех в зале.

Предрассветный туман пал на мерзлую землю, когда Хрольф Жердинка и его воины, вооружившись, вышли за ворота Лейдры.

3

Тучи рассеялись. Вдалеке, за стеной частокола, серовато-бурая земля, местами покрытая тонкими слоем снега, почти сливалась с небосводом цвета потускневшего железа. День выдался морозным и безветренным. Рать конунга Хьёрварда не отличалось пестротой воинских облачений. Даже боевые стяги, казалось, поблекли. Она состояла из толпы наемников, собранных по всему свету. Было среди них много грабителей и убийц, объявленных вне закона; злобные лица виднелись под купленными для них Хьёрвардом шлемами.

В отличие от этих головорезов, дружинники конунга Хрольфа были одеты в плащи ярких цветов. Его собственный плащ был ал, как живое пламя. Штандарты его вождей, украшенные изображениями птиц и зверей, выстроились клином, окружая королевское знамя — зеленый ясень на золотом фоне.

— Вперед! — закричал Хрольф.

Меч Скофнунг взметнулся ввысь. Дружинники ответили гортанными криками. Затрубили рога и луры, залаяли боевые псы, и защитники города, все как один, бросились на врагов. Хотя те значительно превосходили их числом, все же дружинников Хрольфа было не так уж мало. По их шеренге катилась та волна, подобная колыхаемой ветром ржи, что говорит об отменной воинской выучке.

Сверху засвистели стрелы. Зловеще ошетинились копья. Град тяжелых камней обрушился на их щиты. Хрольф перешел с шага на бег. Его дружина действовала с ним заодно, как часть его тела.

Защитники Лейдры врезались в ряды Хьёрвардова войска. Запело железо. Какой-то воин замахнулся на Хрольфа своей секирой. Хотя конунг был ниже ростом и легче своего противника, он не растерялся и отразил этот мощный удар своим щитом, в то время как его клинок с громким звоном ударил сбоку. Нападавший упал. Хрольф оглянулся и начал прорубать себе путь в глубь рядов мятежников. Справа от него звенел Голдхильт, меч Хьялти, увенчанный золотой рукоятью, слева секира Свипдага металась, как ураган. Пес Грам рвался из-под ног, пытаясь схватить врага за горло, а над головой кречет Хайбрикс парил на сверкающих крыльях.

Удар за ударом обрушивался на шлемы, щиты и кольчуги, порой доставая до мяса и костей. Копья и стрелы глубоко вонзались в живую плоть. Пронзенные, изрубленные воины тонули в потоках крови. А по завалам тел шли дружинники Лейдры. Вражеские всадники, пытавшиеся расчистить пространство для решительного натиска, не находили ничего, кроме людского месива, где их подстерегала смерть.

Хьялти Возвышенный весело пел:

*Много кольчуг изорвано в клочья,
многие шлемы пробиты, помяты,
многие всадники сброшены с седел.*

*Только наш конунг неустрашимый
весел по-прежнему, словно пирует
с полною чашей доброго меда.
Каждый удар его силы исполнен.
Кто из героев с ним может сравниться?
Силой, возросшей двенадцатикратно,
многих бойцов он поверг в этой битве.
Пусть убедится Хьёрвард коварный,
как славный Скофнунг жалит смертельно,
как он поет, пробивая кольчуги,
груды пронзая насквозь супостатам!*

Хрольф Жердинка, забрызганный кровью, но без единой царапины, веселым смехом подбадривая своих воинов, продолжал пробиваться дальше. Мало-помалу вражеские ряды перед ним дрогнули и расступились. Жестокой была эта схватка: если бы число воинов с обеих сторон было примерно равным, она бы уже закончилась.

Но у властителя Лейдры неостало сил, чтоб превозмочь вражеское войско. Хотя он разбил его в центре, но фланги практически не понесли потерь. Под развевающимися стягами, под трубное пение рогов дружина Хрольфа отступила в боевом порядке, почти не нарушенном во время атаки. Воинам ничего не оставалось, как переводить дыхание, прежде чем резня вспыхнет с новой силой. Свипдаг заревел на тех, кто был слишком увлечен битвой:

— Быстро занимайте место в строю! Враги хотят, чтобы мы выдохлись, преследуя их! Однако, — добавил он, резко повернувшись к своему господину, — если мы не сможем в ближайшее время прорубить путь сквозь шеренги врагов к тем шатрам, где королева Скульд сейчас бормочет свои заклинания, — нам придется биться с кем-то похуже, чем эти воины. Та нечисть, которую мы видели лишь мельком, боится сражаться при свете дня. Но этой ведьме дай только время, и она сумеет их заставить.

Его единственный глаз гневно взирал поверх груд мертвецов и корчившихся от боли, стонущих раненых на шеренги вражеских воинов, готовящихся к продолжению битвы.

Хьялти, смахнув пот со лба, оглянулся вокруг и сказал удивленно:

— Э-э, а где Бьярки? Мне казалось... он должен быть сердцем нашего правого фланга... Вон его стяг, его воины... но я нигде не вижу его самого.

Веселье покинуло конунга. Он оборотился назад и при-
шурившись разглядел рядом маленького Вёгга. Юный швед
облачился в кожаную куртку, нахлобучил на голову ржавый
шлем, смахивающий на котелок, и вооружился огромным
ножом для разделки мяса. Его колени подгибались от уста-
лости, кровь текла из разбитых губ.

— Подойди ко мне, — позвал его Хрольф.

Вёгг повиновался.

— Твое место в тылу, парень, — сказал конунг.

— Но ведь я один из твоих людей... — ответил он, — ведь
так?

— Хорошо, тогда ты будешь вестовым. Беги и узнай, что
случилось с Будваром-Бьярки. Может, его убили, или взяли
в плен, или что еще? Кто-нибудь должен был это видеть,
ведь он мужчина весьма внушительных размеров, да и боро-
да его ярко-рыжая приметна!

Вёгг бросился выполнять поручение. Хрольф проводил
его взглядом.

— Думаю, он излечился от страха, — сказал он задум-
чиво. — В его впалой груди бьется настоящее сердце.

Хьялти, погладив усы, потопал ногами и похлопал рукой
об руку, стараясь согреться во время бездействия, казавше-
гося бесконечным. Было похоже, что битва никогда не про-
должится. Первое столкновение заняло большую часть этого,
самого короткого дня в году. Солнце терялось в серой дым-
ке, окутавшей небо.

Вскоре вернулся Вёгг.

— Господин, — начал он, — никто не видел Бьярки. Ни-
чего о нем не известно с той самой минуты, как мы вышли
из города.

— Не может этого быть! — вмешался Хьялти. — Разве мог
он так поступить — не занять место в бою рядом со своим
конунгом?.. Он, кого мы считали самым бесстрашным из
нас?

Конунг Хрольф обнял его за плечи и сказал:

— Он, должно быть, там, где может больше всего помочь
нам. Вся его воля не может быть направлена сейчас ни на
что другое. Береги свою собственную честь, будь всегда
впереди и не вздумай насмехаться над твоим старшим дру-
гом, ибо никто из вас не может сравниться с ним. — И до-
бавил в волнении, обращаясь ко всем воинам: — Я не хочу
обидеть никого из вас, — все вы великие воины.

Хьёрвард и вожди его рати пытались воодушевить своих воинов горячими речами и построить их в лучшем боевом порядке, чем прежде. Теперь они лавиной устремились на защитников Лейдры. Хрольф, издав вновь боевой клич, повел своих дружинников навстречу.

Еще больше дробиков и стрел засвистело в воздухе, еще больше звенящих ударов и предсмертных криков огласило округу. Встретившись в бою с воинами, не принимавшими участия в предыдущей схватке, люди Хрольфа могли оказаться в плачевном положении. Но они продолжали яростно рубить и колоть, прокладывая себе путь сквозь вражеские порядки, как и прежде. Ничто не могло противостоять им.

Впереди их клина, рядом с конунгом, шел огромный рыжий медведь. Каждый удар его лапы повергал убитого воина наземь, его челюсти разрывали железо; становясь на задние лапы, он сбрасывал с седел всадников и убивал лошадей, и ни один клинок не мог причинить ему вреда. Мало кто с обеих сторон видел это — в такой тесноте сражались воины. Дружинники Хрольфа, которым медведь не причинял зла, обратили внимание, что шеренги противников начали быстро редеть. Славно рубились они и не видели, что творится рядом с ними. Между тем ужас обьял воинов Хьёрварда. Мятежный конунг взгромоздился в седло, стараясь оглядеть поле боя и понять, что происходит. Призвав своих вождей, он приказал им трубить отступление, прежде чем его войско ударится в бегство.

Хьялти же медведя почти не замечал. Он был слишком поглощен отражением и нанесением ударов. В столпотворении звенящего оружия, щитов, шлемов, лиц, искаженных ненавистью, он не мог осознать, чем на самом деле занят медведь. Ослепленный яростью, он решил, что зверя послала королева Скульд, но тот не может помочь ей, пока не зайдет солнце.

В грохоте и вое битвы его не оставляла мысль, что Бьярки, ставший для него больше чем отцом, может покрыть себя вечным позором из-за того, что не сражается здесь сегодня.

Когда враги отступили и Хьялти понял, что грядет новый перерыв в битве, он побежал в направлении города. Надо было спешить, перепрыгивая через убитых и умирающих, скользя в лужах крови, от которых подымался пар, и распутивая птиц, раздиравших падаль. Он промчался через

распахнутые ворота, вниз по пустынным проулкам, мимо запертых дверей и захлопнутых ставень, за которыми дрожали в страхе женщины и дети, пока не достиг дома Бьярки. Двери были не заперты. Хьялти широко распахнул их и ворвался в комнату. Там было холодно и по-зимнему сумеречно. Огонь в очаге почти погас. Слабые отблески едва освещали угол, где сидела жена Бьярки, Дрифа дочь Хрольфа, прижимая к себе детей. На кровати лежал человек. Он был одет в кольчугу, но его меч был в ножнах. Человек пристально смотрел вверх.

Женщина вскрикнула и кинулась, чтоб остановить Хьялти, но тот ринулся вперед, не обращая на нее внимания, и, схватив лежащего за могучее плечо, закричал:

— Долго ли нам еще ждать лучшего из воинов?! Это неслыханно, что ты до сих пор не на ногах и не пользуешься силой своих рук, мощных, как медвежьи лапы! Вставай, Будвар-Бьярки, мой наставник, вставай, или я сожгу этот дом и тебя вместе с ним! Жизнь конунга в опасности! Неужели ты опозоришь свое доброе имя, которое с гордостью носил до сих пор!

Норвежец повернулся, потом встал, нависая над своим товарищем. Прежде чем ответить, он тяжело вздохнул:

— Ты не должен называть меня трусом, Хьялти. Я не ведаю страха. Никогда я не уклонялся ни от огня, ни от железа, и сегодня ты увидишь, что я все еще могу отважно сражаться. Всегда конунг Хрольф считал меня лучшим из своих воинов. Я пред ним в неоплатном долгу за его дочь Дрифу, что стала моей женой, за те двенадцать богатых усадеб, что он дал мне, и за многие другие богатства. Я воювал с викингами и разбойниками, вдоль и поперек объехав Данию, — державу, что мы воздвигли на нашей крови; я был в походе против Адильса; и Агнар убит мной; и многие другие отважные воины...

Его речь, звучавшая так, словно он бормотал во сне, внезапно прервалась. Его взгляд обжег Хьялти, неожиданно ощутившего озноб.

Бьярки заговорил быстрее:

— Но теперь мы имеем дело с более опасным и великим колдовством, чем прежде. И ты сослужил своему конунгу плохую службу, ибо близится уже конец битвы. О, это произошло нечаянно, — продолжал он с печальным вздохом, — не потому, что ты не желал ему добра. Только ты и он могли

помешать мне — как это и случилось, — ибо всякого другого я бы убил на месте. Жаль, ибо теперь все должно свершиться, как суждено судьбой. И нет выхода из этого капкана, ведь я не смогу больше оказать конунгу Хрольфу ту помощь, что была мне под силу до твоего прихода.

Склонил Хьялти гордую голову и промолвил сквозь непролитые слезы:

— Бьярки, кроме тебя и Хрольфа не было надо мной вождей. Лучше бы не говорил ты мне о том, что я совершил.

Норвежец надел шлем, и Дрифа подошла к нему. Он взял ее руки в свои.

— Больно мне оттого, что больше мы не свидимся. Береги наших детей.

— С таким отцом, — ответила она, — им не понадобится чужая помощь.

Он обнял детей. Держа один щит в руке, другой — закинув за спину, чтоб воспользоваться им, когда первый будет изрублен в щепки, — норвежец последовал за Хьялти.

День клонился к ночи, когда Бьярки предстал перед конунгом Хрольфом и спросил:

— Приветствую тебя, мой повелитель! Где мне лучше встать?

— Там, где ты сам выберешь.

— Тогда я встану рядом с тобой.

И сверкнул, обнаженный, меч Луви.

Скороход примчался к конунгу Хьёрварду из черного шатра, где находилась королева Скульд. Конунг вглядывался в сумрак, но нигде больше не было видно рыжего медведя, как будто его никогда и не было. Ободренный, он приказал сообщить своим воинам это радостное известие.

Хьёрвардова рать продвигалась вперед медленно и недружно. Она понесла серьезные потери, ведь в ее рядах было немало трусов. Гораздо меньше пало защитников Лейдры, а те, кто остался жив, были по-прежнему отважны и свирепы. Но все-таки, — может быть из-за того, что колдовство внушало им больше ужаса, чем даже воины Хрольфа, — мятежники вернулись на поле брани.

В одиночестве, и все же не одна, королева Скульд гадала, разбрасывала кости, покрытые рунами, и размахивала своим колдовским посохом. Огонь взмыл ввысь, и всякая нечисть закружилась в дыму и в облаках пара над кипящим котлом.

Прямо из рядов дружины Хьёрварда выскочил жуткого вида вепрь — серый, как волк, и огромный, как бык. Земля дрожала под его копытами, клыки сверкали подобно мечам, дикое рычание и вой вселяли ужас в слабые души.

Датские псы окружили вепря. Заливаясь лаем, они взяли его в кольцо. Зверь поворачивал свою морду то вправо, то влево, разя и калеча тех, что были ближе. Вскоре все боевые псы, изорванные и раздавленные, лежали валом вокруг него. Дольше всех Грам висел у него на горле. Но кабан яростно подбросил пса вверх и, когда тот упал, пронзил его насквозь своими клыкам.

И тогда кинулся вперед страшный зверь. Из щетины его полетели стрелы. Ни один щит не мог спасти от них. Под напором этой сверкающей смерти дружинники конунга Хрольфа падали как подкошенные. В их рядах появились прорехи, которые нечем было заполнить.

Свиптаг начал раскручивать свою секиру над головой.

— Сомкнитесь! — рявкнул он. — Убейте эту нечисть, прежде чем она доберется до конунга!

Он бросился вперед. Кречет Хайбрикс парил над его головой.

Стрела поразила Свиптага в левое плечо. Он продолжал крутить свое оружие, готовый в любой момент раскрыть череп вепрю. Два ворона подлетели к Хайбриксу. Он отважно встретил их когтями и клювом. Неуязвимые, они забили ястреба до смерти. Глянул на них Свиптаг. Всего на миг отвел он взгляд единственного своего глаза от чародейского вепря, и тут же острые клыки вонзились в его живот. Высоко взлетело тело Свиптага в облаке кровавых брызг и долго падало вниз.

А вепрь прорывался сквозь боевые порядки Хрольфа Жердинки, проникал все дальше, сокрушая все на своем пути.

Но так было не везде. Только один фланг был смят, другой продолжал сопротивляться. Держался и центр, где сверкали клинки конунга Хрольфа, Бьярки и Хьялти.

Вскоре, однако, под натиском врагов смешались и другие шеренги королевской дружины.

Битва бросала воина на воина, шеренгу щитов — на шеренгу щитов, ярость находила выход в неистовстве, сталь рассекала воздух со свистом, отовсюду сыпались удары.

Тяжело дыша, сраженные падали на окрашенную кровью мерзлую землю, над которой сгушались морозные сумерки.

Громче, чем вепрь, рычал Будвар-Бьярки. Его звенящий меч метался, как ураган, сокрушая всех и вся. Там падала голова, рука или нога, щит или шлем отлетал в сторону вместе с костями его владельца, но на место павшего становился новый воин — и руки Бьярки были в крови по самые плечи. Он не желал ничего другого, как только убить побольше врагов, пред тем как сам он падет.

Хрольф Жердинка больше не смеялся. Он только бил мечом, раз за разом. Хьялти стоял рядом, стараясь прикрыть конунга от ударов. Остальные защитники Лейдры сражались не менее отважно.

Уже совсем стемнело, однако было похоже, что, хотя много воинов Хьёрварда пало, их не становилось меньше. Бьярки узнал одного из нападавших. Он помнил его еще с тех времен, когда держава Хрольфа процветала. Теперь этот воин сражался на стороне Хьёрварда. Изрубленный, многократно раненный, норвежец не слишком хорошо защищался. Бьярки почувствовал, как копьё пробивает кольчугу, но удар не причинил ему большого вреда. Меч Луви расщепил щит врага. Несколько мгновений противники обменивались ударами. Бьярки отсек противнику руку и ногу и, изловчившись, вонзил клинок ему в грудь. Тот упал так быстро, что норвежец даже не заметил этого.

Битва разгоралась с новой силой. Воинов Хрольфа Жердинки постепенно оттесняли назад. Вдруг Бьярки снова увидел того воина. На его лице, искаженном диким оскалом, зияли пустые глазницы, но сам он продолжал сражаться. Бьярки нанес ему еще несколько ударов, пока в вихре битвы не потерял его из виду. Это был не единственный случай, когда он нарывался на подобную нежить. Оставшиеся в живых вожди дружины Хрольфа затрубили в рога, призывая всех, кто может, сомкнуться у ворот города. Здесь некоторое время им удавалось удерживать несколько пядей земли. Они так яростно рубились во мраке, что враги начали поспешно отступать от этого узкого прохода. Еще несколько усилий, и защитники смогли передохнуть.

Бьярки, узнав Хьялти в темноте, крикнул ему:

— Наш противник наделен особым могуществом. Я думаю, много воинов, восстав из мертвых, бьется здесь против нас,

и с ними невозможно сладить. Где тот воин из дружины конунга Хрольфа, что называл меня трусом?

— Ты сказал правду, — ответил его побратим, — и сказал ее без обиды. Здесь плечом к плечу с тобой стоит тот, кто зовется Хьялти. Сейчас я особенно нуждаюсь в бесстрашных товарищах, брат мой по клятве, ибо мои щит, кольчуга и шлем пришли в негодность. И хотя я убил не меньше врагов, чем бывало, я не в состоянии ответить на все удары, которые мне предстоит принять. Не стоит теперь нам спорить друг с другом.

В ворота проходили последние воины Лейдры. Их конунг и еще несколько дружинников сдерживали натиск неприятеля, пока заколдованный вепрь не напал на них. Он разбивал щиты в щепки, подминая людей и разбрасывая их в стороны. Бьярки вышел навстречу зверю. Его меч Луви сверкнул, как падающая звезда. Кабан упал замертво, но сначала он все-таки успел пробить клыком кольчугу норвежца.

— Велика моя скорбь, — прошептал Бьярки, — ибо я уже не смогу помочь своему господину...

Хьялти подал ему руку, помогая подняться. Бьярки успел сделать девять шагов, перед тем как пасть. Щитоносцы, сомкнувшись вокруг конунга Хрольфа, отступили за часток. Их преследовали враги. Вперед устремилась худенькая фигура Вёгга.

— Я задержу их! — крикнул он.

Какой-то воин, усмехнувшись, огрел его секирой. Удар не пробил котелка-шлема, но Вёгг упал оглушенный.

Битва все еще продолжалась. Автор Песни о Бьярки вкладывает в уста Хьялти следующие слова:

*Наши жизни потеряны нами,
рог последний судьбой осушен.
Мы ли труса праздновать станем,
нам ли в страхе просить пощады,
вместо доли, достойной героя —
пасть за честь своего господина?
Враг лавиной вломился в город:
двери домов поддаются секирам.
Наши кольчуги порваны в клочья,
плечи под ними в кровавых ранах.
Злобен лязг клинков и копий,
но никто не бежит из битвы:
лучше пасть со славой, чем жить в бесчестье.*

*Сколько пало во поле братьев:
смерть их косит, точно колосья,
кости блестят в потоках крови,
словно камни в ручье весною.
О, как мало ратоборцев рядом
с конунгом нашим клинки подьмлет,
и как много — но нет, не приспеют —
надо новых бойцов для победы.
Кончились стрелы, сломались копы,
щиты расщепились до яростно сжатых
кулаков, — гнет усталость героев.
С рук сорвем золотые запястья,
что в дни мира дарил нам конунг,
пусть нам тяжесть золота служит,
мощь удару руки придавая.
Смерть не властна над верностью нашей!
Пусть же бежит боязнь, убоившись!
Пусть оружие врага послужит
мерой доблести воинов датских!
Жить после жизни, прожитой как должно,
память способна; и прах забвенья
до Сумерек Света имя не скроет,
громкое славой имя героя.*

Умирая, Бьярки лег на землю, скованную морозом. Хьялти склонился над ним. Прошептал ему воевода, устремив взгляд в небо:

— Так много наших врагов собралось здесь, что у нас нет никакой надежды противостоять им. Но Одина я не видел. Сдается мне, что этот жестокий и вероломный сын троллей должен парить где-то рядом. Если бы я только знал, где он, этот несчастный упал бы с раной, что заставила бы его выть от боли, за то, что он причинил нашему конунгу.

— Нелегко сражаться с судьбой, — сказал Хьялти, — или противостоять могуществу асов.

Через мгновение он закрыл глаза Бьярки, встал и ушел навстречу своей смерти.

Последние воины конунга Хрольфа сплотились вокруг него. Скульд собственной персоной явилась из темноты ночи. Совсем обезумев, она вызывала чудовище за чудовищем. Под этим натиском колдовской силы, о которой прежде никто не ведал, под безжалостными клыками, в мелькании теней, зловонии, рыке и столах гибли дружина и ее вожди. Конунг вышел из-за разбитой шеренги щитов. Он повергал

назёмь воина за воином. Никто не видел, как погиб Хрольф Жердинка: битва поглотила его.

Одержав победу, Скульд засуетилась, стараясь вернуть всю вызванную ей нежить туда, откуда она явилась, и заставить мертвых лежать спокойно. Затем она при свете факелов принесла присягу своему мужу, объявив его верховным конунгом Дании. Клятва была произнесена скороговоркой, так как они оба были слишком утомлены, чтобы радоваться. Супруги нашли приют в королевских палатах. Темнота и покой опустились на Лейдру.

Вёгг, очнувшись в одиночестве, горько зарыдал.

СКАЗАНИЕ О ВЁГГЕ

1

На исходе ночи начался снегопад, продолжавшийся весь следующий день до самых сумерек. Казалось, он обнес мир непроницаемой стеной, стерев грань между землей и небом в тихом вечернем воздухе. Снег тяжело навалился на крыши домов, застлал истоптанную, залитую кровью землю, словно стараясь скрыть от воронья груды мертвецов.

В сумеречной хмари зимнего утра медленно двигались женщины Лейдры, возглавляемые Дрифой дочерью Хрольфа. Их лица скрывали черные капюшоны длинных плащей. Связками веток сметая снег с убитых, они пытались отыскать среди них своих мужей, а когда находили, то помогали друг дружке отнести их тела домой. Конунг Хьёрвард приказал не тревожить женщин, хотя в этом приказе и не было необходимости, ибо самый дикий из разбойников, что стояли на страже, опершись на свои копья, испытывал чувство благоговейного страха в окружении этих безмолвных теней, появлявшихся здесь и там и вновь исчезающих в подслеповатом сумраке. Слишком много ужасного случилось вчера. Слишком высока была цена победы. Победы, обратившейся в пепел.

Еще тяжелее было тем, кто видел королеву после возвращения из шатра, где она колдовала на исходе дня. Скульд двигалась как сомнамбула. В ее зеленых глазах сквозил тусклый блеск. Осунувшееся лицо было искажено усталостью. Снег на непокрытых волосах делал ее похожей на старуху.

В палатах конунг отвел ее в сторону, в самый угол, подальше от жалкой испуганной челяди.

— Ну, какие предзнаменования явились тебе? — прошептал он, сжимая пальцами край ее плаща.

— Недобрые, — ответила она упавшим голосом, устремив свой взгляд вдаль. — Снова и снова я бросала руны, но каждый раз они ложились, предвещая нечто ужасное. Когда же я вглядывалась в поверхность колдовского варева в котле, мне не являлось ничего, ничего кроме... Там, далеко в горном краю, кто-то ревел, и эхо ущелий отвечало его скорби и гневу подобьем погребального звона. Это был не человек... Похоже, мы с тобой явились всего лишь орудиями в чьих-то руках. — Скульд с трудом овладела собой; глаза ее прояснились, осанка приобрела уверенность. — Но ты теперь — конунг Дании, а я — твоя королева. — В голосе ее сквозило высокомерие. — Пусть же мир узнает об этом!

В тот вечер Хьёрварду пришлось устроить пир в честь победы, но пиршество получилось невеселое. Он поблагодарил своих воинов и преподнес им богатые подарки, однако не чувствовалось радости в огромной и пустой зале. Высокие языки пламени костров не могли рассеять ночную темень, а ворчливые разговоры собравшихся были почти не слышны в зловещей тишине. Несмотря на то что из-за непогоды гости конунга Хрольфа не смогли сразу разехаться по домам, почти все они нашли приют за пределами королевских палат, либо у вдов воинов Хрольфовою дружины, либо в семьях простых горожан, которые также в этот вечер оплакивали своего господина. Ни одна из женщин Лейдры, за исключением рабынь, не приняла участие в хлопотах у пиршественного стола и не заняла место на скамьях в зале. Только тени, словно призраки тех, кто еще недавно пировал здесь, толпились вокруг утомленных убийц, старавшихся держаться вместе. Даже в треске огня слышалось отдаленное эхо загробного хохота. Воздух был холодным и неподвижным, как в могиле.

Хьёрвард пил не переставая. Своих воинов, что пришли сюда, чтобы в качестве платы получить золото и земли, всех этих наемников-чужестранцев и разбойников, объявленных вне закона, всю датскую мразь, презренных нидингов — теперь он должен был восхвалять, хотя отлично помнил о тех, других... Лихорадочное веселье, охватившее Скульд, не находило в нем никакого отклика.

К тому моменту когда, как того требовал обычай, скальд произнес несколько вис в его честь — те оказались длин-

ными и неловкими, — Хьёрвард был совершенно пьян. Внезапно он глубоко вздохнул и воскликнул, обращаясь к своим воинам:

— Вы славно потрудились, мои бойцы! Да, да, вы совершили великое дело! Но как удивительно то, что ни один из воинов многочисленной дружины Хрольфа не попытался спасти свою жизнь ценой бегства или плена. Ни один... Разве я не прав? Видите, как любили они своего господина — они даже не захотели жить после его гибели. О, как я несчастен, — нет, мне не в чем упрекнуть вас, мои добрые воины, не поймите меня превратно, — но не был бы я счастлив... не смог бы избежать проклятия... если бы хоть один из этих смельчаков остался в живых и стал верен мне! Я хочу быть справедливым конунгом... Остался ли в живых хоть один из воинов Хрольфа Жердинки, и станет ли он служить под моим стягом?

Скульд нахмурилась. Все, кто восседали на скамьях, раздраженно заворчали.

— Мой господин! Только я один пережил вчерашний день, — послышался вдруг в сенях чей-то надтреснутый голосок, и в залу проскользнул хрупкий юноша, чья кожаная куртка была изорвана и забрызгана кровью. Он боязливо двинулся вдоль залы к трону конунга.

Королева Скульд устремила на него свой острый взгляд.

— Ты — один из людей моего брата? — спросила она. — Как твоё имя?

— Меня зовут Вёгг, моя госпожа. Конечно, я не самый лучший из дружинников, но я помогал им в борьбе с конунгом Адильсом, и я сражался вчера. Я единственный остался в живых, потому что упал, оглушенный.

— Станешь ли ты служить мне? — спросил Хьёрвард.

— Мне теперь больше некуда идти, ведь ты победил, мой господин.

— Вот видишь, наконец доброе предзнаменование, — воскликнул конунг, обращаясь к Скульд. Вынув меч из ножен, он продолжил: — Да, предзнаменование. Не об этом ли ты говорила, Скульд, дорогая? Прошлого отныне не будет враждовать с настоящим. Ха! — Он кивнул, довольный своим мудрым словами. — Ну, Вёгг, — продолжал Хьёрвард, прежде чем жена успела что-то сказать, хотя было видно, как ей хочется прервать его, — я с радостью принимаю тебя на службу. Смотри, будь мне верен и служи даже лучше, чем

моему шурину. Хорошо? — Он направил острие меча в сторону юноши. — Поклянись мне в верности на этом мече, и ты сразу увидишь, как щедр твой новый господин.

Пришелец, пожав своими узкими плечами, ответил:

— Но, господин, я не могу сделать это. Раньше мы никогда не клялись на острие меча — только на рукояти. Конунг Хрольф обычно вручал свой меч воину, и тот, произнося клятву в верности, держал его перед собой.

— Да? Гм... Хорошо.

— Нет! — начала было Скульд, но Хьёрвард уже подал меч Вёггу, а тот успел взять его в руки.

— Теперь подари мне свою верность, — сказал Хьёрвард.

— Да, мой господин, — ответил Вёгг твердо. — Вот она.

Он вздохнул и глубоко всадил клинок в грудь конунга. Мгновение Хьёрвард недоуменно глядел на поток своей крови. Потом он замертво рухнул с помоста и, несколько раз перевернувшись, растянулся на земле.

Скульд пронзительно закричала. Дружинники с ревом обнажили мечи. Вёгг шагнул им навстречу. И пока они убивали его, было слышно, как он смеется и выкрикивает имя Хрольфа Жердинки.

2

Через кручи Кеельских гор, по диким лесам и крестьянским пашням, быстрее любого скакуна спешил Лось-Фроди, и люди невольно вздрагивали, едва заведя вдали его огромный, странный силуэт. Ни снежные заносы, ни бураны не могли остановить его. Он пускал в дело свой короткий меч, если ему требовалась пища, и, глотая куски на бегу, продолжал свой путь, отдыхая редко и недолго. Через несколько дней он достиг усадьбы конунга Тори Собачьей Лапы в Западном Гаутланде.

Стражники-копыеносцы, увидев ужасное существо, скакавшее галопом прямо на них, подняли на него коня. Фроди остановился и заревел, призывая брата. Конунг вышел к нему.

— Бьярки мертвы. Кровь заполнила след, который я оставил, чтобы иметь вести о нем, — сказал Фроди.

Перед тем как ответить, Тори застыл на мгновение, глядя в зимнее небо.

— В это время года мне потребуются недели, чтобы собрать воинов и отомстить за него. Тем временем мы можем послать за вестями.

Одного из своих людей они направили в Упсалу.

Королева Ирса, прослышав о прибытии гонца, приняла его как дорогого гостя, и рассказала все, что знала о падении конунга Хрольфа.

— Назначай место и время, — пообещала она, — и моя дружина будет там ждать вас. — Она задумалась на мгновение, сжимая и разжимая пальцы, которые время сделало узловатыми, и наконец кивнула. — Да, мой Хрольф прожил еще меньше лет, чем мой Хельги, хотя и многое успел. В роду Скьельдунгов не было долгожителей. Они желали слишком многого.

Дружины собрались на границе Сконе. В пути многие датские отряды присоединялись к ним. Правление королевы Скульд было жестоким и бездарным, и многие хотели покончить с ним.

Единственное, чего не осмелилась сделать новая владычица, — это запретить народу похоронить конунга Хрольфа. Над проливом Каттегат, который он охранял для своих подданных, люди вытащили на берег ладью и уложили в нее Хрольфа. При нем был его меч Скофнунг, рядом — его воины, также вооруженные и богато одетые, а вокруг были сложены сокровища. На этом месте был воздвигнут огромный курган в память о Хролфе и его дружине. Когда зажгли высокие костры и женщины пронзительно заголосили, вожди стали друг за другом обходить могилу по несколько раз, медленно ударяя мечами о щиты. Этим погребальным звоном они прощались со своим конунгом — господином добрых времен и счастливой судьбы Дании.

Королева Скульд не могла рассчитывать на их помощь. Ей было не на кого опереться, кроме тех головорезов, что привели ее к власти. А их приходилось награждать тем, что удавалось отобрать у других. А потому ненависть к ней росла. Вскоре по всей стране красный петух начал гулять по усадьбам, где жили ее ярлы. Местные вожди больше не платили податей и не желали ей повиноваться. Поскольку они стояли во главе своих тингов, бонды провозглашали их свободными правителями, которые ничего и никому не должны.

Руны, которые она часто раскидывала, и духи, которых она вызывала, предвещали Скульд одно лишь горе. Но они не могли или не хотели поведать ей о том, к чему следует готовиться. Кто-то неизвестный боролся с ее заклинаниями и не давал ей заглянуть в будущее.

— Мне кажется, — крикнула она однажды тому, кто поднялся к ней из морских глубин, — что Один хотел, чтобы я только помогла ему утолить его злобу.

— Ты думаешь, дело здесь только в злобе? — ответил он. — Отец Побед должен повергнуть любого, кто осмелится хоть ненадолго остановить войны. Он мог жаловать конунга Хрольфа и его дружину и пировать с ними, пока Судьба Мира благоволила к ним. Правда или нет все, что болтают о жизни героев после смерти, но их имена будут жить в веках.

— А мое?

— Да, твое тоже, только по-другому.

Скульд навестила могилу своего мужа. Потеря мужчины, который так самоотверженно любил ее, несмотря на насмешки и брань с ее стороны, оказалась для нее большим горем, чем она предполагала. Рабы, которым она приказала ухаживать за курганом на его могиле, были слишком нерадивы для этой работы.

Ранней весной конунг Тори и королева Ирса повели свои корабли через Зунд. Скульд послала им навстречу морских чудовищ и гигантских спрутов. Но стоило тем только подплыть к кораблям и увидеть Лось-Фроди, стоявшего на носу первого дракара, как они тут же сочли за благо отправиться восвояси, в свои подводные логова. Так же поступила и прочая нежить, которую королева-ведьма послала спасать Зеландию от своих врагов, ибо Фроди был страшнее, чем они.

Лось-Фроди повел дружины на Лейдру. Прорвавшись сквозь ряды стражников, оцепеневших от страха, он первым вступил в палаты. Поймав Скульд своими уродливыми руками, он натянул ей на голову мешок из тюленьей кожи и крепко затянул завязки.

— Нельзя сказать, что я зря родился, — хмыкнул он.

Когда Тори присоединился к нему, они вместе умертвили Скульд, королеву-ведьму.

Во время битвы разразился пожар и весь город сгорел дотла.

— Это хорошо, — сказал Тори Собачья Лапа, — земля очистилась.

Свершив месть, братья передали все, что осталось от страны, дочерям Хрольфа.

Вскоре после этого каждый вернулся к своей прежней жизни: Тори и его гауты возвратились в свои долины, шведы — к своей старой королеве Ирсе, а Лось-Фроди — к своему одиночеству.

Дрифу и ее сестру любили в народе. Однако женщинам было трудно управлять страной, которая распадалась на куски, а их сыновья были еще слишком молоды. Вскоре, по мудрому дружескому согласию, власть перешла к внуку Хельги, рожденному от наложницы, и ему удалось спасти страну от полного распада.

Много столетий пройдет, прежде чем Дания объединит все свои владения. А пока вновь запылали сигнальные костры, предупреждая о приближении врагов. Викинги, разбойники, объявленные вне закона, дикие племена грабили селян по всему северу. Не меньше вреда народу приносили необузданные конунги: горели факелы, сверкали мечи, свободные люди становились рабами, слышались проклятия мужчин и женский плач...

Ничего, кроме сказаний, не осталось от минувших мирных времен.

Здесь кончается сага о Хрольфе Жердинке и его воинах.

Содержание

От издательства	7
Сага о Хрольфе Жердинке, роман, перевод В. Дымишица, А. Иванова	
История «Саги о Хрольфе Жердинке»	11
Родословная Скъёльдунгов	15
О том, как была рассказана эта сага	17
Сказание о Фроди	19
Сказание о братьях	60
Сказание о Свипдаге	127
Сказание о Бьярки	170
Сказание об Ирсе	217
Сказание о Скульд	262
Сказание о Вёгге	295

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

Собрание фантастических произведений в 30 томах

Том десятый

Составитель *А. Новиков*
Ответственный за выпуск *Е. Чутов*
Редактор *Д. Смушкович*
Технический редактор *К. Козаченко*
Корректоры *Ж. Голубева, Н. Дундина,*
И. Лаздина
Операторы компьютерной верстки
Н. Амосова, Е. Глуховская
Оформление шмуцтитлов: *М. Ермаков*

ЛР № 062455 от 23.03.93.

Подписано в печать 5.12.96. Формат 84×108¹/₃₂.

Гарнитура Таймс. Печать высокая.

Усл. печ. л. 15,96. Тираж 10 000 экз.

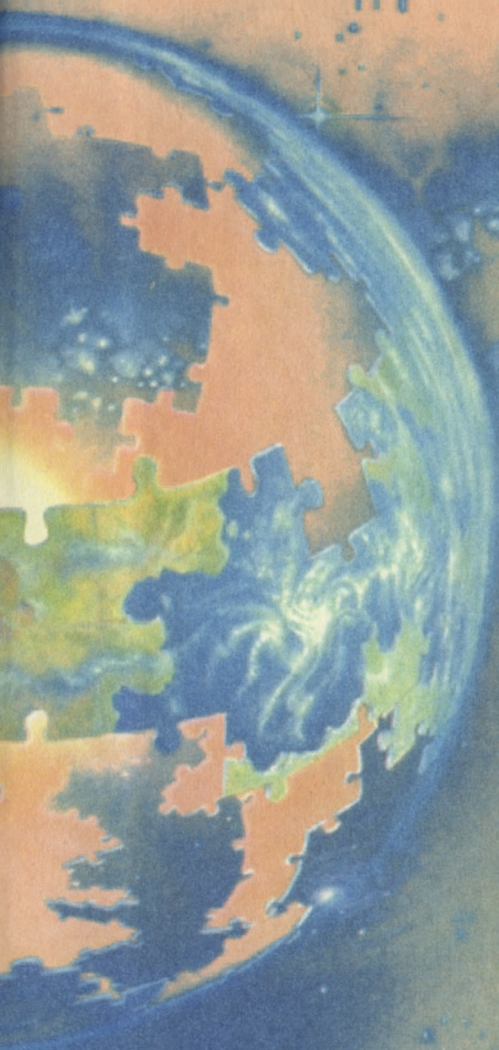
Заказ № 2871. С 179.

Издательство «Полярис»
Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Государственного Комитета Российской Федерации по печати
170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

Сага о Хрольфе Жердинке

В самый темный час Датской державы, когда брат пошел на брата, конунги Хроар и Хельги, отомстив за смерть отца, подчиняют себе своевольных ярлов, наводя ужас на соседей. Следующим на престол Лейдры восседет Хрольф сын Хельги, чтобы не прервался идущий от самого Одина род. Ему суждено будет стать величайшим из Скьёльдунгов. Однако проклятье отца переходит к сыну вместе с воинской славой. И сбывается страшное пророчество ведьмы, предсказывающее Хрольфу победу в проигранном бою. Герой гибнет, сраженный предательским ударом, но сага о нем продолжает жить.

